PG
34
B64B64
1889A
c. 1

ROBA

Presented to the
LIBRARY *of the*
UNIVERSITY OF TORONTO
by

John Stanley

И 369/37

МИХАИЛЪ КИРИЛЛОВИЧЪ

БОБРОВСКІЙ

(1785—1848)

УЧЕНЫЙ СЛАВИСТЪ-ОРІЕНТАЛИСТЪ.

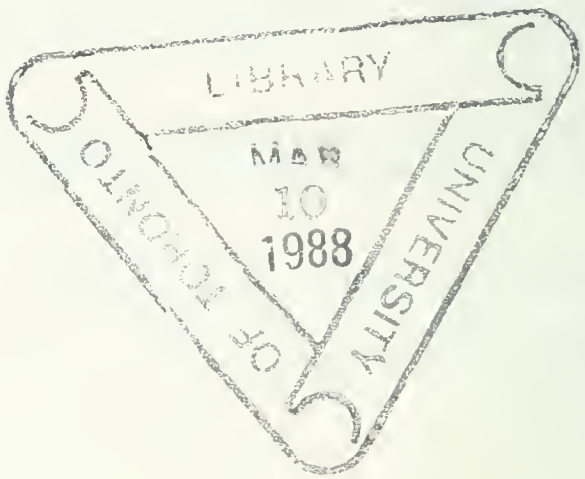
портретомъ, автографами, собственноручными списками и снимками древнѣйшихъ славянскихъ рукописей и факсимиле почерка знаменитой Супрасльской рукописи.

ИСТОРИКО-БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

П. О. БОБРОВСКАГО.

(XXI-35746

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. С. Балашева, Екатерининскій кан., № 78.
1889.


LIBRARY
MAR
10
1988
UNIVERSITY
OF TORONTO

LIBRARY
MAR
10
1938
UNIVERSITY OF TORONTO

МИХАИЛЪ КИРИЛЛОВИЧЪ БОБРОВСКІЙ

Въ біографическомъ очеркѣ М. К. Бобровскаго, даровитаго профессора св. Писанія въ бывшемъ виленскомъ университетѣ и одного изъ самыхъ видныхъ представителей русской грекоуніатской церкви въ эпоху ея угасанія и перехода въ православіе, намѣчены нами главныя стороны его дѣятельности и отличительныя черты его характера, и въ общихъ чертахъ указано отношеніе его къ вопросу о возсоединеніи.

Существенными дополненіями къ этому „очерку“ служатъ: во 1-хъ, изслѣдованіе наше о знаменитой Супрасльской рукописи, судьба которой возбуждала въ теченіе сорока лѣтъ разные толки въ литературѣ, во 2-хъ, переписка съ И. И. Кеппеномъ, впослѣдствіи академикомъ, въ 1825 и 1826 гг., отчасти объясняющая одинъ изъ мало извѣстныхъ эпизодовъ въ жизни М. Бобровскаго; въ 3-хъ, ученое его путешествіе по Европѣ и славянскимъ землямъ (1817—1822), значеніе котораго по своимъ послѣдствіямъ теперь не подлежитъ сомнѣнію; въ 4-хъ, переписка съ нѣкоторыми уніатами, пользовавшимися авторитетомъ до возсоединенія; въ 5-хъ, занятія на каѳедрѣ св. Писанія и библейской археологіи въ главной духовной семинаріи, бывшей при виленскомъ университетѣ.

Поэтому настоящій біографическій очеркъ пополняютъ частью другіе наши труды: „Судьба Супрасльской рукописи“ и „Переписка (съ И. И. Кеппеномъ) и ученое путешествіе по Европѣ и славянскимъ землямъ“, частью-же характеристика Плакида Янковскаго (Холм. Мѣсяцесловъ на 1867 г.), статья Пл. Жуковича (о профессорахъ главн. дух. семинаріи, въ „Христ. Чтеніи“ на 1887 г.), изслѣдованіе о. Симона, ректора с.-петербургской р.-к. академіи (изъ дѣлъ архива бывшей глав. дух. семин.).

И при всемъ томъ въ жизнеописаніи ученѣйшаго западнорусскаго слависта, пользовавшагося большою популярностію между рускими уніатами въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ, остаются еще существенные пробѣлы. По недостатку матеріаловъ до сихъ поръ не была оцѣнена обстоятельно и безпристрастно профессорская дѣятельность М. Бобровскаго, глубоко приверженнаго къ церкви греко-славянской. Только въ послѣдніе годы, благодаря содѣйствію протоіереевъ Михаила Токаревскаго, Николая Жуковича и Андрея Демяновича, намъ удалось получить нѣсколько весьма важныхъ матеріаловъ, позволяющихъ представить въ истинномъ свѣтѣ многіе факты изъ жизни ученаго слависта-оріенталиста. Во всякомъ случаѣ, для полной характеристики и правильной оцѣнки этого замѣчательнаго представителя славянской науки между русскими уніатами недостаетъ еще многихъ важныхъ документовъ; намъ не удалось открыть еще мѣста ихъ храненія, не смотря на многолѣтнія старанія.

П. Б.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Общая характеристика матеріаловъ 1

I. Священникъ Кириллъ, отецъ Михаила Бобровскаго. Очеркъ состоянія русско-уніатской или греко-славянской церкви въ концѣ XVIII и началѣ XIX ст. Базиліанцы и бѣлое духовенство, или борьба двухъ началъ—польско-латинскаго и русско-славянскаго въ Польшѣ и западной Россіи. Брестскій капитулъ. 12

II. Воспитаніе и первоначальное образованіе (1792—1806). Состояніе греко-уніатскаго духовенства въ бывшей Бѣлостоцкой области. Супрасльскій Благовѣщенскій монастырь. Начало знакомства Михаила Кирилловича съ древностями славянскими . . . 31

III. **Богословское образованіе, ученое путешествіе по Европѣ и славянскимъ землямъ и занятія на каѳедрѣ св. писанія въ виленскомъ университетѣ (1808—1833 гг.).**

Ученыя степени. Рукоположеніе 1814 г. Вступленіе на каѳедру св. Писанія, 1814 г. Назначеніе брестскимъ каноникомъ. Ученое путешествіе (1817—1822 гг.). Предложенныя Бобровскимъ реформы главной духовной семинаріи, 1823 г. Неудовольствіе базиліанскихъ монаховъ. Отрѣшеніе отъ каѳедры и удаленіе въ Жировицы, 1824 г. Переписка съ П. И. Кеппеномъ, 1825 и 1826 гг. Возстановленіе на каѳедрѣ. Школа славяновѣдѣнія въ Вильнѣ (первая въ Россіи) съ 1826 г. Занятія Бобровскаго въ Вильнѣ до преобразованія главной семинаріи въ римско-католическую академію. Главнѣйшіе труды М. К. Бобровскаго. Избраніе въ члены ученыхъ обществъ. Предложеніе графа Сперанскаго о сравнительномъ всеславянскомъ словарѣ. Отставка. Характеристика личности профессора. Поднесеніе портрета учениками. 51

стр.

IV. **Возсоединеніе съ православіемъ.**
М. Шерешево. Михаилъ Кирилловичъ слѣдитъ за реформами обрядовъ въ уніи. Продолженіе переписки съ епископомъ Сѣмашкою и протопресвитеромъ Тупальскимъ. Цѣль поѣздки Іосифа Сѣмашки по епархіи въ 1834 г. Первыя подписки на возсоединеніе. Объясненіе хода уніатскаго вопроса виленскому базиліанцу В. Босяцкому, 1835 г. Критическое время въ уніи. Графъ Остерманъ Толстой въ Шерешевѣ, поѣздка съ нимъ Бобровскаго въ Варшаву къ Паскевичу. Поѣздки по епархіи съ епископомъ Антоніемъ. Ревизія Бобровскимъ Любешовскаго благочинія 1837 г. и его отзывъ. Поѣздка въ Жировицы. Успѣшный ходъ подписки духовенства на возсоединеніе въ Литовской епархіи. Отклоненіе вызова въ коллегію осенью 1837 г. Письмо Сѣмашки. Представленіе Бобровскаго въ званіе старшаго соборнаго протоіерея и отзывъ о немъ Сѣмашки 1838 г. Послѣдній часъ пробилъ для уніи. Сужденіе Михаила Кирилловича по поводу Полоцкаго акта возсоединенія 12 февраля 1839 г. Участіе протоіерея Бобровскаго въ торжественномъ богослуженіи въ Вильнѣ 3 сентября 1839 г. 68

V. **Занятіе славистикой и послѣдніе годы жизни въ Шерешевѣ.**
Филологическіе и библіографическіе труды. Ошибочное сужденіе профессоровъ Кояловича и Кочубинскаго. Образъ жизни заслуженнаго профессора. Поѣздка въ Полоцкъ, 1844 г. Посѣщеніе Шерешевскаго отшельника архіепископомъ І. Сѣмашкою, 1846 г. Послѣднія минуты жизни и кончина, 21 сентября 1848 г. Памятникъ надъ могилою. Крестъ въ память св. Кирилла и Меѳодія, принесенный въ даръ Шерешевской церкви. 90
Судьба библіотеки, рукописей и переписки 101

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Общая характеристика матеріаловъ 1

I. Священникъ Кириллъ, отецъ Михаила Бобровскаго. Очеркъ состоянія русско-уніатской или греко-славянской церкви въ концѣ XVIII и началѣ XIX ст. Базиліанцы и бѣлое духовенство, или борьба двухъ началъ—польско-латинскаго и русско-славянскаго въ Польшѣ и западной Россіи. Брестскій капитулъ. 12

II. Воспитаніе и первоначальное образованіе (1792—1806). Состояніе греко-уніатскаго духовенства въ бывшей Бѣлостоцкой области. Супрасльскій Благовѣщенскій монастырь. Начало знакомства Михаила Кирилловича съ древностями славянскими . . . 31

III. **Богословское образованіе, ученое путешествіе по Европѣ и славянскимъ землямъ и занятія на каѳедрѣ св. писанія въ виленскомъ университетѣ (1808—1833 гг.).**

Ученыя степени. Рукоположеніе 1814 г. Вступленіе на каѳедру св. Писанія, 1814 г. Назначеніе брестскимъ каноникомъ. Ученое путешествіе (1817—1822 гг.). Предложенныя Бобровскимъ реформы главной духовной семинаріи, 1823 г. Неудовольствіе базиліанскихъ монаховъ. Отрѣшеніе отъ каѳедры и удаленіе въ Жировицы, 1824 г. Переписка съ П. И. Кеппеномъ, 1825 и 1826 гг. Возстановленіе на каѳедрѣ. Школа славяновѣдѣнія въ Вильнѣ (первая въ Россіи) съ 1826 г. Занятія Бобровскаго въ Вильнѣ до преобразованія главной семинаріи въ римско-католическую академію. Главнѣйшіе труды М. К. Бобровскаго. Избраніе въ члены ученыхъ обществъ. Предложеніе графа Спорнскаго о сравнительномъ всеславянскомъ словарѣ. Отставка. Характеристика личности профессора. Поднесеніе портрета учениками. 51

стр.

IV. **Возсоединеніе съ православіемъ.**
М. Шерешево. Михаилъ Кирилловичъ слѣдитъ за реформами обрядовъ въ уніи. Продолженіе переписки съ епископомъ Сѣмашкою и протопресвитеромъ Тупальскимъ. Цѣль поѣздки Іосифа Сѣмашки по епархіи въ 1834 г. Первыя подписки на возсоединеніе. Объясненіе хода уніатскаго вопроса виленскому базиліанцу В. Босяцкому, 1835 г. Критическое время въ уніи. Графъ Остерманъ Толстой въ Шерешевѣ, поѣздка съ нимъ Бобровскаго въ Варшаву къ Паскевичу. Поѣздки по епархіи съ епископомъ Антоніемъ. Ревизія Бобровскимъ Любешовскаго благочинія 1837 г. и его отзывъ. Поѣздка въ Жировицы. Успѣшный ходъ подписки духовенства на возсоединеніе въ Литовской епархіи. Отклоненіе вызова въ коллегію осенью 1837 г. Письмо Сѣмашки. Представленіе Бобровскаго въ званіе старшаго соборнаго протоіерея и отзывъ о немъ Сѣмашки 1838 г. Послѣдній часъ пробилъ для уніи. Сужденіе Михаила Кирилловича по поводу Полоцкаго акта возсоединенія 12 февраля 1839 г. Участіе протоіерея Бобровскаго въ торжественномъ богослуженіи въ Вильнѣ 3 сентября 1839 г. 68

V. **Занятіе славистикой и послѣдніе годы жизни въ Шерешевѣ.**
Филологическіе и библіографическіе труды. Ошибочное сужденіе профессоровъ Кояловича и Кочубинскаго. Образъ жизни заслуженнаго профессора. Поѣздка въ Полоцкъ, 1844 г. Посѣщеніе Шерешевскаго отшельника архіепископомъ І. Сѣмашкою, 1846 г. Послѣднія минуты жизни и кончина, 21 сентября 1848 г. Памятникъ надъ могилою. Крестъ въ память св. Кирилла и Меѳодія, принесенный въ даръ Шерешевской церкви. 90
Судьба библіотеки, рукописей и переписки 101

Приложенія.

№ 1. Факсимиле подписи соборнаго протоіерея доктора богословія, настоятеля Шерешевской церкви Михаила Бобровскаго. Изъ дѣла въ арх. свят. син. по греко-уніатской дух. коллегіи, 1839 г., № 18, л. 13.

Начало (стр. 1) собственноручнаго списка М. К. Бобровскаго со слова св. Іоанна Златоуста въ вербницѣ изъ Супрасльской рукописи, съ замѣтками. См. «Судьба Супрасльской рукописи», стр. 68 и 69.

№ 2. Послѣдняя (9-я) страница вышеназваннаго списка.

№ 3. Первая страница собственноручной библіографической записки профессора Бобровскаго о книгахъ глаголической печати имъ изслѣдованныхъ въ Вѣнѣ, Римѣ, Прагѣ и т. п., съ отмѣткою сверху рукою П. И. Кеппена: «Получ. 21 мая 1825 года». Содержащая въ себѣ эту записку тетрадь на сѣрой почтовой бумагѣ, въ 8-ку, въ 16 страницъ, хранится, вмѣстѣ съ письмами М. К. Бобровскаго къ П. И. Кеппену, въ имп. акад. наукъ. Отрывки изъ нея помѣщены въ Библіографическихъ листахъ 1825 г. Переводъ писемъ помѣщенъ въ Славянскихъ Извѣстіяхъ 1889 г. Имѣются особые оттиски этихъ писемъ.

№ 4. Окончаніе той же записки о глаголическихъ книгахъ древнѣйшей печати и начало письма М. Бобровскаго къ П. И. Кеппену (которымъ оканчивается упомянутая подъ № 3 тетрадь) о неудобствѣ отчуждать Супрасльскую рукопись, принадлежащую монастырю. Переводъ этого письма находится въ «Перепискѣ».

№ 5. Факсимиле почерка Супрасльской рукописи, одинъ листъ которой обязательно былъ доставленъ намъ, для снятія фотолитографіей главнаго штаба, покойнымъ княземъ П. П. Вяземскимъ съ разрѣшенія академика А. О. Бычкова; форматъ прилагаемаго снимка соотвѣтствуетъ формату подлинника.

№ 6. Снимокъ Парижской рукописи: первые пять стиховъ главы 1-й св. Евангелія отъ Іоанна. Внизу надпись: Cod. in bibliotheca regia Parisiis. Снимокъ Ватиканской рукописи, описаніе которой помѣщено въ V-мъ томѣ изданія Анжело Маи (Angelo Mai) «Scriptorum veterum vati-

cana collectio, pag. 101—111, въ статьѣ Бобровскаго: «Codices slavici Bibliothecae Vaticanae» подъ № IX. На оборотѣ снимка рукою Бобровскаго написано: Facsimile codicis M. S. Vaticani bombycini quam notavi, № IX. И такъ далѣе, какъ значится въ статьѣ «Судьба Супрасльской рукописи» изд. 1887 г., стр. 70, гдѣ нами описанъ дубликатъ такого же снимка.

№ 7. Снимокъ съ снимка Ватиканской рукописи подъ № 7201 глаголическимъ письмомъ.

Снимокъ съ снимка Ватиканской рукописи, помѣщенной Бобровскимъ въ его описаніи славянскихъ рукописей подъ № VIII.

Подъ этимъ номеромъ въ статьѣ написано: «Codex membranens in 16, saeculi fortasse XVI, continet foliis 150, in medio mutilus», т. е. Кодексъ пергаменный in 16, быть можетъ XVI ст., содержитъ 150 листовъ, въ серединѣ поврежденъ.—Это псалтирь съ пѣснопѣніями, какія присоединяются къ псалмамъ въ греческомъ кодексѣ и т. д. Script. Veter. Nova Collectio, V, Codic. Slav. № VIII. На этомъ снимкѣ обращаетъ на себя вниманіе особенная форма Кирилловскихъ буквъ, укороченнаго типа.

№ 8. Снимокъ Ватиканской рукописи, помѣщенной въ описаніи М. Бобровскаго подъ № XV. На оборотѣ снимка такая надпись: Fac simile codicis Ms. in bibliotheca Vaticana extantis, quem signavi № XV. Est characteris forma Sorborum in Dalmatia. Hac forma characteris auctor, quisquis ille fuerit, descripsit poëma epicum in dialecto slavo-bosnensi comporitum ad imitationem. Vidae carminis heroici, quod inscribitur Christiada. Imitatus vero hoc carmen Palmota natione Dalmata et typis latinis impressum edidit in lucem Romae 1670 in 8 maj.

№ 9. Автографъ профессора М. Бобровскаго. Письмо это адресовано его высокоблагородію, г. вице-предсѣдателю Литовской духовной консисторіи Янковскому, въ Вильну.

ВЪ С҃ТѪѬ И ВЕЛИКѪѬ НЕДѢЛ...

ЪНАЧѦЛО БѢ СЛОВО И С...

БѢ КЪ БОУ. И БЪ БѢ СЛО...

БѢ ИСКОНИ КЪ БОУ. ВЬСѢ Т...

БЫШѦ. И БЕЗ НЕГО, НИ ЧТО Ж...

Е ЖЕ БЫ. ВЪ ТОМЬ ЖИ...

БѢ. И ЖИВОТЪ БѢ СВѢ...

И СВѢТЪ ВЪ ТЪМѢ СВѢ...

ТСѦ. И ТЪМА ЕГО НЕ ОБЬѦТ...

:б:

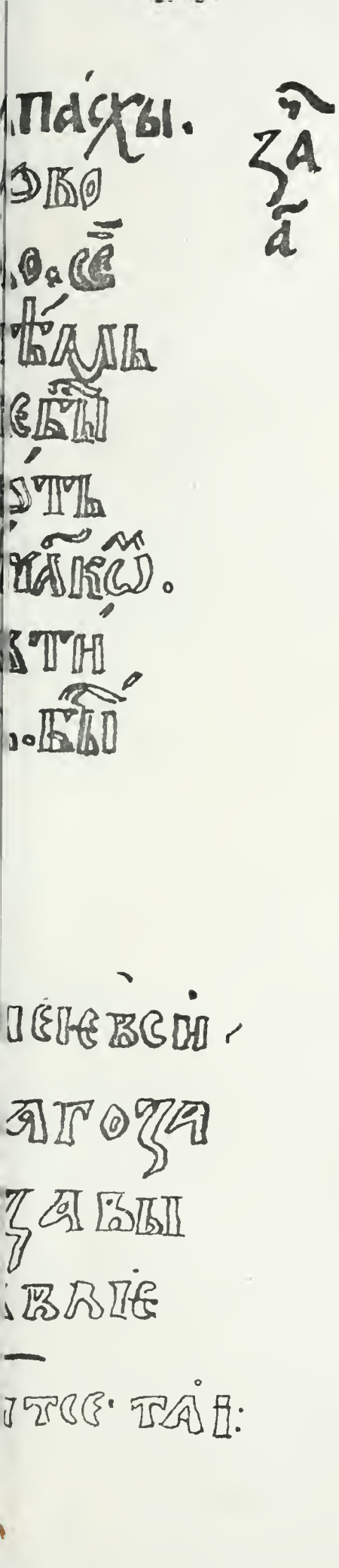
ВЪЗГЛАШЬ Г ИИ ТЕОТ...

СЕ ЕСТЬ КРЬВЬ МОѨ НО...

ВѢ ТАИ ЗЛИВАЕМА...

И ЗА МНОГЫ ВЬ ОСТ...

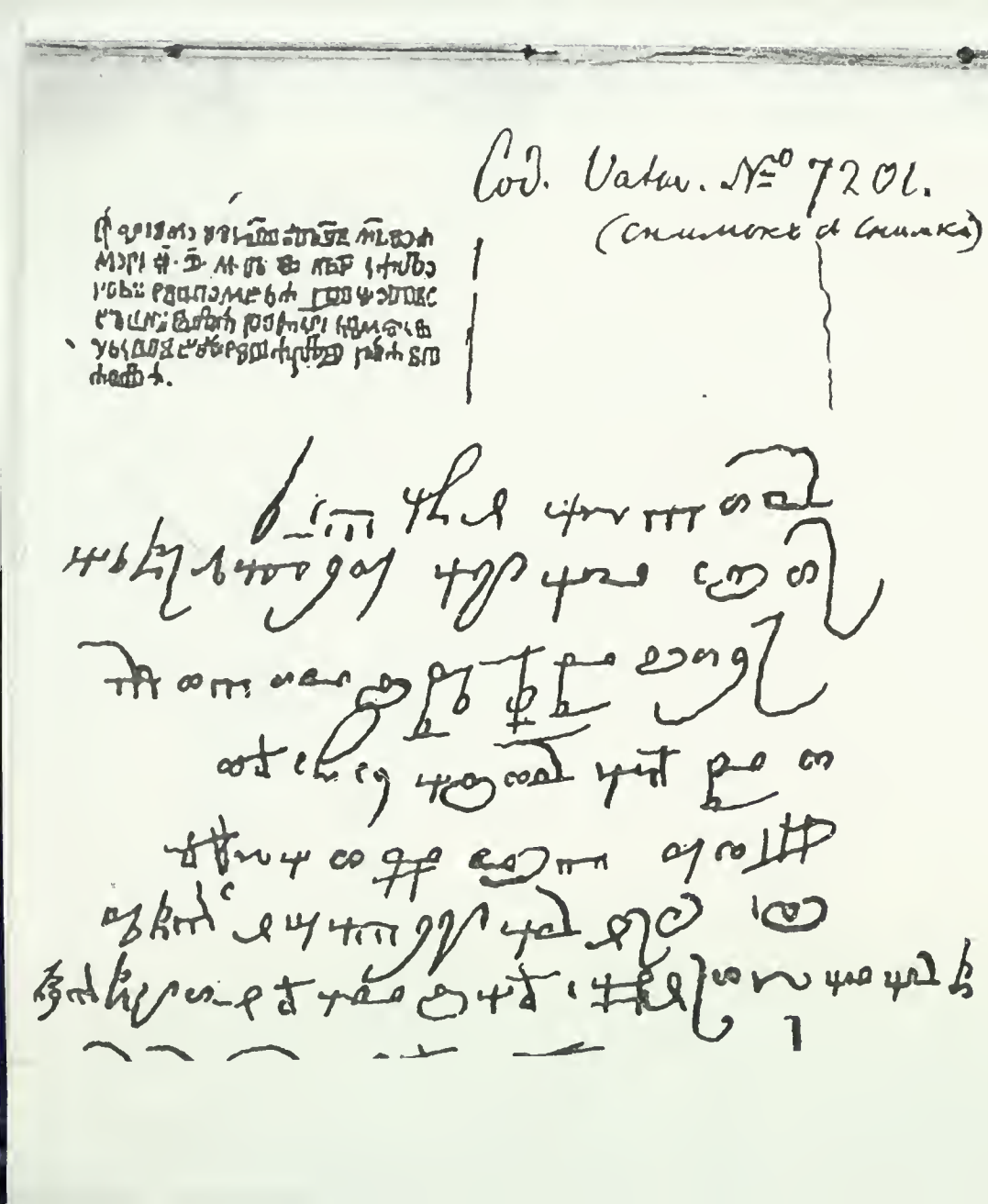
НИ ГРѢХОВЬ СТАЬ

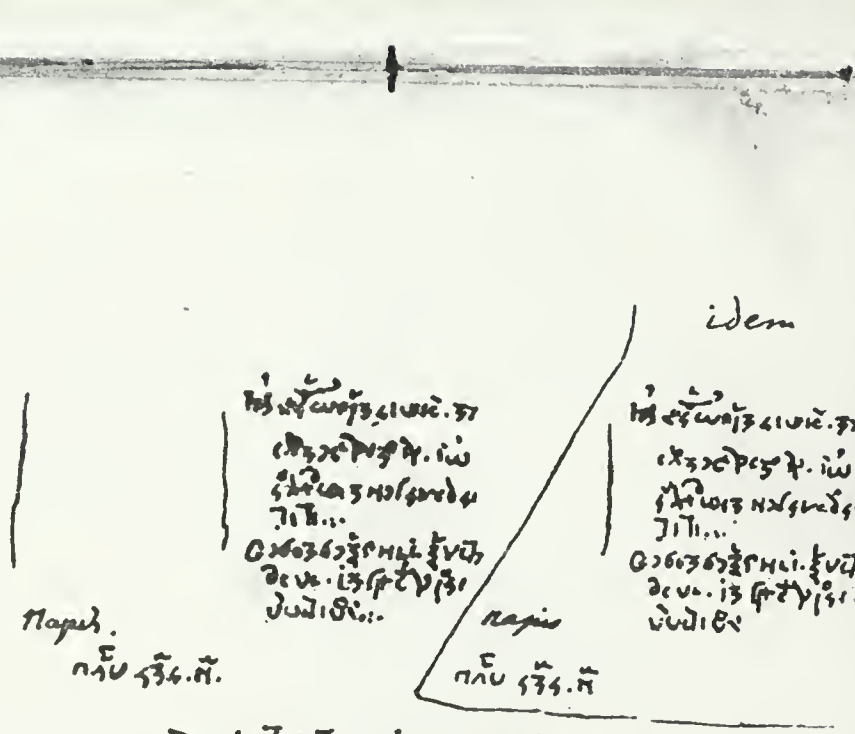


Cod. Vatic. № 7201.
(снимокъ съ снимка)

№ 7.

idem





Papis.

Papis

Fac simile Cod. Vatic. Slav. N.º VIII.
vide meam epistolam meam insenit

№ XV.

ПНЕПЯДНЕ ПРНПО.	1 ugh. Wat, litt tucinsk.
	Pienanie parvo
ПНШХЯН ДУШЕХ КНЕМ СВА НСХОДЕ,	Visegni dusce. kiem swa ishode
КНХ УБДЕСНМ ПНЕТВНМ СНПЯШЕ,	Ki cuidesim vicinciem sivase
КОН НЕБО ЗЕМКЛУ, Н ПОДЕХ	Koi nebo semglia i vode
ТПОМ КРНПОСТНУ НАПУНПЯШЕ.	Tuoom cripostim napuniuasc.
ТПОЯ ДОБРОТА НЕНЗРЕЧЕНА	Tua dobrota misrecene
ДАН ДОСТОННО ПЕВАТ МЕНЕ	Dai dostoino pivat meni
СЛАВНА КРАГЛНЦА ДВАШ РОЖЕНА	Slavna kraglica duasi rodiena
ПРЕД КНЕМ ПАДЕ СМОН ПАКЛЕНН,	Prid kijem pade smoi pa klieni;

M. Szereszew 12. Września 1845 r.

Posyłam do Panów raport z prośbą o wydanie pensyi Protojerejskiej za Majowy tercyał. Nie chciejcie Panowie opóźniać się z postanowieniem na wydanie onej; bo mój X. Parafnik, którego prosiłem pofatygować się ze tem, nie myśli długo bawić się, a tu u nas drożyzna — po gradobiciu i nieurodzaju trzeba kupić zboże i na siano i na chleb — Słyszałem: że w Zagranicznych pismach srogo i gorzko wymówiono M. Grabowskiemu — za jakieś pismo — mówią że i Panu coś tam dostało. Ale to muszą być literackie debaty. Wszystkim dygnitarzom i dygnitarkom Jerarchii Litewskiej moje głębokie uszanowanie posyłam i proszę nas przy puszczy Białowieskiej mieszkających bogomodlców mieć w swojej opiece. Darować naszym opuszczeniom i uchybieniom. Deliquias nostras ne memineris Domine!

Panu Dobrodziejowi

zawsze najżyczliwszy bogomodlca

X. Bobrowski Prof. Emer.

МИХАИЛЪ КИРИЛЛОВИЧЪ БОБРОВСКІЙ.

Историко-біографическій очеркъ.

1784—1848.

Общая характеристика матеріаловъ.—Воспитаніе.—Путешествіе по Европѣ.—Труды по славистикѣ. — Борьба съ Базиліанскимъ греко-уніатскимъ орденомъ за права бѣлаго духовенства и за чистоту греческаго обряда въ греко-уніатской церкви. — Профессорская дѣятельность въ виленскомъ университетѣ и главной духовной семинаріи. — Участіе въ реформѣ греко-уніатской церкви.—Значеніе дѣятельности Бобровскаго при возсоединеніи уніатовъ съ православіемъ.—Послѣдніе годы его жизни.—Судьба его библіотеки, ученыхъ работъ, рукописей и переписки.

Михаилъ Кирилловичъ Бобровскій, профессоръ священнаго писанія и библейской археологіи въ виленскомъ университетѣ и состоявшей при немъ главной духовной семинаріи, извѣстенъ въ исторіи славистики открытіемъ знаменитой супрасльской рукописи, составляющей, подобно Остромірову Евангелію и другимъ древнѣйшимъ памятникамъ славянскаго кирилловскаго письма, необходимый источникъ для изученія первоначальной письменности древняго церковно-славянскаго языка, который служитъ основаніемъ для изслѣдованія всѣхъ славянскихъ нарѣчій. Какъ знатокъ восточныхъ языковъ, библейской археологіи, славянской библіографіи, славянскихъ нарѣчій и новѣйшихъ языковъ, Михаилъ Кирилловичъ, въ 1820-хъ годахъ, становится членомъ римской академіи древностей, парижскаго и лондонскаго азіатскихъ обществъ и московскаго общества древностей и входитъ въ сношеніе съ знаменитыми учеными того времени.

Архипастыри, совершившіе возсоединеніе—митрополитъ Іосифъ Сѣмашко, архіепископы Василій Лужинскій и Антоній Зубко признаютъ за нимъ авторитетъ наставника своего и большей части духовныхъ лицъ греко-уніатскаго обряда, занимавшихъ, въ эпоху возсоединенія, важнѣйшіе посты по управленію епархіями, семинаріями и училищами.

Хотя, отказываясь отъ епископскаго сана, профессоръ М. Бобровскій не стремился къ высшему положенію, но всегда принималъ близко къ сердцу судьбу греко-уніатской церкви и бѣлаго духовенства, и никто не былъ способнѣе его служить соединительнымъ центромъ для примиренія противоположныхъ воззрѣній при реформѣ церкви и въ дѣлѣ возсоединенія. Его громадная ученость въ области богословія и славяновѣдѣнія, его нравственная безукоризненность и олицетворенная правдивость, его сильная энергія, при отсутствіи тщеславія, гордости, низкопоклонства, его неизмѣнная привязанность къ старинѣ, къ древней Руси, къ чистотѣ обрядовъ греко-славянской церкви, его горячее заступничество за права бѣлаго духовенства и его публичныя разоблаченія непристойныхъ дѣйствій Базиліанскаго ордена въ церкви, все это возвышало ученаго Бобровскаго надъ окружавшими его людьми всѣхъ оттѣнковъ. „Отрадно было видѣть, говоритъ протоіерей Янковскій, какимъ вниманіемъ и сочувствіемъ окружали заслуженаго мужа возсоединенные архипастыри, всѣ до одного почитавшіе въ немъ и своего наставника“.

Высокое почитаніе заслугъ профессора выразилось также и поднесеніемъ ему портрета въ 1830-хъ годахъ. Портретъ, гравированный на камнѣ, во множествѣ экземпляровъ былъ разосланъ въ епархіи бѣлорусскую и литовскую, обнимавшія въ то время всю греко-уніатскую митрополію. Жировицкій соборный протоіерей Бобровскій изображенъ, на портретѣ, въ одеждѣ уніатскаго каноника, съ наперстнымъ крестомъ на груди, присвоеннымъ православному духовенству [1]).

---

[1]) Копія портрета, которая будетъ приложена къ сему біографическому очерку, сдѣлана иждивеніемъ редактора „Русской Старины“, которому считаемъ долгомъ выразить по этому поводу глубокую признательность. На портретѣ, внизу, слѣдующая надпись:

Michael Bobrowski.

Protopresbyter Catedrae Zyrovicensis, S. T. D. Archoeolog. Acod. quae Romae

Въ 1840-хъ годахъ, въ качествѣ настоятеля шерешевской церкви и пружанскаго благочиннаго, знаменитый „философъ-оріенталистъ“, посвятивъ себя всецѣло служенію обновленной и очищенной отъ латинства греко-славянской восточной церкви, заканчиваетъ свою многознаменательную жизнь среди скромной сельской паствы.

Протоіерей Бобровскій скончался 21-го сентября 1848 года, на 64 году жизни, въ Шерешевѣ (Пружанскаго уѣзда), и похороненъ у алтаря кладбищенской шерешевской церкви.

Въ св. Пречистенскую шерешевскую церковь (въ которой священнодѣйствовалъ шестнадцать лѣтъ) онъ передалъ на вѣчное храненіе большой напрестольный серебряный крестъ, сдѣланный имъ по формѣ Велеградскаго креста въ Моравіи еще въ 1819 г., какъ бы въ воспоминаніе о высокочтимыхъ всѣми славянами первоучителяхъ Кириллѣ и Меѳодіи [1]). Надъ его могилой, иждивеніемъ духовенства пружанскаго благочинія, воздвигнутъ памятникъ изъ дуба, въ видѣ высокой пирамиды.

Къ сожалѣнію, по недостатку предусмотрительности дворянской опеки и депутата со стороны духовенства, погибли многія его ученыя рукописныя работы, его переписка и нѣсколько

---

floret atq. Mosquensi Histor. et Antiquitt. Rossic. societati adscriptus, Exegeos et Archoeolog. in Coesarea Literarum Universitate Vilnensi Professor Publicus ordinarius.

Hanc Viri Doctissimi, Proeceptoris sui carissimi, nunc fatis sic jubentibus, e provincia, quam intra Octodecim annorum spatium summa cum laude obierat, decedentis Imaginem, suis sumptibus in lapide delineatum Alumni Seminarii olim Gereneralis Vilnensis, graviter mocrentes, publicum pietatis reverentiae tenerrimq amoris documentum existere, voluerunt.

Въ переводѣ:

Михаилъ Бобровскій.

Жировицкій каѳедральный протоіерей, членъ римской археологической академіи и Россійскаго общества исторіи и древностей, ординарный профессоръ священнаго писанія (Exegeos) и библейской археологіи. Ученѣйшему мужу, драгоцѣнному наставнику, нынѣ по волѣ судьбы оставляющему мѣсто, которое занималъ съ великою славою въ теченіи 18-ти лѣтъ, бывшіе воспитанники главной виленской семинаріи, глубоко огорченные разлукою, постановили: въ знакъ всеобщаго къ нему почтенія, уваженія и нѣжнѣйшей любви изобразить на камнѣ этотъ портретъ на свои собственныя средства.

[1]) Письмо протоіерея Токаревскаго, шерешевскаго благочиннаго.

древнихъ славянскихъ рукописей, бывшихъ въ его распоряженіи для изслѣдованія.

Михаилъ Кирилловичъ, въ послѣдніе годы своей трудовой жизни, кромѣ весьма цѣнной библіотеки въ тысячу томовъ [2]), заключавшей много весьма рѣдкихъ изданій, преимущественно на старо-славянскомъ языкѣ кирилловской и глаголической азбуки, располагалъ также собраніемъ разнообразныхъ снимковъ того же древнеславянскаго письма, сдѣланныхъ имъ самимъ во время посѣщенія наиболѣе извѣстныхъ библіотекъ и музеевъ Европы, особенно въ Италіи и въ Парижѣ, а также при неоднократныхъ посѣщеніяхъ богатѣйшей въ то время по содержанію и составу древнихъ славянскихъ рукописей библіотеки супрасльскаго, нѣкогда православнаго, а потомъ греко-уніатскаго Благовѣщенскаго монастыря [3]).

Имѣются достовѣрныя свѣдѣнія, что у покойнаго протоіерея, въ числѣ рукописныхъ его работъ, находился курсъ „Славянской библіографіи“, читанный имъ въ Вильнѣ съ 1826 года и значительно дополненный послѣдующими его работами, множество археологическихъ и библіографическихъ замѣтокъ и, наконецъ, письма къ нему извѣстнѣйшихъ ученыхъ славистовъ того времени: І. Добровскаго, В. Ганки, В. Копитара, Юнгмана,

---

[2]) Его ученикъ, Плакидъ Янковскій, въ жизнеописаніи главнѣйшихъ дѣятелей по сохраненію русской народности западной Россіи, помѣщенномъ въ „Холм. мѣс.“ на 1867 г., пишетъ, что протоіерей Бобровскій, по особенной любви къ рѣдкимъ славянскимъ изданіямъ, составилъ свою весьма цѣнную библіотеку во время путешествія по славянскимъ землямъ и другимъ странамъ Европы; для пріобрѣтенія книгъ онъ часто отказывалъ себѣ въ необходимомъ.

[3]) Рукописи Супрасльскаго монастыря нынѣ хранятся въ виленской публичной библіотекѣ, въ числѣ 129, не достаетъ только древнѣйшей изъ нихъ, открытой М. К. Бобровскимъ. Добрянскаго „Описаніе виленск. публ. библ. церковно-славянскихъ и русскихъ“. Вильна, 1882 г., стр. 461. Здѣсь, подъ № 271, отмѣчено: „Копія знаменитой супрасльской рукописи“, сдѣланная, вѣроятно, самимъ Бобровскимъ. См. нашу статью: „Судьба супрасльской рукописи“, „Журн. Мин. Нар. Просвѣщ.“, октябрь, ноябрь и декабрь 1887 г. Также наше Статистическое описаніе Гродненской губерніи. Колонія Супрасль, 1863 г. Архимандрита Модеста „Супрасльскій Благовѣщенный монастырь“, въ „Вѣстн. Зап. Рос.“ 1867 г. „Краткое описаніе Супрасльскаго Благовѣщенскаго монастыря“, въ Вилен. календарѣ за 1885 г.

А. Х. Востокова и П. И. Кеппена, потомъ Погодина и Шевырева, письма къ нему государственнаго канцлера, графа Н. П. Румянцева, наконецъ, письма главнѣйшихъ дѣятелей по возсоединенію уніатовъ съ православіемъ, его учениковъ и друзей.

Въ своихъ изслѣдованіяхъ „О судьбѣ супрасльской рукописи“ (Журн. Мин. Нар. Просв. за 1887 г., октябрь, ноябрь и декабрь) мы коснулись также и судьбы библіотеки М. К. Бобровскаго, бывшихъ у него монастырскихъ рукописей, собственныхъ его ученыхъ работъ, а также и писемъ [4]). Въ настоящемъ же трудѣ своемъ мы сочли своею обязанностью представить возможно подробную характеристику его дѣятельности и заслугъ въ виленскомъ университетѣ и главной духовной семинаріи, а также въ греко-уніатской церкви въ 1820-хъ годахъ, во время борьбы бѣлаго духовенства съ базиліанскимъ орденомъ—вообще и съ латино-богословскою школою въ греко-славянской церкви въ частности. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы намѣрены привести въ извѣстность его ученыя работы по славистикѣ и, по возможности, его богословскіе труды.

„Каждый изъ его учениковъ“, говорилъ намъ въ одну изъ многихъ бесѣдъ Филаретъ, архіепископъ нижегородскій, „съ любовію, уваженіемъ и благодарностію вспоминаетъ профессора и наставника Михаила Бобровскаго, вашего дядю“. „Между прочимъ, онъ тщательно наставлялъ насъ въ церкви св. Николая (въ Вильнѣ), при отправленіи имъ церковной службы и совершеніи разныхъ обрядовъ и требъ по обряду греческой церкви, и умѣлъ развить въ своихъ ученикахъ благочиніе съ чисто евангельскою простотою“. Филаретъ Малишевскій воспитывался въ главной семинаріи одновременно съ Плакидомъ Янковскимъ (1826—29 гг.).

Гораздо ранѣе, въ 1858 г., въ Вильнѣ, упомянутый Филаретъ (въ то время ковенскій епископъ) на вопросъ, почему до сихъ поръ не появилась біографія ученаго слависта-богослова, который пользуется такимъ уваженіемъ духовенства сѣверо-западнаго края, замѣтилъ слѣдующее: „Вашъ дядя не могъ быть понятъ и достаточно оцѣненъ при своей жизни. Это такъ. Да

[4]) Имѣются особые оттиски съ приложеніемъ: автографа Михаила Кирилловича, образца собственноручнаго его списка съ супрасльской рукописи и образца (facsimile) подлинника этой рукописи.

и теперь (въ 1858 г.) еще не наступило время для правдивой оцѣнки его значенія въ вопросѣ о возсоединеніи уніатовъ; но исторія его не забудетъ". Скоро, однако, наше недоумѣніе было разрѣшено епископомъ гродненскимъ Игнатіемъ (Желязовскимъ), когда по обязанности собирателя матеріаловъ для статистики Гродненской губерніи я находился въ Гроднѣ (1860—1862 гг.). Преосвященный однажды разсказалъ мнѣ, между прочимъ, слѣдующее: „я былъ еще студентомъ виленскаго университета и хорошо помню, когда каноникъ Бобровскій произносилъ проповѣди; онѣ всегда производили на присутствующихъ въ храмѣ потрясающее впечатлѣніе и не только въ высшемъ обществѣ, но и среди поселянъ. Чтобы произносить рѣчи такъ, какъ произносилъ ихъ вашъ дядя, нужно обладать исключительнымъ дарованіемъ. Рѣчь его отличалась изяществомъ языка, проникнута была глубокимъ чувствомъ, произносилась съ необычайною простотою; впечатлѣніе его слова было сильно и вразумительно. Духовенство греко-уніатское уже давно вело борьбу съ базиліанскими монахами. Дядя вашъ, всегда правдивый и прямодушный, будучи всею душею преданъ церкви и скорбя о ней, объ униженіи духовенства, не могъ избѣжать въ своихъ рѣчахъ не только на каѳедрѣ св. писанія — въ аудиторіи, всегда переполненной слушателями, даже изъ виленскаго общества, но и въ церкви (а въ то время уніаты могли говорить рѣчи и въ костелахъ римско-католическихъ), замѣчаній въ намекахъ весьма деликатныхъ, но и мѣткихъ, всегда попадавшихъ въ цѣль. Профессоръ, безъ сомнѣнія, яснѣе насъ всѣхъ понималъ въ какую пропасть базиліанскій орденъ завелъ церковь и духовенство. Хорошо не помню, кажется въ началѣ или концѣ 1823 г., или же въ началѣ 1824 г., каноникъ Бобровскій сказалъ въ церкви монастыря, кажется Босоногихъ (босячекъ), сильную проповѣдь, въ которой обличалъ монаховъ въ упадкѣ нравственности и другихъ монастырскихъ неблаговидныхъ злоупотребленіяхъ. Проповѣдь эта съ одной стороны была неожиданнымъ ударомъ для учрежденій базиліанскаго ордена, который при князѣ Голицынѣ пользовался еще большимъ довѣріемъ въ Петербургѣ, съ другой стороны — создала непримиримыхъ враговъ канонику Бобровскому. Вы должны знать, что базиліанскіе монахи не стѣснялись средствами для достиженія своихъ цѣлей. Если бы не сильныя лица въ Петербургѣ, съ которыми дядя вашъ сошелся во время своего путешествія по

Европѣ, то для него могли произойти дурныя послѣдствія, тѣмъ болѣе, что почтенный профессоръ не способенъ былъ на уступки. Все дѣло на этотъ разъ ограничилось потерею каѳедры... Но и послѣ возвращенія его на каѳедру въ Вильну въ 1826 году злоба базиліанъ не давала ему покоя. На него клеветали, доносили, постоянно мутя его душу. Въ одно время онъ даже думалъ оставить Вильну и переѣхать въ Петербургъ или удалиться даже за границу; любовь къ родинѣ, къ своему брату, вашему отцу и его семейству измѣнили, къ счастію, его намѣреніе".

Послѣ такого откровеннаго разговора, дополненнаго впослѣдствіи замѣтками учениковъ М. К. Бобровскаго по главн. дух. сем., намъ стало яснымъ все то, о чемъ приходилось слышать ранѣе. Мы теперь могли найти руководящую нить для задуманнаго предпріятія, легко могли оцѣнить и смыслъ нѣсколькихъ словъ, сказанныхъ митрополитомъ Іосифомъ при первомъ ему представленіи въ 1858 г. въ Вильнѣ: „я весьма благодаренъ вашему дядѣ и всегда сохраняю къ его памяти глубокое уваженіе". Это не было простою вѣжливостію. Митрополитъ Іосифъ всегда питалъ расположеніе къ протоіерею и профессору. Еще въ дѣтствѣ мы встрѣчали у дяди епископа Іосифа Сѣмашку и видѣли съ какою любовію и деликатнымъ чувствомъ онъ относился къ дядѣ и къ намъ, малолѣтнимъ дѣтямъ умершаго его брата.

Собираніемъ матеріаловъ для біографіи М. К. Бобровскаго я занялся съ 1860 года, когда получилъ командировку для статистическаго описанія Гродненской губерніи. Тутъ я имѣлъ случай войти въ непосредственныя сношенія съ лицами, хорошо знавшими ученую дѣятельность профессора. Воспоминанія дѣтства, поясненныя и дополненныя разсказами учениковъ и друзей бывшаго профессора и наставника: Филарета (Малишевскаго), епископа ковенскаго (впослѣдствіи нижегородскаго архіепископа), Василія (Лужинскаго), архіепископа полоцкаго и витебскаго (впослѣдствіи члена св. синода), Игнатія (Желязовскаго), епископа брестскаго, и другихъ, я дополнялъ и провѣрялъ свѣдѣніями, почерпнутыми въ трудахъ писателей, у которыхъ встрѣчаются какіе либо отзывы или замѣтки о М. К. Бобровскомъ [5]).

[5]) Ярошевичъ, „Obraz Litwy", т. е. Изображеніе Литвы, говоритъ, что онъ пользовался библіогр. замѣтками проф. Бобровскаго, охотно ему удѣляемыми; Ярошевичъ былъ товарищемъ моего дяди по профессурѣ бывшаго

Послѣ появленія въ печати въ 1864 году (Лит. Епарх. Вѣд.) очерка жизни протоіерея М. Бобровскаго, какъ одного изъ замѣчательнѣйшихъ хранителей русской народности между уніатами, составленнаго талантливымъ перомъ его ученика и друга протоіерея Плакида Янковскаго (также Холм. мѣсяц. на 1867 г.) и статьи Антонія Зубки, архіепископа минскаго („Русскій Вѣстн." за 1864 г.) матеріалъ для біографіи М. К. Бобровскаго значительно пополненъ напечатанными въ 1880-хъ годахъ: „Записками митрополита литовскаго Іосифа (Сѣмашки)", изд. въ 1883 г., „Записками архіепископа полоцкаго и витебскаго Василія Лужинскаго", напечатанными въ нѣсколькихъ номерахъ „Православнаго Собесѣдника" за 1884 и 1885 гг., „Трудомъ" орд. акад. И. В. Ягича подъ заглавіемъ „Письма Добровскаго и Копитара", изданнымъ въ 1885 г., статьями въ „Христіанскомъ Чтеніи" Плат. Жуковича о главной семинаріи и о профессорахъ ея.

Наконецъ, въ послѣдніе годы, съ разрѣшенія оберъ-прокурора св. синода К. П. Побѣдоносцева, намъ открытъ доступъ въ архивъ св. синода; мы познакомились и съ архивомъ министерства народнаго просвѣщенія, вошли въ письменныя сношенія съ лицами, такъ или иначе заинтересованными въ нашемъ предпріятіи, и получили нѣсколько весьма цѣнныхъ документовъ, между прочимъ собственноручный рукописный сборникъ черновыхъ

вил. унив. и моимъ крестнымъ отцемъ. И. Даниловичъ, въ предисловіи къ изданнымъ имъ Литовскому лѣтописцу (въ 1827 г.) былъ не только товарищемъ, но и другомъ М. К. Бобровскаго; они сообща открыли нѣкоторыя историческія рукописи. Впослѣдствіи собранные Даниловичемъ документы изданы Сидоровичемъ, подъ заглавіемъ „Skarbiec Litwy etc.". Вильно, 1861 г. Кепиена „Библіограф. листы", изд. 1825 г. И. Срезневскаго „Переписка Востокова". Изд. II отд. имп. акад. наукъ, т. 5, изд. 1873 г. І. Добровскаго „Грамматика языка славянскаго", перев. съ латинскаго М. Погодина и С. Шевырева, 2 тома, изд. 1833 и 1834 гг. Вилепскія періодическія изданія на 1822—1828 гг. Dzien. Wileń. и Dzieje Dobroczyn., въ которыхъ помѣщены статьи Бобровскаго по славистикѣ и его публичныя рѣчи. Статьи эти и нѣкоторыя рѣчи перепечатаны въ „Русск. Вѣстн.", изд. Калайдовичемъ, 1824—27 гг. Изъ иностранныхъ же писателей назовемъ Ангело Майя въ изданіи его: „Scriptorum veterum Nova Collectio", Римъ, 1831 г. Здѣсь напечатана статья профессора Бобровскаго, составленная въ 1820 г. «Codicis Slavici». О нѣкоторыхъ напечатанныхъ трудахъ М. К. Бобровскаго упоминаетъ Эстрейхеръ въ Польской библіографіи.

писемъ профессора, съ 1830 по 1847 г., къ извѣстнымъ лицамъ того времени.

По этому поводу мы считаемъ своимъ долгомъ выразить признательность: каѳедральному протоіерею В. И. Гомолицкому, зятю митрополита Іосифа, академикамъ А. А. Куныку, А. Ѳ. Бычкову, И. Я. Ягичу, хранителю архива св. синода Н. И. Григоровичу, протоіереямъ М. Токаревскому и Николаю Жуковичу, свящ. Владиміру Кургановичу, преподавателю литовской семинаріи Ил. Жуковичу.

Не смотря на изобиліе собранныхъ фактическихъ данныхъ, намъ не удалось, однако, разыскать еще слѣдующихъ первостепенныхъ документовъ: „записной книжки“, въ которую Михаилъ Кирилловичъ, во время своего пятилѣтняго путешествія по Европѣ и славянскимъ землямъ, ежедневно вносилъ все заслуживавшее его вниманія, „отчетовъ“, представленныхъ имъ въ виленскій университетъ о своемъ ученомъ путешествіи, „писемъ“ къ нему извѣстныхъ ученыхъ славистовъ и уніатовъ, не изданныхъ его ученыхъ работъ, между прочимъ, и его „Славянской библіографіи“.

Эти существенные недочеты лишаютъ насъ возможности дать всестороннюю оцѣнку фактамъ въ интересной и поучительной жизни ученѣйшаго слависта и богослова. Однако, собранные нами матеріалы достаточно солидны для того, чтобы можно было рѣшиться представить вниманію читателей настоящій трудъ въ той надеждѣ, что работа эта можетъ повести къ раскрытію мѣста храненія искомыхъ документовъ и недостающихъ матеріаловъ и такимъ образомъ послужитъ основаніемъ для болѣе полнаго, критически обработаннаго изслѣдованія о дѣятельности славнаго мужа, которымъ „гордилось греко-уніатское духовенство“, называя его своимъ „свѣтиломъ и украшеніемъ“ [6]).

---

[6]) См. объ этомъ «Русск. Вѣстн.» на 1864 г., статья Антонія Зубки, архіепископа минскаго, и «Холмск. мѣсяц.» на 1867 годъ, статья Плакида Яковскаго, доктора богословія, вице-предсѣдателя литовской епархіи.

I.

Священникъ Кириллъ. — Состояніе русско-уніатской или греко-славянской церкви въ концѣ XVIII и началѣ XIX ст. — Базиліане и бѣлое духовенство или борьба двухъ началъ польско-латинскаго и русско-славянскаго въ Польшѣ и Западной Россіи.—Брестскій капитулъ.

Михаилъ Кирилловичъ принадлежитъ къ древнему роду черноруссkихъ славянъ, занимающихъ юго-западную часть Гродненской; на востокѣ черноруссы врѣзываются полосою черезъ Бѣловѣжскую пущу мимо Полѣсья, между бѣлоруссами и малороссами, достигая до Новогородка (нынѣшняго Новогрудка). Предки Бобровскихъ въ XVII и началѣ XVIII столѣтія владѣли нѣсколькими имѣніями въ Дрогичинской или Дрогицкой землѣ, т. е. въ странѣ между Дрогичиномъ, Мельникомъ и Бѣльскомъ [1]).

Отецъ Михаила Кирилловича, священникъ Кириллъ, продавъ въ 1762 году свое послѣднее имѣніе Углы, отправился сначала искать лучшей участи въ Малороссіи, прожилъ нѣкоторое время въ Кіевѣ и, вернувшись на родину въ 1777 году, поступилъ въ духовное званіе, получилъ актъ представленія (презенту) отъ помѣщика Бобровницкаго на приходъ въ Волькахъ, а въ 1779 г. рукоположенъ въ священники брестскимъ греко-уніатскимъ епископомъ Симеономъ Млоцкимъ.

Священникъ Кириллъ, можно сказать, олицетворялъ собою типъ пастыря грекоуніатскаго бѣлаго духовенства той эпохи. Съ начала XVIII вѣка оно поставлено было въ тяжелыя условія, вслѣдствіе политики Рѣчи Посполитой и преобладанія латинскаго культа въ Базиліанскомъ орденѣ, относившемся высокомѣрно къ простому и скромному служителю алтаря. Защищая права своей церкви и ограждая своихъ прихожанъ отъ самоуправства господской (пан-

[1]) Въ актахъ бывшаго Дрогицкаго городскаго суда 1632 — 1634 годовъ находится грамота дворянину Михаилу Бобровскому на званіе летическаго подчашія, подписанная королемъ Владиславомъ IV 20-го января 1633 года. Его потомки по прямой линіи — сынъ Емельянъ, внукъ Матвѣй и правнукъ Иванъ имѣли въ своемъ владѣніи имѣнія — Островище-Лишки, Залѣсье, Глуховка. См. акты того же суда 1645, 1647, 1679 и 1714 годовъ. Сынъ Ивана. Кириллъ, владѣлъ до 1762 года только д. Углами, доставшимися ему по наслѣдству, въ 1757 году.

ской) власти, сельскому священнику нужно было обладать сильнымъ характеромъ и чистою душою, чтобы не пасть подъ бременемъ своихъ пастырскихъ обязанностей. Малѣйшій капризъ помѣщика грозилъ утратою мѣста и нищенствомъ семьи. Священникъ Кириллъ пробылъ настоятелемъ 44 года и умеръ на 84 году жизни, оставаясь вѣрнымъ своему пастырскому призванію и пріобрѣтя своею добродѣтельною жизнію уваженіе—какъ христіанинъ, какъ священникъ и настоятель, какъ домовитый хозяинъ и заботливый отецъ семейства.

Мы позволимъ себѣ остановиться на этомъ трудолюбивомъ, тихомъ, кроткомъ сельскомъ пастырѣ, какимъ онъ представленъ въ надгробной рѣчи, сказанной 7-го іюля 1824 году магистромъ богословія, бѣльскимъ благочиннымъ Адамомъ Костычевичемъ [2]). Обстоятельства пріучили отца Кирила съ раннихъ лѣтъ упорнымъ трудомъ заработывать средства къ жизни. Въ то время содержаніе приходскаго священника ограничивалось доходомъ съ небольшаго участка земли. Но онъ и при скудныхъ средствахъ не только не нуждался въ необходимомъ, но находилъ возможность оказывать помощь нуждающимся прихожанамъ, и ничего не жалѣлъ, нерѣдко самъ питаясь кускомъ хлѣба съ водою, для образованія своихъ оставшихся въ живыхъ двухъ сыновей, съ дѣтства лишившихся матери. Въ совершеніи богослуженія священникъ Кирилъ строго держался обряда по уставу греческой церкви. Добавимъ къ сказанному Костыцевичемъ, что въ его послужномъ спискѣ значится слѣдующее: „въ знаніи уставовъ греко-восточной церкви онъ превосходилъ всѣхъ священниковъ цѣлой епархіи“ (Архивъ литовск. епарх.). Эта черта обращаетъ на себя вниманіе потому особенно, что со времени Замостьскаго собора въ 1721 году базиліанская латино-богословская школа настоятельно стремилась къ послѣдовательной замѣнѣ греческихъ богослужебныхъ обрядовъ латинскими. По ученію же базиліанскихъ схоластовъ того времени въ смѣшеніи латинскихъ обрядовъ съ греческими собственно и заключалось существо уніи! Священникъ Кириллъ съ молодыхъ лѣтъ своихъ могъ видѣть къ чему стремились намѣренія Базиліанскаго ордена съ начала XVIII вѣка,

[2]) Проповѣдь въ день похоронъ священника Кирилла Бобровскаго, настоятеля Вольчанской церкви, 7-го іюля 1824 года. Dzieje Dobroczynnosci, 1824, VI, str. 329. Переводъ въ лит. Епарх. Вѣд. на 1887 г.

которыя, по счастію, не раздѣлялись нѣкоторыми сильными лицами изъ состава бѣлаго (т. е. свѣтскаго) духовенства, образовавшаго съ семидесятыхъ годовъ XVIII вѣка знаменитый въ исторіи уніи XIX в. Брестскій капитулъ.

„Онъ (говоритъ магистръ Костыцевичъ), не имѣлъ высшаго научнаго образованія, но его здравый, свѣтлый умъ, не будучи отуманенъ лжеученіемъ, обогащенъ былъ постояннымъ чтеніемъ священнаго писанія и изученіемъ уставовъ греческой церкви. Проникнутый духомъ евангельскаго ученія, онъ научалъ народъ въ простотѣ апостольской, примѣняясь къ понятіямъ своихъ скромныхъ слушателей. Училъ слушать начальниковъ, въ точности отбывать повинности—пошлину, никого ничѣмъ не обижать, остерегаться клеветы, или же посягательства на чужое. И самъ жилъ такъ, какъ научалъ, собственнымъ примѣромъ располагая къ добродѣтели. Домъ его былъ разсадникомъ людей, привычныхъ къ честному труду. Утверждаемая имъ словомъ и дѣломъ вѣра тѣмъ паче была плодотворною, что богослуженіе онъ совершалъ съ самымъ строгимъ соблюденіемъ обрядовъ греко-славянской церкви, а поученія говорилъ на языкѣ, доступномъ простолюдину. Стараніемъ и попеченіемъ священника Кирилла и содѣйствіемъ ктитора, помѣщика Игнатія Бобровницкаго, церковь совершенно обновлена и обезпечена необходимою утварью. Въ минуту-же вступленія въ жизнь вѣчную онъ оставилъ на свое погребеніе 20 рублей, а 200 рублей, имъ накопленныхъ, завѣщалъ церкви на пріобрѣтеніе серебряной чаши и ризы“.

Священникъ Кириллъ, будучи многіе годы духовникомъ бѣльскаго благочинія, наставлялъ молодыхъ священниковъ въ церковномъ уставѣ, благотворно вліялъ на ихъ умъ и сердце и пользовался уваженіемъ окрестнаго бѣлаго духовенства. Примѣрное единодушіе связывало бѣлое духовенство этой страны (бывшей Бѣлостокской области) какъ бы въ одну общую семью, крѣпко стоявшую другъ за друга и оказывавшую взаимную самопомощь. При отсутствіи правильнаго организованнаго управленія епархіями, при извѣстной зависимости священниковъ отъ епархіальныхъ архіереевъ, большею частью назначаемыхъ изъ базиліанскаго ордена, при стремленіи греко-уніатскихъ монаховъ-базиліанъ къ насажденію въ средѣ славянъ Западной Россіи латинскаго ученія, при презрѣніи къ уніатскому священ-

нику не только латинскихъ патеровъ и польскихъ помѣщиковъ, большею частью русскаго же происхожденія, но нерѣдко бездомной, всегда кичливой шляхты—экономовъ, арендаторовъ и всякаго рода польской голытьбы, сельское духовенство неизбѣжно должно было сплотиться неразрывными узами и образовать одно цѣлое съ гонимыми и презираемыми своими прихожанами. Что, если не единодушіе бѣлаго духовенства, его смиренное терпѣніе, его добрыя отношенія къ прихожанамъ, бывшихъ въ тягостной крѣпостной зависимости отъ господъ, могло ограждать грекоуніатскую церковь на Руси отъ окончательной гибели въ ту смутную эпоху!

Въ большинствѣ случаевъ польская шляхта, не исключая знатныхъ вельможъ, какъ свидѣтельствуютъ многіе документы, писанные на русскомъ языкѣ, оффиціальномъ въ Литовской Руси, до XVI столѣтія, происходила отъ людей, воспитанныхъ въ православной или греко-уніатской вѣрѣ, благочестивые предки которой жертвовали земли и капиталы на устройство и украшеніе храмовъ.

Изъ числа документовъ, добытыхъ въ мѣстныхъ архивахъ знатоками и любителями славянской старины, приведемъ на выдержку нѣсколько фактовъ. Изъ акта о пожалованіи Ярославомъ Солтаномъ старостою Острынскимъ и женою его Маріей на церковь, „иже во свѣтыхъ отца нашего Николая Мирликійскаго и свѣтаго великаго мученика Христова Георгія“ въ с. Вольчинѣ (въ 30 верст. къ сѣв.-западу отъ г. Бреста), видимъ съ какою заботливостію православные устраивали Русь западную.

Солтаны надѣлили основанную ими церковь угодьями: „созвавша къ себѣ сусѣдъ нашихъ, съ которыми утворылесьмо панцервей волокъ три (нынѣ 60 десят.) во всѣхъ трехъ полеткахъ, съ сѣножатіями, навозами з'огородами и т. д. Еще 10 бочекъ жита мѣры Берестейской и грошей злотыхъ четыредесятъ що рокъ (ежегодно) даваты. Также домъ священнически близу церкви своимъ коштомъ побудовалесьмо (построили на свой счетъ) и апаратъ (утварь) увесь ку той церкви, з' книгами, з' дзвонами справивши отдалесьмо, а въ бору нашомъ на оналъ древа священниковъ Волчынскому ничымъ невозбранно позволилесьмо.... зачымъ наставшій священникъ по священнику однако словенскимъ языкомъ бы и въ позднѣйшій вѣкъ, а по нихъ и наступцы ихъ маютъ и повинни будутъ водлугъ (согласно) обрядку вѣры христіанское греческое одправовать... што вѣчно утвердывши никому моцы и владзы (власти) незостоуемо, только до той церкви фундыцыи нашея (основанной нами) вечистои Владыцы Володимірскому и Берестейскому и его капитуле (соборному клиру). Они яко власные (дѣйствительные) онекунове моцею и новагою (своимъ авторитетомъ) сеіе фундацыи маютъ, и повинни будутъ всего того постерегаты“. Въ случаѣ же нарушенія кѣмъ либо церковныхъ правъ по данной записи: „тогды его милость отецъ

Владыка съ капитулою своею маютъ того доходы ты. Писанъ во дворѣ нашомъ Волчынскомъ подъ лѣто Божою нароженіа тысяча пятсотъ осмдесятъ шостого (1586), м-ца маіа девятаго дніа. Индикта шостого“ [3]).

Владимірскіе и брестскіе владыки не исполнили, однако, обязанности попечителей; соборъ или капитулъ утратилъ свою силу и значеніе, какъ свидѣтельствуютъ акты, извлеченные изъ того же архива; волчинская церковь обращена въ монастырь базиліанскій; въ XVIII столѣтіи м. Волчинъ стало собственностью олатинившихся вельможъ; здѣсь, 17-го января 1732 г., родился Станиславъ Понятовскій, будущій король польскій Станиславъ-Августъ. Затѣмъ, въ 1749 г., оно стало гнѣздомъ конфедератовъ, монастырь ревностно развивалъ латинскій культъ, во дворцѣ у своей тетки, графини Замойской, проводилъ свое дѣтство князь Адамъ Чарторыйскій, научаясь любить Польшу и презирать кормившій его русскій народъ.

Подобную же запись, отъ 23-го октября 1486 г., мы нашли наклеенною на верхней доскѣ служебника 1620 года, принадлежавшаго М. К. Бобровскому, изъ которой видно, что нѣкая княгиня Мариміана Семеновна Смѣновичъ завѣщала „попомъ Гольшанскымъ“ въ добавокъ къ тому, что далъ имъ свекоръ ея, князь Семенъ, и его предки съ каждаго дыма по грошу и обязала таковую плату производить своимъ управителямъ.

Или, напримѣръ, запись епископа смолепскаго Іосифа Солтана, совершенная въ Вильнѣ 11-го мая 1508 г. По этой записи имѣнія подъ названіемъ Топилецъ, Батюты, Пыщево и Владычицы отдаются на вѣчныя времена церкви Божіей, Пречистыя Благовѣщенія, еже есть у скрай рѣки Супряслы (Бѣльскаго повѣта, нынѣ Бѣлостокскаго уѣзда) въ вотчинномъ владѣніи Александра Ивановича Ходкевича, положившаго основаніе Благовѣщенскому супрасльскому монастырю. Солтанъ поручаетъ Ходкевичу и его потомкамъ охранять эти имѣнія, переданныя въ вѣчное пользованіе монастырю, отъ обидъ и притѣсненій. „А хто бы имѣлъ оное имѣнье кривдити..., або бы што хто хотѣлъ того имѣнья отлучити, або отнять отъ церкви Божіей, на томъ не будетъ милости Божіей и будетъ на таковыхъ клятва святыхъ

[3]) „Dzieje Dobroczynn“. III, 1826 г., т. III, стр. 283—286. Выпись дана съ документа честному отцу Петру Банковскому, пресвитеру, въ 1675 г., ноября 3-го, и записана въ городскихъ брестскихъ книгахъ.

отецъ трехъ сотъ и осьминадесятъ, и разсудится тотъ съ мною на страшномъ судѣ Христовѣ... А при этой записи были люди добрые: панъ Александръ Ивановичъ Ходкевичъ, маршалокъ Господарскій, намѣстникъ Пунскій, князь Иванъ Ивановичъ, окольничій Смоленскый, а панъ Богданъ Сапѣга, окольничій Смоленскый, Степань Чапля, бояринъ пана Александра Ивановича Ходкевича. Писанъ у Вильны, въ лѣто 7014, мѣсяца майя 11 день, индикта 9“ [4]).

Можно привести много записей русскихъ бояръ и вельможъ, въ которыхъ они взываютъ къ совѣсти своихъ потомковъ, завѣщая имъ свято хранить обязательства, данныя на устроенные ими православные храмы, съ угрозою за нарушеніе обѣта страшнымъ судомъ Божіимъ и проклятіемъ седьмаго вселенскаго собора. Достаточно знать, что древнѣйшіе православные храмы въ Берестьи, Мельникѣ, Дорочинѣ, Бѣльскѣ, Брянскѣ, Суражѣ, существовавшіе уже въ XII и XIII вв. Но спустя 300, 400 лѣтъ, въ XVII и XVIII столѣтіяхъ, они обращены были или въ грекоуніатскія церкви, или же насильственно преобразованы въ римско-католическія. Извѣстно, что первоначальные законы въ западно-русскихъ княжествахъ были писаны на русскомъ языкѣ, такъ литовскій статутъ въ XVI ст. писанъ на русскомъ языкѣ. Но уже въ началѣ XVII ст. литовскій статутъ цитируется на польскомъ языкѣ.

Еще одинъ фактъ. Предки наши, съ самаго начала появленія уніи, много заботились о томъ, чтобы священнослужители, обучаясь церковно-славянскому языку, на которомъ совершается богослуженіе, тщательно изучали свой природный русскій языкъ.

Собравшійся въ 1626 году въ городѣ Кобринѣ синодъ, подъ предсѣдательствомъ архіепископа галицкаго и кіевскаго митрополита всея Руси Іосифа (Вельямина Рутскаго), изъ епископовъ владимірскаго и брестскаго — Іоахима, острожскаго и луцкаго — Іереміи, архіепископа полоцкаго, витебскаго и мстиславскаго — Антонія, епископовъ — пинскаго и туровскаго — Григорія, смоленскаго и черниговскаго — Льва,

---

[4]) Археолог. сборн. документовъ къ исторіи сѣверо-западной Россіи. Т. IX. Вильна, 1870 г., № 2.

архимандритовъ, игуменовъ, протопоповъ со всей Руси, согласился и постановилъ учредить главное училище для всѣхъ русскихъ дворянъ греческаго обряда съ цѣлью обученія ихъ наукамъ и святой вѣрѣ, въ которой родились, съ тѣмъ, чтобы богатые содержались на свой счетъ, а бѣдные, годные для распространенія славы Божіей въ нашемъ греческомъ обрядѣ, рекомендуемые начальствомъ фронтистуріона (отъ греческаго, но латыни же—семинаріи), получали бы пищу и одежду. Для содержанія русской школы или семинаріи митрополитъ и епископы сложили опредѣленную сумму денегъ, а игумены всѣхъ монастырей троицкаго соединенія положили жертвовать въ теченіе 4 лѣтъ по $^1/_3$ части доходовъ. Семинарія должна была имѣть преподавателей русскаго языка. И всѣ эти добрыя намѣренія рушились въ самомъ началѣ; школа, просуществовавъ нѣсколько лѣтъ въ Минскѣ, была закрыта и брестскій капитулъ долго не могъ доискаться, куда дѣлись 27,000 злотыхъ, собранныхъ на устройство русской школы, ввѣренной попеченію базиліанскихъ начальниковъ [5]).

Масса документовъ свидѣтельствуетъ объ отступничествѣ западно-русскихъ вельможъ и духовенства отъ религіи своихъ предковъ и объ измѣнѣ своей національности. Совершенно справедливо замѣтилъ по этому поводу извѣстный французскій публицистъ Прудонъ: „Никогда еще своему народу не измѣняли тѣ самые элементы, которые, повидимому, должны были бы составлять его величіе, именно—его дворянство и духовенство. И это оттого, что аристократія, имѣющая повсюду значеніе переходнаго органа, болѣе всего бываетъ гибельна у народовъ простаго и мягкаго характера, въ которыхъ тщеславіе, особенно у женщинъ, сильнѣе честолюбія, и въ которыхъ робкое и буйное *я* столь же не способно къ повиновенію, какъ и къ власти“.

И то, что сказано знаменитымъ французомъ о полякахъ, усвоившихъ себѣ внѣшность европейской цивилизаціи, примѣняется вполнѣ къ русскимъ въ Западной Руси.

---

[5]) Этотъ любопытный актъ, утвержденный папою Урбаномъ VIII, въ 1628 году найдетъ въ латинской книгѣ Кульчинскаго въ Римѣ, переведенъ Иваномъ Бобровскимъ и помѣщенъ въ Dziej. Dobroczyn. за 1823 г., т. I, стр. 97. Куда же дѣлся подлинный актъ, писанный на русскомъ языкѣ, неизвѣстно.

Какъ случилось отступничество вельможъ и высшей духовной іерархіи, увлекшихся приманкою польской цивилизаціи, достаточно извѣстно каждому. Припомнимъ только, что поляки, утративъ свои области въ борьбѣ съ германцами, въ XIV столѣтіи сплотились въ самостоятельное государство, усвоили себѣ западную цивилизацію: католицизмъ, рыцарство-шляхетство и наводнили города евреями. Съ того времени и начинается цивилизаторская дѣятельность поляковъ подъ знаменемъ латинскимъ.

Успѣху польской пропаганды у русскихъ славянъ благопріятствовали условія географическія и политическія. Уніи—политическая 1569 и религіозная 1596 г. опутали западно-русскія области сѣтью іезуитовъ; но эти сторонники римскаго культа у славянъ въ Европѣ нигдѣ не имѣли такого успѣха, какъ у поляковъ и въ западной Россіи. Въ Польшѣ они управляли политикою буйныхъ сеймовъ и совѣстью короля. Услуги римско-католическихъ монаховъ, взявшихъ въ свои руки образованіе высшихъ классовъ, щедро вознаграждались польскимъ и ополяченнымъ рыцарствомъ. На обширномъ пространствѣ, среди лѣсовъ и непроходимыхъ болотъ отъ Балтійскаго моря до Двины и Днѣпра, явились монастыри. Въ нихъ просвѣщалось юношество русскихъ вельможъ и дворянъ, преобразившихся въ рыцарство-шляхту со всѣми внѣшними аттрибутами нѣмецкихъ феодаловъ. А между тѣмъ нигдѣ народъ не оставался въ такомъ порабощеніи и презрѣніи, какъ вокругъ этихъ великолѣпныхъ палацовъ и каменныхъ клиниторовъ. Нигдѣ крѣпостная зависимость отъ помѣщика и ксендза не доходила до такого рабскаго униженія.

Высшіе идеалы человѣчества, съ которыми носилась польская шляхта съ полною вѣрою въ превосходствѣ романо-германскаго міра надъ славянскимъ, положили на всей исторіи XVII и XVIII ст. мрачный отпечатокъ фанатизма, который освѣщалъ духъ пропаганды и господства въ католическомъ духовенствѣ и шляхтѣ: бракъ Ядвиги съ Ягеллою, люблинскій сеймъ, брестскій религіозный соборъ, вездѣ насилія, вездѣ господство буйнаго рыцарства и презрѣніе ко всякому, кто незнакомъ съ латынью.

Насиліемъ оторвана отъ вел. кн. Литовскаго и присоединена къ польской коронѣ полоса русскихъ славянъ по сю сторону западнаго Буга, такъ называемое Подлясье, извѣстное впослѣдствіи подъ названіемъ Бѣлостоцкой области. Такое присоединеніе Под-

лясья къ Польшѣ, яко-бы: „какъ члена къ своей головѣ и собственному тѣлу“, сдѣлано вопреки всѣмъ фактамъ минувшей исторіи. И не смотря на трехъ-вѣковое господство польской пропаганды надъ Русью, народъ въ этой крайней полосѣ, пограничной съ польскими племенами, сохраняетъ и понынѣ всѣ черты своего первобытнаго происхожденія отъ русскихъ славянъ. И складъ народной рѣчи, и памятники народной поэзіи — пѣсни, пословицы, поговорки, въ которыхъ выражается затаенная грусть и глухой ропотъ, и меланхолическій строй, и пляски — трепакъ и хороводы, во всемъ отражается, какъ въ зеркалѣ, вся грустная прошедшая исторія страны, вынесшей первый напоръ латинопольской цивилизаціи; скользнувъ по поверхности народа, эта цивилизація не тронула существа: не могла осилить ни языка, ни нравовъ, ни обычаевъ черноруссовъ. Все это достаточно выяснено нами въ этнографіи жителей Гродненской губерніи, въ сборникахъ Безсонова, Шейна и у другихъ собирателей живыхъ народныхъ памятниковъ.

Во второй половинѣ XVIII вѣка въ Рѣчи Посполитой произошли такія событія, которыя, какъ оказывается теперь, имѣли большія послѣдствія на судьбу бѣлаго духовенства въ греко-уніатской церкви Западной Россіи. Казалось, эти бѣдные, гонимые, презираемые священники должны были пасть подъ тяжестью такихъ исключительныхъ условій, въ которыхъ они очутились вслѣдствіе постановленій Замостьскаго собора въ 1721 г., подъ вліяніемъ греко-уніатскихъ монаховъ-базиліанъ, усвоившихъ принципы знаменитаго римскаго ордена. Но провидѣнію угодно было чтобъ изъ среды этого убогаго и гонимаго духовенства, съ конца XVIII столѣтія, явились сильные и могучіе мужи, низвергнувшіе кичливые замыслы латинствующихъ монаховъ, не смотря на сильную поддержку всѣхъ латинскихъ силъ Западной Руси.

Дѣло полонизаціи въ Западной Руси, какъ справедливо замѣчаетъ Гильфердингъ, несомнѣнно устранялось реформою Петра Великаго. Петръ I, первый изъ русскихъ царей, не воевалъ съ Польшею, а между тѣмъ онъ первый изъ нихъ хозяйничалъ въ ней, какъ у себя дома: такъ уже слабо было государство польское, когда Россія овладѣла оружіемъ прежняго обаянія поляковъ—западною образованностію. Но усвоеніе началъ этой цивилизаціи, привитой къ русскому народу, не только не препятство-

вало самобытному развитію въ немъ славянскихъ началъ, но, напротивъ, оно укрѣпило въ немъ способы и средства къ самобытному развитію этихъ началъ: русскій человѣкъ созналъ великое значеніе науки и въ XVIII столѣтіи на востокѣ Европы выросла могучая славянская сила способная подать руку помощи русскимъ народамъ, сохранявшимъ преданія своихъ предковъ.

Государственное зданіе Польши въ XVIII столѣтіи стало уже разлагаться и всѣ русскія области, кромѣ части Галича, почти безъ всякаго насилія, какъ бы подчиняясь естественной силѣ притяженія, возвратились въ составъ русскаго государства. Уже при раздѣлахъ Польши полтора милліона греко-уніатовъ, бѣлорусскаго и малорусскаго племенъ, возвратились на лоно матери своей, православной греко-восточной церкви; возвратились бы и остальные полтора милліона русскихъ послѣ третьяго раздѣла Польши и присоединенія Бѣлостоцкой области къ Россіи по Тильзитскому миру, если-бы государственная политика, въ силу понятій о крѣпостной зависимости русскихъ крестьянъ отъ польскихъ помѣщиковъ, не вступила съ польскою шляхтою и латинскимъ духовенствомъ на путь компромисовъ, посредствомъ которыхъ греко-уніатское исповѣданіе признано частицею римско-католическаго, подчинено римско-католической коллегіи, а надъ милліонами русскаго народа признано владычество польскаго или ополяченнаго шляхетства.

Императоръ Александръ I-й, какъ свидѣтельствуютъ недавно появившіеся за границею мемуары князя Адама Чарторыйскаго и его переписка, чистосердечно думалъ сначала о возстановленіи Польши въ прежнихъ ея предѣлахъ, т. е. до Двины и Днѣпра. Но событія отечественной войны и другія явленія обнаружили всю неправду латинствующей партіи въ Россіи, представителемъ которой при особѣ императора былъ князь А. Чарторыйскій, а орудіемъ польской политики, по отношенію къ русскимъ, іезуитъ графъ де-Местръ, запутавшій въ свои сѣти даже многихъ русскихъ вельможъ и нѣкоторыхъ сановниковъ.

Въ Петербургѣ долгое время, болѣе двадцати лѣтъ послѣ паденія Польши, смотрѣли на западныя губерніи, населенныя русскими племенами, какъ на области польскія, т. е. глазами польской аристократіи и латинскаго духовенства; даже участіе польской шляхты въ полчищахъ Наполеона въ отечественную

войну извинялось снисходительнымъ великодушіемъ столичной администраціи.

Иначе смотрѣло на себя и на народъ, населяющій Бѣлоруссію, Литовскія губерніи, Подоль и Волынь, бѣлое духовенство. Оно и послѣ присоединенія къ Россіи продолжало страдать, считая себя русскимъ духовенствомъ, исповѣдуемую вѣру—русскою вѣрою и прихожанъ, слушавшихъ греко-славянскую литургію—русскими людьми. Такія историческія названія усвоила себѣ польская политика и польская литература. Не знала этого только наша русская наука той эпохи.

Въ средѣ греко-уніатовъ давно существовала могущественная партія, считавшая себя призванною служить интересамъ латинизаціи русскихъ славянъ. Эту партію усердно подготовляли іезуиты въ теченіи всего XVIII столѣтія; это и былъ Базиліанскій орденъ, принявшій атрибуты, внутренній строй и внѣшнюю оболочку римско-католическихъ орденовъ, преимущественно іезуитскаго. Со времени Замостьскаго собора, утвердившаго авторитетъ и преобладаніе базиліанъ въ греко-уніатской церкви Рѣчи Посполитой, быстро и рѣшительно стало исчезать то очевидное сходство, которое, въ первое столѣтіе послѣ Брестскаго собора, существовало между греко-уніатскою и православною церковью, въ настоящемъ ея смыслѣ: устройство храма, обряды, молитвословіе, церковное и домашнее одѣяніе были одинаковы какъ у православныхъ, такъ у уніатовъ. Отличіе состояло въ томъ, что уніаты подчинялись римскому папѣ и съ 1642 года ввели въ символъ вѣры добавку „и отъ Сына“, такъ называемое filioque. Со времени же Замостьскаго собора базиліане стали быстро измѣнять въ монастыряхъ устройство церкви, строить боковые алтари, вводить органы; стали принуждать священниковъ вмѣсто рясъ носить ксендзовскіе сутаны и брить бороды; стали обращать въ монастыри лучшія и болѣе богатыя приходскія церкви, захватывать подъ свою опеку фундуши и капиталы, завѣщанные по записямъ на церкви и семинаріи. По распоряженію того-же Замостьскаго собора въ типографіяхъ Почаевской, Виленской и даже Супрасльской, печатавшихъ церковно-славянскія книги, хотя и не измѣнялось молитвословіе, но начали видоизмѣнять нѣкоторыя обрядовыя дѣйствія на римскій ладъ, такъ что нарушалось согласіе обряда со смысломъ молитвы.

По мѣрѣ разложенія польскаго государства въ XVIII вѣкѣ усиливалось могущество и богатство Базиліанскаго ордена, усвоившаго себѣ въ сущности республиканскій образъ управленія: всѣ должности были избирательными, выборнымъ былъ и начальникъ ордена — генералъ или протоархимандритъ всея Руси. Богатство ордена увеличивалось на счетъ фундушей приходскихъ церквей и соборовъ (или каѳедръ), или же посредствомъ передачи въ его владѣніе нѣкоторыхъ капиталовъ бывшаго іезуитскаго ордена въ Польшѣ. Въ базиліанскіе монахи стали поступать дворяне латинской вѣры, незнакомые даже съ церковно-славянской грамотой. Всѣ важнѣйшія должности въ епархіяхъ стали занимать базиліане монахи. Въ концѣ XVIII вѣка, послѣ раздѣла Польши, въ западныхъ губерніяхъ насчитывалось въ сложности до 90 монастырей, распредѣленныхъ на три провинціи, Бѣлорусскую, Литовскую и Русскую, каждая провинція имѣла особое самоуправленіе изъ провинціала, трехъ консульторовъ и секретаря, а надъ всѣми провинціями господствовалъ генералъ.

Слѣдовательно, Базиліанскій орденъ въ греко-уніатской церкви Западной Руси образовалъ среди милліоновъ славянъ какъ бы особое политическо-религіозное тѣло — польско-латинскую республику; утверждая въ массахъ убѣжденіе въ неправовѣріи греко-славянской церкви, въ схизмѣ православной греко-восточной церкви, базиліане обратили важнѣйшіе изъ монастырей, св. Троицкій Виленскій и Успенскій Жировицкій, въ средоточіе латино-польской пропаганды и, пользуясь безконтрольностью печатанія книгъ, стали распространять между уніатами изъ своихъ типографій (Виленской и Почаевской) книги на польскомъ языкѣ: молитвенники, катихизисы, переводы св. книгъ, проповѣди, наставленія и т. п.

Имѣнія и капиталы, нѣкогда завѣщанные православными людьми на образованіе священниковъ бѣлаго духовенства, были или обращены въ фонды базиліанскаго ордена, или же вмѣстѣ съ монастырскими фундушами и капиталами отдавались въ залогъ польскимъ вельможамъ и помѣщикамъ. И этимъ же издревле русскимъ достояніемъ базиліане оказывали помощь польской шляхтѣ въ борьбѣ ея съ Россіею не только во второй половинѣ XVIII вѣка, но и въ первые годы настоящаго вѣка, особенно въ отечественную войну. Такъ на дѣлѣ „народной (польской)

справы“ тратилось достояніе русскихъ завѣщателей, опредѣленное на православные храмы, на обученіе православныхъ дворянъ русскому языку!

Съ увеличеніемъ могущества монаховъ упала монашеская дисциплина, богатѣли монастыри, бѣднѣли сельскія и городскія церкви и возростала бѣдность приходскихъ священниковъ.

Самоуправство и гордость базиліанскихъ монаховъ не могли не возмущать бѣлаго духовенства, которое должно было терпѣть насильственные поступки монашеской республики, доколѣ оставалось въ совершенномъ невѣжествѣ. Но не смотря на отсутствіе богословскаго образованія, на крайнюю свою бѣдность и полную зависимость отъ ктиторовъ-помѣщиковъ, бѣлое духовенство представляло еще громадную силу, на которую собственно и сталъ опираться русскій народъ, неспособный къ измѣнѣ своей народности, своей греко-славянской церкви. А такихъ уніатовъ бѣлоруссовъ, малороссовъ и червонноруссовъ въ XVIII вѣкѣ было нѣсколько милліоновъ.

Недаромъ, при всѣхъ народныхъ движеніяхъ, послѣ перваго раздѣла Польши, польскіе помѣщики въ каждомъ уніатскомъ священникѣ готовы были видѣть измѣнника „народной справѣ“. Эта подозрительность къ священнослужителямъ греко-уніатской церкви въ Польшѣ доказывала только, какъ далеко разошлись завѣтныя желанія этого духовенства съ намѣреніями польской шляхты, считавшей себя призванною къ цивилизаціи западнорусскихъ славянъ, равно какъ съ намѣреніями Базиліанскаго ордена, бывшаго ея орудіемъ; событія показали, что униженное бѣлое духовенство, не взирая на свое невѣжество, въ сущности и было просвѣтителемъ своихъ порабощенныхъ помѣщиками прихожанъ. Но никогда нищенствующее сельское духовенство не обращало св. церквей въ орудіе пропаганды, къ возбужденію народныхъ массъ противъ власти своихъ господъ: оно смиренно несло тяжкій крестъ, учило народъ повиноваться своимъ помѣщикамъ, платить исправно подати, молилось и надѣялось на милость Божію.

Послѣ паденія Польши, что могло соединить въ одно цѣлое эти двѣ разошедшіяся въ своихъ цѣляхъ могучія силы—монаховъ, считавшихъ латинскій культъ необходимымъ условіемъ благополучія греко-уніатовъ въ Россіи, и священниковъ, считавшихъ

всѣ нововведенія Замостьскаго собора насильственнымъ вторженіемъ въ греко-славянское святилище. На этотъ вопросъ дала отвѣтъ исторія XIX столѣтія. Событія обнаружили, что стремленіе латинствующей партіи въ Западной Россіи къ подчиненію бѣлаго духовенства, а за нимъ и всѣхъ прихожанъ, крѣпостныхъ подданныхъ, подъ господство польскихъ и ополяченныхъ помѣщиковъ, союзниковъ римской куріи, вело лишь къ искорененію греко-славянскаго богослуженія, къ измѣненію существа церковно-славянской церкви. Слѣдовательно, рано или поздно должно было произойти или поголовное отпаденіе греко-уніатовъ въ латинство, т. е. измѣна народа вѣрѣ своихъ предковъ и своей національности, или же коренная реформа греко-уніатской церкви подъ знаменемъ благочестивой церкви. Греко-уніатское бѣлое духовенство при всемъ своемъ невѣжествѣ обладало еще достаточною нравственною силою, чтобы не допустить совершиться самоубійству.

Этому духовенству не доставало необходимаго условія—просвѣщенія; при своей территоріальной разрозненности, за малыми исключеніями, оно не могло выступить въ открытую борьбу съ своими сплотившимися въ монастыряхъ противниками, которымъ справедливо приписывало и свое униженіе, и свое невѣжество.

И просвѣщеніе явилось.

Въ 1753 г. папа Венедиктъ XIV послалъ окружную грамоту или буллу (Bullae et Breviae Summ. Pontificum 14-го авг. 1753 г.) къ греко-уніатскому митрополиту и епископамъ, упрекая ихъ въ явномъ покровительствѣ базиліанскимъ монахамъ, которые не только занимаютъ несвойственныя монашескому сану должности настоятелей церкви, но и высшія должности въ епархіяхъ. „Просимъ васъ, возлюбленные братія, во имя Господа умоляемъ, чтобы вы больше всего заботились о свѣтскомъ клирѣ. Вамъ, безъ сомнѣнія, больше чѣмъ намъ, извѣстны причины невѣжества бѣлаго духовенства. По нашему мнѣнію, это невѣжество происходитъ отъ недостатка учителей, которые бы просвѣщали ихъ, отчасти и отъ того, что имъ не даете никакихъ должностей... каждый изъ васъ для управленія епархіей долженъ имѣть многихъ чиновниковъ и оффиціаловъ консисторовъ; вы, между тѣмъ, возлюбленные братія, почему-то особенно желаете, чтобъ эти должности занимали монашествующіе, а не лица изъ свѣтскаго клира, и дѣйствительно отдаете эти должности

только монахамъ: хотимъ васъ увѣрить по этому случаю, что отъ такого пренебреженія къ свѣтскому клиру происходитъ и недостатокъ опытныхъ людей между ними". И тогда же папа повелѣлъ Виленскій алумнатъ, находившійся во власти іезуитовъ, передать въ распоряженіе греко-уніатскаго духовенства для богословскаго образованія должностныхъ лицъ изъ бѣлаго духовенства, назначая ежегодно для пріема по нѣсколько человѣкъ изъ каждой епархіи. Воспитанники алумната, по уставу Венедикта XIV, не имѣли права вступать въ монашество и предназначались для занятія высшихъ должностей въ уніатской церкви до епископовъ включительно (usque ad episcopatum). Это распоряженіе папы было жестокимъ ударомъ для Базиліанскаго ордена Рѣчи Посполитой. Благодаря реакціи, наступившей въ Австріи, вслѣдствіе изгнанія іезуитовъ, богословское образованіе и въ Виленскомъ алумнатѣ получило направленіе, соотвѣтственное съ реакціональнымъ духомъ, послѣдовавшимъ и въ Польшѣ, послѣ изгнанія іезуитовъ въ 1772 году. Завѣдываніе образованіемъ и капиталами іезуитовъ передано эдукаціонной коммиссіи. Эту коммисію составляли высшіе польскіе сановники. Въ свѣтскихъ школахъ, равно какъ въ школахъ, бывшихъ во власти римско-католическихъ орденовъ, и въ школахъ базиліанъ, введены науки, полезныя въ практической жизни— физика, математика, новые иностранные языки. Въ пренебреженіи у базиліанъ продолжалъ оставаться только церковно-славянскій языкъ! Въ послѣдній годъ XVIII ст. Виленскій алумнатъ былъ закрытъ, объ этомъ позаботились базиліане: ректоръ (базиліанинъ) Лешинскій и брестскій епископъ Булгакъ (также базиліанинъ) растратили, какъ оказалось впослѣдствіи, фундуши на его содержаніе [6]). Алумнатъ, однако, успѣлъ дать для каждой уніатской епархіи по нѣсколько основательно образованныхъ священниковъ, занявшихъ высшія должности при епископ-

[6]) Арх. Свят. Син. Дѣла р.-к. духовной колл. по уніат. депар. 1803—1812 г., № 26. При разрѣшеніи вопроса о выборѣ помѣщенія для главной семинаріи при виленскомъ университетѣ оказалось, что епископъ Булгакъ продалъ домъ бывшаго папскаго алумната незаконно, не получивъ разрѣшенія коллегіи и вопреки регламенту 3-го ноября 1798 г., подтвержденному въ указахъ 11-го декабря 1800 г. и 13-го ноября 1801 г. Дѣло ограничилось высочайшимъ выговоромъ епископу Булгаку, а бывшій ректоръ, базиліанинъ Лешинскій, вскорѣ избранъ монахами на постъ провинціала литовскихъ монастырей.

скихъ каѳедрахъ въ Бѣлоруссіи, Литвѣ и Волыни. Теперь при епископскихъ каѳедрахъ стали группироваться лучшія силы бѣлаго духовенства, въ Полоцкой епархіи: Іоаннъ Крассовскій, впослѣдствіи знаменитый архіепископъ, Григорій Кохановичъ, будущій луцкій епископъ, а затѣмъ и митрополитъ, Стефанъ Лопушинскій, Родзевичъ, Савиничъ и другіе содѣйствовали архіепископу Лисовскому въ борьбѣ съ бѣлорусскими базиліанами, стремились очистить церковь отъ латинскихъ нововведеній, приводили въ извѣстность расхищенные базиліанами фундуши, спеціально назначенные на семинарію, и способствовали учрежденію ея въ Полоцкѣ.

Въ Брестской епархіи: Ѳома Восцеловичъ, Антоній Шиманскій, Василій Гречко, Антоній Тупальскій и другіе, войдя въ составъ брестской каѳедры или капитула, вступились за права бѣлаго духовенства, стали отыскивать въ архивахъ документы, изъ которыхъ мало-по-малу обнаружилось насильственное присвоеніе базиліанскимъ орденомъ и митрополитами имѣній и капиталовъ, принадлежавшихъ Виленскому, Новогрудскому, Минскому, Брестскому соборамъ и нѣкоторымъ церквамъ, съ обращеніемъ многихъ церквей въ монастыри, или же совершенно уничтоженныхъ.

Объ этихъ захватахъ бѣлое духовенство бывшей Виленской епархіи заявило протестацію еще на польскомъ сеймѣ, въ 1776 г., но тогда торжественныя разоблаченія о разрушеніи базиліанами собора и церквей въ Вильнѣ и другихъ городахъ оставлены были безъ вниманія. Брестскій капитулъ напоминалъ теперь своему епископу объ этомъ фактѣ, дополняя извѣстные факты новыми данными, добытыми въ архивахъ, писалъ жалобы во 2-й департаментъ коллегіи въ 1810 году и, наконецъ, разоблачилъ передъ правительствомъ базиліанскую неправду въ протестѣ 1819 г., указавъ способы для производства реформы въ церкви.

Такимъ образомъ, еще съ конца XVIII столѣтія началась борьба представителей бѣлаго духовенства съ базиліанами-монахами въ Бѣлоруссіи подъ знаменемъ полоцкаго архіепископа Лисовскаго, а въ Литовской Руси—въ лицѣ брестскаго капитула, обновленнаго, въ 1769 г., епископомъ Антоніемъ Млодовскимъ [7]).

[7]) Замѣчательно, что дѣйствія брестскаго капитула до такой степени безпокоили и смущали Базиліанскій орденъ и епископа Булгака, что они

Въ началѣ XIX ст. брестскій капитулъ обратился къ изученію старины; онъ прилежно добывалъ изъ архивовъ городскихъ, церковныхъ и монастырскихъ документы и, основываясь на нихъ, сталъ доказывать, что базиліане присвоили себѣ, въ разное время, фундуши и капиталы, принадлежавшіе нѣкогда или греко-уніатскимъ церквамъ, или свѣтскому клиру, или соборамъ (капитуламъ).

Между тѣмъ, сельскіе священники, отстаивавшіе, подобно Кириллу Бобровскому, чистоту греко-славянскаго обряда въ церкви и права бѣлаго духовенства, нашли себѣ въ капитулѣ поддержку и ободреніе. Родственныя или дружескія отношенія, съ давнихъ поръ, связывали священника Кирилла съ членами брестскаго капитула. Изъ состава его членовъ, съ конца XVIII в., явились дѣятели, имѣвшіе вліяніе на управленіе дѣлами Брестской епархіи: архипресвитеръ Левинскій, получавшій содержаніе изъ супрасльскаго монастыря, состоялъ при дворѣ Станислава-Августа, жилъ въ Варшавѣ и крѣпко стоялъ за бѣлое духовенство, за независимость Супрасльскаго монастыря отъ Базиліанскаго ордена; епископъ Николай Духновскій, бывшій хартофилаксъ (хранитель архива) капитула, управлялъ Супрасльской епархіей, послѣ присоединенія Бѣлостоцкой области въ Пруссіи, и, пребывая въ этомъ знаменитомъ монастырѣ, устроилъ въ немъ семинарію для клириковъ свѣтскаго духовенства своей

старались увѣрить русское правительство въ незаконности его существованія; объ этой любопытной исторіи мы скажемъ ниже. А здѣсь замѣтимъ только, что право на существованіе епархіальной каѳедры въ Брестѣ, названной по обычаю того времени капитуломъ, объяснено въ прекрасной статьѣ профессора Платона Сосновскаго, напечатанной въ 1824 и 1825 гг. въ опроверженіе базиліанскаго богослова Маіевскаго. Dzieje Dobroczynnosci, T. I. О брестскомъ капитулѣ упоминается еще въ актахъ, отысканныхъ отцемъ Платона Сосновскаго, Антоніемъ, не только въ XVII, но даже и въ XVI столѣтіи, т. е. до введенія уніи; напримѣръ, въ завѣщаніи православнаго вельможи Ярослава Солтана и жены его Маріи на церковь въ Волчинѣ во имя св. Николая Мирликійскаго въ 1586 году. Тамъ же, 1823 г., т. III, стр. 283—287. Брестскій капитулъ при его возобновленіи, составляли: архипресвитеръ Антоній Корончевскій, архидіаконъ Прибышевичъ, схолатъ Загоровскій, екклезіархъ (кустошъ) Хоцевичъ, хартофилаксъ (канцлеръ) Духновскій, канторъ Артецкій. Каждый изъ членовъ капитула завѣщалъ на его содержаніе съ процентовъ по 5000 злот. Плат. Сосновскій. Тамъ же 1824 г., т. I, стр. 332.

епархіи; архидіаконъ (потомъ архипресвитеръ) Гавріилъ Янковскій, много лѣтъ предсѣдательствовавшій въ капитулѣ; схоластъ Антоній Тупальскій, который, съ 1807 года, будучи несмѣняемымъ предсѣдателемъ брестской консисторіи, фактически управлялъ дѣлами Брестской епархіи, до преобразованія ея въ Литовскую епархію въ 1828 г., а затѣмъ въ качествѣ предсѣдателя консисторіи, литовскою же епархіею до возсоединенія уніятовъ съ православіемъ (1839 г.) и послѣ возсоединенія; онъ усердно, хотя и не гласно, поддерживалъ въ бѣломъ духовенствѣ пробудившееся, въ 1820-хъ годахъ, сознаніе въ своихъ правахъ на участіе въ управленіи дѣлами церкви; брестскій (бывшій супрасльскій) каноникъ Антоній Сосновскій, отличный знатокъ законовъ греко-уніятской церкви, опытный изыкатель славянскихъ древностей, пріобрѣлъ извѣстность своими представленіями въ коллегію о противозаконномъ присвоеніи Базиліанскимъ орденомъ имуществъ и капиталовъ, издревле принадлежавшихъ церквамъ, бѣлому духовенству и епархіальной семинаріи, а равно просьбами своими на высочайшее имя объ обращеніи части монастырскихъ фундушей, незаконно отнятыхъ у бѣлаго духовенства, на обезпеченіе вдовъ и сиротъ священниковъ. Не упоминаемъ о другихъ, съ именемъ и заслугами которыхъ познакомимъ читателя впослѣдствіи.

Такимъ образомъ, брестскій капитулъ, въ теченіе многихъ лѣтъ, до самаго преобразованія въ жировицкую каоедру въ 1828 г., употреблялъ всѣ свои усилія и дѣйстія къ обнаруженію передъ правительствомъ незаконнаго преобладанія въ греко-уніатской церкви Базиліанскаго ордена, къ раскрытію фундушей бѣлаго духовенства, неправильно захваченныхъ базиліанами, и къ обнаруженію источниковъ на содержаніе каоедръ и семинаріи и всѣми такими дѣйствіями онъ подготовилъ наступившую съ 1827 года реформу греко-уніатской церкви, предшествовавшую возсоединенію [1]).

---

[1]) Матеріалами къ вышеизложенному служатъ, кромѣ показанныхъ въ предыдущихъ ссылкахъ: Дѣла св. синода по 2-му департаменту (грекоуніатскому) римско-католической коллегіи (1805—1828 г.) и по греко-уніатской коллегіи съ 1828 года, Нами разсмотрѣно до 200 дѣлъ. Нашъ собственный трудъ: „Статистическое описаніе Гродненской губерніи“, въ 2-хъ томахъ, изд. 1863 года. Гильфердинга статья въ газетѣ „День“, 1863 г., № 15: „За что борются русскіе съ поляками?“ Мемуары

Въ составъ членовъ брестскаго капитула, съ 1817 года, вошелъ и сынъ священника Кирилла, Михаилъ Бобровскій, который, совершивъ пятилѣтнее путешествіе по западной Европѣ и славянскимъ землямъ (1817—1822), пріобрѣтя высокое богословское образованіе, основательно изучивъ древніе, восточные и новые европейскіе языки, а равно славянскія нарѣчія, въ 1820-хъ годахъ, сталъ извѣстенъ открытіями древнѣйшихъ славянскихъ рукописей въ Европѣ и Литовской Руси, обнаруженіемъ мѣста храненія уцѣлѣвшихъ русскихъ хроникъ и лѣтописей въ западной Россіи и публичными обличеніями злоупотребленій Базиліанскаго ордена въ церковной уніи, какъ въ проповѣдяхъ, такъ и на профессорской каѳедрѣ св. писанія.

князя Адама Чарторыйскаго: „Mémoires du Prince Adam Czartoryski et correspondance avec l'empereur Alexandre I. Préface de M. Ch. de Mazade" Paris, 1887, 2 vol. Прудона „О польскомъ вопросѣ". „Вѣстн. Западн. Россіи", 1863 г., октябрь и ноябрь. Кояловича: „Мистификація папскихъ возгласовъ противъ Россіи". „Виленскій Вѣстникъ", 1866 г. Плакида Янковскаго: Біографіи замѣчательнѣйшихъ дѣятелей по сохраненію русской народности между уніатами": I. Протоіерей Михаилъ Бобровскій. II. Протопресвитеръ Антоній Тунальскій. III. Виленскій каѳедральный протоіерей Ипполитъ Гомулицкій. Холмскій мѣсяцесловъ на 1867 годъ". Записки Іосифа (Сѣмашки), митрополита литовскаго". Изд. императорской академіи наукъ. Три тома. Спб. 1883 годъ. Записки Василія Лужинскаго, архіепископа полоцкаго". „Православный Собесѣдникъ" 1884 года, равно какъ и рукопись его, нами разсмотрѣнная, съ разрѣшенія оберъ-прок. св. синода, К. П. Побѣдоносцева. Антонія Зубки: „О греко-уніатской церкви въ западн. краѣ". „Русск. Вѣстн." 1863 г., т. 53, стр. 380 и слѣд. Осипа Щербинскаго. „Исторія Базиліанскаго ордена". Его же. „О бѣломъ уніатск. духовенствѣ". Литов. Епарх. Вѣд." 1866 г. Е. В. Дылевскаго „Іосифъ (Сѣмашко), митрополитъ литовскій и виленскій". Спб. 1869 г. М. Кояловича. „О почившемъ митрополитѣ Іосифѣ". Спб. 1869 г. Плакида Янковскаго „На рубежѣ". „Литов. Епарх. Вѣд." 1864 г. № 5. и 6. Н. Петрова: „Очеркъ исторіи Базиліанск. ордена въ бывшей Польшѣ". „Труды Кіевской Духовн. Акад." 1870—1872 г.

II.

Воспитаніе и первоначальное образованіе М. Бобровскаго (1792 — 1806). — Положеніе грско-уніатскаго духовенства въ бывш. Бѣлостоцкой области. — Супрасльскій Благовѣщенскій монастырь. — Начало знакомства Михаила Кирилловича съ древностями славянскими [1]).

Изъ пятерыхъ сыновей, бывшихъ у священника Кирилла, трое умерли въ дѣтскомъ возрастѣ; остались въ живыхъ два сына: старшій Іосифъ и средній Михаилъ, который родился 8-го ноября 1784 г. Лишившись на двѣнадцатомъ году супружеской жизни жены своей (Анны, изъ рода Крупскихъ), о. Кириллъ занялся самъ первоначальнымъ воспитаніемъ своихъ сиротъ, — ничего не жалѣлъ для ихъ образованія, и Богъ благословилъ его отцевское попеченіе: оба его сына достигли высшихъ ученыхъ университетскихъ степеней, старшій былъ докторомъ философіи и магистромъ права, второй былъ докторомъ богословія, магистромъ философіи и филологіи (magister artium liberalium) [2]).

Михаилъ Кирилловичъ всегда съ глубокою признательностію вспоминалъ о томъ, сколькихъ пожертвованій и заботъ стоило

---

[1]) Дѣла архива св. Синода по 2-му департаменту римско-католической коллегіи: 1807 г. № 40, 1803 г. № 23, 1809 г. № 23, 38, 1818 г. № 39, 1821 г. № 18, 1829 г. № 20. 1-е П. С. З. №№ 23482 и 24118. Послужные списки М. К. Бобровскаго изъ архива литовской правосл. епархіи и бывшаго виленскаго университета за 1833 г. Его аттестаты изъ дрогичинской коллегіи 1803 г. и бѣлостоцкой гимназіи 1808 г. Дипломъ виленскаго универс. на званіе магистра филологіи 14 іюня 1812 года. О супрасльскомъ Благовѣщенскомъ монастырѣ: наше „Стат. опис. Гродн. губерн. 1863 г.“ Супрасль. П. Тамъ-же, м. Заблудовъ. „Литовскія епарх. вѣдом.“ на 1864 г., ст. архим. Модеста. „Виленскій календарь“ на 1885 г., ст. архим. Николая. „Лѣтопись супрасльской лавры“ Археогр. сборн. документовъ, относящихся къ исторіи сѣверо-западной Руси, Вильна, т. IX, 1870 г. Ярошевича „Obraz Litwy“ т. III. Холмс. мѣсяц. на 1867 г., ст. протоіерея Плакида Янковскаго. П. Б.

[2]) Послужные списки: настоятеля Вольковской (Вольчанской церкви) священника Кирилла Бобровскаго и пружанск. благочиннаго, настоятеля Шерешевской церкви соборнаго протоіерея Михаила Бобровскаго. Арх. литов. епарх. Надгробное слово настоятеля Дубицкой церкви магистра Адама Костыцевича. 7 іюля 1824. „Dzieje Dobroczyn“, 1824. Литов. епархіальн. вѣд. на 1837 г. П. Б.

воспитаніе его родителю (Пл. Янковскій); дѣйствительно, на немъ замѣтно отражались высоконравственныя начала, внушенныя ему въ дѣтствѣ о. Кирилломъ: благочестіе, любовь къ ближнему, беззавѣтная преданность нуждамъ церкви и своей братіи.

Его образованіе, общее и духовное, исходя изъ чистаго источника, развивалось и крѣпло вмѣстѣ съ непоколебимымъ уваженіемъ къ греко-славянской церкви, взлелѣевшей въ немъ любовь къ церковно-славянскому языку. Глубокая приверженность М. К. Бобровскаго къ старо-славянской письменности и старо-славянскимъ книгамъ была, можно сказать, прямымъ слѣдствіемъ тѣхъ впечатлѣній, которыя съ такою заботливостью были ему привиты въ дѣтствѣ, и все дальнѣйшее образованіе даровитаго слависта, при самыхъ разнообразныхъ, часто даже неблагопріятныхъ условіяхъ, не могло уже поколебать въ немъ привязанности къ древней славянской литературѣ; напротивъ, съ годами эта привязанность укрѣплялась и еще болѣе развивалась. Многостороннія свѣдѣнія въ славяновѣдѣніи и необычайная память въ соединеніи со способностью къ изученію древнихъ и новѣйшихъ языковъ, въ свою очередь, служили ему средствомъ для глубокаго богословскаго образованія.

Девятилѣтній мальчикъ Михаилъ поступилъ въ Клецельскую церковную школу, которая давно существовала, и при тѣхъ условіяхъ, въ какихъ находилось бѣлое уніатское духовенство въ этой странѣ, оказывала значительныя услуги: изъ нея въ XVIII и началѣ XIX стол. вышло не мало дѣльныхъ и благочестивыхъ пастырей, занимавшихъ почетныя мѣста въ свѣтскомъ клирѣ. Обѣ церкви, Св. Николая Мирликійскаго и Св. Георгія Побѣдоносца, пріобщены къ уніи лишь въ концѣ XVII в. Настоятели Св. Никольской церкви въ уніи усердно поддерживали церковную школу и братства, служившія оплотомъ противъ совращенія уніатовъ въ католицизмъ. Школа Св. Никольской церкви образовала хорошій хоръ пѣвчихъ; изъ этой школы нѣкогда комплектовались церковнослужители и пѣвчіе Супрасльской лавры.

Послѣ третьяго раздѣла Польша, бывшее Подлясское воеводство, подъ именемъ Бѣлостокской области, отошло къ Пруссіи. Греко-уніатская церковь должна была подчиниться требо-

ваніямъ нѣмецкихъ законовъ. Королевская власть, допустивъ свободу вѣроисповѣданія, наложила, однако, тяжелую руку на Супрасльскій монастырь, составлявшій гордость уніатовъ въ Подлясьи. Онъ основанъ православнымъ вельможею Александромъ Ивановичемъ Ходкевичемъ въ 1498 г. и надѣленъ имѣніями отъ него и отъ смоленскаго епископа Іосифа Солтана. Хотя въ началѣ XVII ст. монастырь былъ насильственно привлеченъ къ уніи (1614 г.), однако, пользуясь самостоятельнымъ управленіемъ, охраняемымъ королевскими привилегіями, до конца существованія Польши сохранилъ независимость отъ базиліанскаго ордена. Званія архимандрита Супрасльскаго монастыря, располагавшаго большими средствами, добивались грекоуніатскіе митрополиты—Гавріилъ Коленда, Кипріанъ Жоховскій, Левъ Кишка. Хотя ктиторы, потомки Александра Ходкевича, принявъ католицизмъ, дѣлали много затрудненій монастырю, однако, Супрасльская лавра сохранила свое независимое положеніе и пользовалась большимъ значеніемъ въ этой русской окраинѣ. Въ день Св. Благовѣщенія (25 марта) и въ дни памяти Св. Іоанна Богослова (8 мая и 26 сентября) сюда стекалось громадное число богомольцевъ изъ всего Подлясскаго воеводства.

Нѣкогда православный, Супрасльскій монастырь, не смотря на многія несчастія, много разъ обираемый ктиторами, до конца прошлаго вѣка располагалъ еще значительными доходами. Онъ имѣлъ своихъ резидентовъ въ Варшавѣ, приписной монастырь въ Кузницѣ (въ 20 верстахъ отъ гор. Соколки) и нѣсколько приходскихъ церквей съ самостоятельными фундушами, содержалъ также славянскую типографію. Но со времени присоединенія Бѣлостоцкой области къ Пруссіи, Супрасльскій монастырь былъ лишенъ своихъ имѣній, взятыхъ въ административное управленіе правительствомъ, которое стало ежегодно отпускать изъ прусской казны на его содержаніе 2,233 талера, 45 грошей польскихъ и 75 саж. дровъ. Изъ этихъ денегъ до 1,000 талеровъ опредѣлялось на жалованье архимандриту, а на остальные 1,233 талера невозможно было покрыть прочіе расходы: содержать до 40 челов. братіи, поддерживать типографію и т. п. Поэтому въ 1796 г. монастырь просилъ о возвращеніи отнятыхъ у него имѣній; но на просьбу архимандрита Вислоцкаго

послѣдовалъ отказъ, какъ сказано въ королевской декларации, по слѣдующему основанію: «поелику духовенство, науками и богословіемъ отъ младыхъ лѣтъ занявшись, въ хозяйствѣ искусства не знаетъ, имѣнія же церковныя, значительную часть народнаго богатства составляющія, отъ недосмотра опустошаются, крестьянамъ же налагается ущербъ, духовное же начальство или правящіе имѣніями передъ своею смертью передаютъ монастырскія имѣнія другимъ, чужимъ, незнакомымъ съ веденіемъ хозяйства».

Въ 1794 г. образована была новая Супрасльская епархія и архимандритъ Супрасльскаго монастыря Ѳеодосій Вислоцкій былъ назначенъ первымъ ея епископомъ; послѣ его смерти, въ 1801 г. епископомъ избранъ прелатъ Брестскаго капитула Николай Духновскій, а архимандритомъ монастыря Левъ Яворовскій, бывшійпрежде въ немъ экономомъ и консульторомъ. Утративъ свои имѣнія, Супрасльскій монастырь, съ приписными къ нему учрежденіями, быстро пошелъ къ упадку и едва былъ въ состояніи содержать, сверхъ архимандрита, отъ 8 до 10 монаховъ.

Греко-уніатскому епископу было воспрещено сноситься непосредственно съ римскою куріею, и церковное управленіе подчинено общимъ законамъ Пруссіи. Объявленной свободой вѣроисповѣданія не замедлили воспользоваться католическіе патеры. Въ 1801 году они совратили въ римскій обрядъ греко-уніатовъ селенія Марклицъ и другихъ мѣстъ въ окрестностяхъ г. Дрогичина и Мельника. Совращеніе воспрещалось папскими постановленіями—Климента VIII, Павла V (бреве: «Salutas Papa Romanus» 10 апрѣля 1615 г.), Урбана VIII; послѣдній декретомъ 7 февраля 1624 г. воспретилъ уніатамъ переходить въ латинскій обрядъ безъ имяннаго разрѣшенія святѣйшаго престола и латинскимъ прелатамъ строжайше подтверждено не совращать уніатовъ. Эти папскіе декреты публиковались черезъ епископовъ для всеобщаго свѣдѣнія, и на эти же декреты дѣлаетъ ссылку папа Венедиктъ XIV въ предписаніи 26 іюля 1755 г., коимъ воспрещаетъ миссіонерамъ совращать уніатовъ въ латинство. Папскія буллы, относящіяся къ греческому обряду, были изданы въ Пруссіи особо въ 1799 г. и хотя по прусскимъ законамъ не былъ воспрещенъ переходъ изъ одного обряда въ другой, но таковой переходъ допускался не иначе, какъ послѣ предварительной объявленной декларации. (Кодексъ Фридриха II, гл. XI,

§ 4). Кромѣ того, по тѣмъ же законамъ никакая вѣра не могла принимать отрока до 14 лѣтъ въ другой обрядъ или исповѣданіе даже съ согласія родителей. Но латинскіе патеры совращали жителей безъ декларацiи, въ разномъ возрастѣ. Въ городѣ Бѣлостокѣ, вмѣстѣ съ нѣмецкими правительственными учрежденіями и чиновниками, явилась хорошо устроенная гимназія, въ которой дано преобладаніе нѣмецкому языку. Въ г. Бѣлостокѣ, въ Хорощи и другихъ смежныхъ пунктахъ стали поселяться толпами нѣмецкіе ремесленники, вызываемые изъ глубины Германіи.

Такимъ образомъ греко-уніатское духовенство Бѣлостоцкой области, оторванное отъ брестской епархіи и брестскаго капитула и угрожаемое съ одной стороны католиками, а съ другой тенденціозными распоряженіями прусской администрацiи, почувствовало необходимость сомкнуться и сплотиться тѣснѣе; въ болѣе значительныхъ пунктахъ образовались братства, умножилось число приходскихъ школъ и собирались деньги на устроенную въ Супраслѣ епархіальную семинарію, въ которой получали кое-какое богословское образованіе дѣти священниковъ, уже прошедшія гдѣ либо общеобразовательную школу. Всѣ эти условія затрудняли спеціальное образованіе бѣлаго уніатскаго духовенства, которое, между тѣмъ, по духу самаго богослуженія, было единственнымъ охранителемъ русской народности и преданій греко-славянской церкви въ этой странѣ. Въ такихъ же условіяхъ находилось уніатское духовенство въ Галиціи и другихъ славянскихъ странахъ, подвластныхъ нѣмецкимъ католическимъ или протестантскимъ государствамъ. Не раздѣляя взглядовъ на грекославянскую церковь чернаго духовенства, т. е. базиліанъ, бѣлое духовенство Бѣлостокской области разрѣшило вопросъ о духовномъ образованіи священнослужителей чисто практически: лицъ, получившихъ общее образованіе, оно посылало на годъ или на два года въ такъ называемую семинарію, устроенную при епископской каоедрѣ въ Супрасли и поддерживаемую приношеніями духовенства. Правильнѣе сказать, это былъ классъ ставленниковъ, въ которомъ три или четыре клирика обучались церковнымъ обрядамъ и уставамъ. Въ подобныхъ же условіяхъ были въ то время епархіальныя семинаріи и въ другихъ уніатскихъ епархіяхъ бывшей Рѣчи Посполитой.

Отецъ Кириллъ, давъ своимъ сыновьямъ начальное образо-

ваніе на церковно-славянскомъ языкѣ, по обстоятельствамъ времени счелъ нужнымъ направить одного за другимъ въ Дрогичинскую коллегію піаристовъ (Scholarum Piarum), гдѣ давалось основательное общее образованіе. По свидѣтельству историка Ярошевича, когда въ Польшѣ, послѣ изгнанія іезуитовъ въ 1772 г., наступила крутая реакція и польская аристократія взяла въ свои руки эдукаціонные фонды, орденъ піаровъ въ своихъ школахъ старался ввести систему обученія противоположную іезуитской. Совершенно другой характеръ приняли школы піаровъ впослѣдствіи. именно въ двадцатыхъ годахъ настоящаго столѣтія; но въ концѣ прошлаго и въ началѣ нынѣшнаго вѣка, когда въ бѣломъ духовенствѣ пробудилась потребность къ просвѣщенію, въ Бѣлостоцкой области, какъ и въ другихъ частяхъ бывшаго Польскаго государства, онѣ отличались рѣзко отъ другихъ подобныхъ школъ, въ томъ числѣ и базиліанскихъ, отсутствіемъ фанатизма; оттого, можетъ быть, онѣ и имѣли такой громадный успѣхъ послѣ изгнанія іезуитовъ изъ Польши. Въ уставѣ піаровъ новѣйшіе языки имѣли одинаковое значеніе съ латинскимъ; въ ихъ школахъ дано развитіе наукамъ физико-математическимъ и словеснымъ, равно наукамъ историко-нравственнымъ, приняты новѣйшіе методы и педагогическіе пріемы. Въ школахъ піаристовъ получили первоначальное образованіе, между прочимъ, нѣкоторые изъ выдающихся ученыхъ уніатовъ; напримѣръ, правовѣдъ Игнатій Даниловичъ, статистикъ Михаилъ Онацевичъ, оба — сыновья уніатскихъ священниковъ греко-уніатскаго обряда Бѣлостоцкой области, и первый изъ нихъ пріобрѣлъ впослѣдствіи извѣстность своими трудами по составленію свода законовъ (1830—1834 гг.). Михаилъ Бобровскій успѣшно окончилъ курсъ Дрогичинской коллегіи. Изъ аттестата, выданнаго 8-го апрѣля 1803 г., за подписью начальника ея Медвѣцкаго, видно, что онъ учился прилежно и былъ «образцовой нравственности». По окончаніи здѣсь курса, онъ въ томъ же 1803 г. поступилъ въ бѣлостоцкую гимназію, гдѣ окончилъ курсъ ея, въ 1806 г., съ наградою за отличные успѣхи серебряною медалью и съ особенной рекомендаціей [3]).

---

[3]) Въ аттестатѣ, данномъ М. Бобровскому отъ директора гимназіи Мацѣевскаго, значится:

(Переводъ съ латинскаго): „Довожу до свѣдѣнія всѣхъ и каждаго,

Съ такою именно аттестаціей и поступилъ Михаилъ Кирилловичъ въ главную духовную семинарію, открытую весною 1808 г. при виленскомъ университетѣ.

Еще находясь въ гимназіи, а по окончаніи ея живя въ Бѣлостокѣ и занимаясь частными уроками, Михаилъ Кирилловичъ въ свободное время часто отлучался въ Супрасльскій монастырь, гдѣ проводилъ также и часть вакаціоннаго времени. Архивъ и библіотека представляли богатые источники. Посѣщенію Супрасли благопріятствовали условія: здѣсь жилъ (до 1806 г.) старинный пріятель его отца, епископъ Духновскій, здѣсь имѣлъ часто свое пребываніе, какъ членъ капитула, сосѣдъ его родителя, настоятель Клещельской церкви и дрогичинскій благочинный Антоній Сосновскій; послѣдній пріобрѣлъ впослѣдствіи извѣстность между уніатами своими познаніями о дѣлахъ въ церковной уніи, тщательнымъ изученіемъ архивовъ, особенно г. Бреста, своею любовью къ церковно-славянской старинѣ и, наконецъ, своими протестами въ защиту правъ бѣлаго духовен-

---

кому вѣдать надлежитъ, что дворянинъ Михаилъ Бобровскій, съ 1803 по 1806 годъ, неупустительно (assidue) посѣщалъ гимназію. Пройдя курсъ наукъ до реторики въ Дрогичинѣ, гдѣ получилъ начальное образованіе, онъ оказалъ въ бѣлостоцкой гимназіи столь значительные успѣхи въ греческомъ, нѣмецкомъ, латинскомъ и французскомъ языкахъ, что, будучи подвергнутъ при окончаніи курса публичному испытанію зрѣлости въ присутствіи высшихъ властей, выдержалъ оное весьма похвально и удостоился всеобщаго одобренія. Исполненіемъ обязанностей учителя въ младшихъ классахъ онъ далеко превзошелъ (longue superaverit) о себѣ общее мнѣніе и занимался съ учениками съ отличнымъ успѣхомъ. Благодаря большому трудолюбію въ работѣ и занятіяхъ науками, при доброй нравственности, онъ снискалъ (conciliaverit) уваженіе и любовь всѣхъ своихъ наставниковъ и особенно директора гимназіи, а въ качествѣ наставника-надзирателя служилъ для всѣхъ примѣромъ благочестія и нравственности. Пожелавъ избрать себѣ другую карьеру, послѣ того, какъ въ продолженіи 2-хъ лѣтъ занимался преподаваніемъ частныхъ уроковъ, онъ просилъ выдать ему школьное свидѣтельство. Итакъ, я охотно выдаю сіе свидѣтельство этому достойному по образу жизни юношѣ; отъ души желаю ему всякихъ благъ и ничего болѣе не желаю, какъ чтобы умъ его презобиловалъ и украшенъ былъ всякаго рода знаніями [1]). Свидѣтельство это, скрѣпленное для большей вѣрности печатью гимназіи, я подтверждаю собственноручною подписью. Выдано въ Бѣлостокѣ 15-го апрѣля 1808 года. Директоръ Мацѣіовскій, Наркевичъ, проф. матем., Гарвардъ, проф., Д. Штейнъ".

[1]) ... «voluntati omnium bonorum eundem comendo, nihilque magis opto, quam ut ingenium suum omni scientiarum genere imbuat et exornet».

ства. Духновскій, происходя самъ изъ бѣлаго духовенства, поощрялъ образованіе въ духѣ греко-славянской церкви и пожертвовалъ значительную сумму на супрасльскую семинарію.

Съ Супрасльскимъ монастыремъ навсегда связано имя нашего ученаго археолога слависта, вслѣдствіе сдѣланныхъ имъ здѣсь открытій. Здѣсь онъ могъ удовлетворить свою любознательность, тщательно изучая хранившіяся въ монастырской библіотекѣ старославянскія рукописи и старопечатныя церковныя книги. Необходимо нѣсколько остановиться на нѣкоторыхъ событіяхъ изъ исторіи этого высоко интереснаго живаго памятника русской старины въ западно-русской окраинѣ; объ этой знаменитой обители намъ часто придется упоминать въ настоящемъ изслѣдованіи, имѣющемъ непосредственную связь съ движеніемъ уніатовъ за долгое время до возсоединенія. Наши свѣдѣнія о Супрасльскомъ монастырѣ въ Статистическомъ описаніи Гродненской губерніи 1863 г. (ч. II, 1023—1033) ограничивались другими задачами. Тамъ мы не касались нѣкоторыхъ важныхъ фактовъ. Въ 1864 г. въ литовскихъ епархіальныхъ вѣдомостяхъ появилась обширная статья архимандрита Модеста. Наконецъ, въ виленск. археографич. сборн. докум., относящихся къ исторіи сѣв.-западнаго края, имѣется «Лѣтопись Супрасльской лавры», вмѣстѣ съ 124 документами, сохранившимися въ монастырскомъ архивѣ. Мы можемъ ограничиться теперь изложеніемъ лишь такихъ фактовъ, знакомство съ которыми необходимо для вѣрной оцѣнки событій въ жизни и дѣятельности нашего ученаго богослова и слависта.

Рѣка Супрясла, впадающая въ Нарву, протекаетъ тамъ, гдѣ былъ нѣкогда обширнѣйшій по пространству Блудовскій лѣсъ, примыкавшій къ Бѣловѣжской пущѣ, съ одной стороны, и къ Бѣлому Истоку (позднѣйшему Бѣлостоку) съ другой, и принимаетъ рѣчки Березовку и Грабовку, при устьяхъ которыхъ благочестивые аѳонскіе монахи въ 1500 г. избрали мѣсто для постройки трапезы и церкви во имя Іоанна Богослова и гдѣ въ началѣ XVI вѣка построенъ Ходкевичемъ величественный каменный храмъ во имя «Честнѣйшей Дѣвы Матери, достохвальнаго ея Благовѣщенія». Время основанія монастыря переноситъ насъ къ эпохѣ православія русскаго народа, населявшаго Подлясье. При первомъ настоятелѣ монастыря Пафнутіи

Сѣгенѣ начали писать поминникъ или субботникъ почившихъ отцовъ и братій монастыря. Въ тотъ-же поминникъ записывались имена семействъ разнаго званія для поминовенія на заупокойныхъ литіяхъ. Здѣсь мы встрѣчаемъ многія знатныя фамиліи русскихъ, нѣкогда православныхъ вельможъ [4]).

Патріархъ константинопольскій Іоакимъ въ 1505 г. благословилъ ктиторовъ новоустроеннаго Супрасльскаго Благовѣщенскаго монастыря, Александра Ходкевича и митрополита Іосифа Солтана, епископа смоленскаго, и утвердилъ монастырскія постановленія, законы, правила и уставы. Митрополитъ Іосифъ Солтанъ въ 1506 г. записалъ на монастырь нѣсколько своихъ имѣній: Топилецъ, Батюты, Владычичи, а Александръ Ходкевичъ въ 1510 г. отдалъ на его содержаніе свое большое имѣніе Хворощу (нынѣ Хорощъ). Уставъ, данный монастырю, отличался большою строгостью. Каменная церковь, во имя Благовѣщенія Пресвятой Богородицы, начатая въ 1503 г., была окончена постройкою при второмъ настоятелѣ Каликстѣ съ двумя придѣлами: князей Бориса и Глѣба (а во св. крещеніи Романа и Давида) и святыхъ отцевъ печерскихъ Антонія и Ѳеодосія. Церковь и монастырь обогащались приношеніями русскихъ православныхъ людей разныхъ состояній. Стараніемъ первыхъ ктиторовъ пріобрѣтены цѣнныя старо-славянскія рукописи. Въ монастырской описи, составленной настоятелемъ Кимбаромъ, въ 1557 году, находимъ: шесть писанныхъ Евангелій напрестольныхъ, окованныхъ золотомъ или серебромъ, изъ коихъ одно пергаментное. Далѣе Евангеліе толковое, Евангеліе учительное, прологи, книги Григорія Богослова, книги Іоанна Златоустаго, Псалтири, а всего книгъ старыхъ 129 и книгъ новописанныхъ при архимандритѣ Сергіи Кимбарѣ—74 [5]).

Между тѣмъ, ктиторы въ потомствѣ Александра Ходкевича

---

[4]) Субботникъ или поминникъ написанъ на пергаментѣ; начатый игуменомъ Пафнутіемъ Сѣгеномъ поминникъ доведенъ до 1630 г., слѣдовательно прекращенъ спустя не болѣе 15 лѣтъ послѣ введенія здѣсь уніи. Нынѣ этотъ документъ хранится въ виленской публичной библіотекѣ. П. Б.

[5]) Къ началу XIX стол. число книгъ и старинныхъ рукописей значительно поуменьшилось; нынѣ въ Виленскомъ музеѣ въ числѣ 327 рукописей значится: 109 принадлежавшихъ одному только Супрасльскому монастырю. П. Б.

измѣнили православію, и въ началѣ XVII ст. въ Супрасльскій монастырь стали вторгаться клевреты Ипатія Поцѣя. Послѣ нѣкоторой борьбы утвердились въ немъ уніаты. Мало по малу унія распространилась во всемъ Подлясьи. Явились передѣлки супрасльской хроники, подъ редакціей уніатскихъ монаховъ, которые старались доказать, что происхожденіемъ своимъ сей монастырь обязанъ русскимъ вельможамъ, пребывавшимъ въ соединеніи съ Польшею. Изъ монастыря стали исчезать богатыя серебряныя и золотыя ризы съ величественныхъ иконъ; уменьшалось число монаховъ; ктиторъ Христофоръ Ходкевичъ, подъ вліяніемъ господствовавшаго направленія латино-польской партіи въ Литвѣ, далъ монастырю, въ 1627 году, новый уставъ, разрѣшавшій братію отъ строгихъ постовъ и допустившій отступленія отъ строгой монастырской дисциплины. Христофоръ Ходкевичъ не забывалъ и своихъ интересовъ: «такъ безбожно овладѣлъ монастыремъ (1627 г.), что не только распоряжался всѣми монастырскими имѣніями и забиралъ себѣ доходы, установивши экономa, но, живя въ монастырѣ вмѣстѣ съ своею женою, дѣтьми и цѣлымъ дворомъ, съ мужчинами и женщинами, отнялъ у настоятеля управленіе монастыремъ, потому что даже женщины жили въ келіяхъ». За монастырскія права, утвержденныя королевскими грамотами, вступился митрополитъ Іосифъ Рутскій; споръ сопровождался рядомъ процессовъ въ разныхъ судахъ и дѣло кончилось въ 1632 г. мировою сдѣлкою, утвержденною папою Урбаномъ, по которой возстановлены были прежнія права архимандрита, а между тѣмъ въ 1655 г. Рутскій далъ монастырю новый, болѣе строгій уставъ.

Состояніе Супрасльскаго монастыря въ это время хорошо изображаетъ Петръ Могила [6]), митрополитъ кіевскій, въ письмѣ къ отступнику отъ православія Коссіану Саковичу, ректору кіевской академіи: «Посмотри», пишетъ Петръ Могила, «на славный въ Литвѣ монастырь Супрасльскій. А нынѣ до чего онъ доведенъ! Гдѣ прежде, подъ управленіемъ православныхъ, было до ста или, по крайней мѣрѣ, до семидесяти человѣкъ братіи, тамъ нынѣ живетъ едва нѣсколько человѣкъ монаховъ, и что еще хуже, мірской господинъ обладаетъ церковнымъ бо-

[6]) Петръ Могила. Приб. къ твор. св. отецъ 1846 г., стр. 53.

гатствомъ и селами и чрезъ своихъ рабовъ выдаетъ инокамъ жалованье, какое захочетъ. Спроси только кого нибудь о томъ-же монастырѣ, гдѣ тѣ древнія иконы, которыя украшены были серебряными позлащенными ризами, и узнаешь, что онѣ обращены уніатами на свои надобности, вмѣсто серебряныхъ иконъ поставлены въ церкви полотняныя, италіанскія. Хорошо мѣняются съ Богомъ: Ему полотно писанное, а себѣ серебро вызолоченное».

Въ монастырской описи 1645 г., составленной архимандритомъ Алексіемъ Дубовичемъ, встрѣчаемъ на первомъ планѣ уже латинскія книги, о которыхъ сто лѣтъ тому назадъ не было даже и помину. Число латинскихъ книгъ старались увеличить въ 1650 г. присылкою около сотни новыхъ названій изъ Варшавы и Гданска (Данцига); далѣе нѣсколько десятковъ польскихъ, и, наконецъ, перечислены русскія (собственно славянскія) книги; но здѣсь читаемъ мѣстами такія отмѣтки: «Библіа писана» (другую M skwa wzieła). «Евангеліа писаная въ цѣлистомъ аксамитѣ» (Moskwa wzieła). «Прологъ марта и мая» (Москва одного взяла). «Полууставъ 2» (Москва взяла одинъ). «Dwa Czesowniki wielkie», т. е. два большихъ часослова (Moskwa wzieła). Немного позже, въ апрѣлѣ 1654 г., двѣ книги: Хронику и Ирмологій, взялъ подъ росписку Янушъ Радивиллъ, воевода виленскій. Въ 1655 году много вещей изъ монастыря вывезъ Иванъ Ходкевичъ: «Такова-то была адская обида этой святой обители отъ безбожныхъ и безсовѣстныхъ ктиторовъ. Обдирали эту обитель, не боясь Бога. Отнялъ Господь и отъ нихъ и богатство, и почести, которыми пользовались ихъ дѣды, и имѣнія».

Бѣдствія только начинались. Въ концѣ XVII стол. неистовствовала окольная шляхта и своими «наѣздами» раззоряла монастырскихъ крестьянъ. Однажды, въ 1673 году, нѣсколько вооруженныхъ шляхтичей «осмѣлились, вопреки общественнымъ законамъ, наѣхать съ оружіемъ на супрасльскій фольваркъ Топилецъ, въ отсутствіи экономa, и показывать тамъ враждебное неистовство. А оттуда, прибывъ въ Батюты, они поколотили слугъ митрополита Кипріана Жоховскаго, епископа витебскаго, коадъютора полоцкаго архіепископа, и позорно обезславили».

Этотъ дивный монастырь, усердно стоявшій за свои права; обижала и своя братія. Таковъ, напримѣръ, настоятель мона-

стыря митрополитъ Коленда, при которомъ «супрасльскіе монахи ходили безъ рясъ, одѣвались въ мантіи или монастырскіе плащи, вмѣсто рясъ, подѣлавъ въ нимъ дыры для рукъ; въ пищѣ и питіи переносили великій недостатокъ». Митрополитъ, въ качествѣ настоятеля, любилъ здѣсь проживать со всѣмъ своимъ дворомъ, со множествомъ священниковъ, для угощенія которыхъ монастырская казна покупала водку бочками, а для діакона вино покупалось гарнцами въ разныхъ мѣстахъ. Наконецъ, братія, доведенная до изнеможенія, просила митрополита оставить св. обитель. Разгнѣванный митрополитъ Коленда, удаляясь съ своею свитою въ Полоцкъ, оставилъ благословеніе монахамъ въ такихъ словахъ: «дождусь я того, что на этомъ мѣстѣ будутъ жить и пѣть только воробьи». Впрочемъ, онъ сдѣлалъ серебряныя ризы на иконы Спасителя и Пречистой Матери Божіей, за что ректоръ полоцкой іезуитской коллегіи Казиміръ Кояловичъ похвалилъ его въ своемъ надгробномъ словѣ. Но эти богатыя ризы, какъ оказалось, сдѣланы на счетъ монастырской казны, а не изъ собственныхъ денегъ митрополита Коленды....

Еще болѣе огорченій и зла сдѣлалъ Супрасльскому монастырю митрополитъ Кипріанъ Жоховскій, который въ теченіе семи лѣтъ (1687—1694 г.) терзалъ св. обитель произвольными дѣйствіями: поставивъ въ помощь архимандриту намѣстника, онъ, чтобы задобрить монаховъ, разрѣшилъ по воскресеньямъ, вторникамъ и четвергамъ ѣсть мясо, пить пиво, медъ и водку, отмѣнилъ публичныя энитиміи, запретилъ монахамъ самимъ топить печи и рубить дрова. Провинившійся монахъ долженъ самъ совершить энитимію въ часовнѣ св. Іоанна Богослова, и ничья другая рука не должна его касаться. «Позволяемъ монахамъ посѣщать родныхъ и для этого давать имъ монастырскій экипажъ: срокъ пребыванія у родныхъ полагается 2 недѣли». Вмѣстѣ съ тѣмъ уставъ 1687 года воспрещалъ держать въ монастырѣ такое множество прачекъ и швей: «отъ сего времени мущина долженъ стирать и мыть». Для прогулокъ монаховъ опредѣлено завести италіанскій садъ. Изъ устава Жоховскаго видно также, что въ Супраслѣ уже тогда существовала славянская печатня, которая издавала для всѣхъ уніатскихъ епархій богослужебныя книги на церковно-славянскомъ языкѣ.

Въ апрѣлѣ 1691 г. предстояло избрать новаго архимандрита;

у митрополита Жоховскаго былъ свой кандидатъ, его племянникъ Дорошковскій. Но братья, согласно уставу, архимандритомъ избрали изъ своей среды Симеона Кипріяновича. Ктиторъ Юрій Ходкевичъ далъ ему свою презенту. Митрополитъ отказалъ утвердить выборъ Кипріяновича. Въ дѣло избранія вмѣшался гетманъ Сапѣга. Жалуясь на отказъ въ его ходатайствѣ за Дорошковскаго, гетманъ проситъ Ходкевича признать выборъ Кипріяновича недѣйствительнымъ съ тѣмъ, чтобы новую презенту выдать прелату Дорошковскому (т. е. племяннику митрополита). Процессъ монастыря съ митрополитомъ, веденный въ Варшавѣ при папской нунціатурѣ, какъ видно изъ хранящихся въ архивѣ документовъ, показываетъ, что митрополитъ, для достиженія своей цѣли, между прочимъ, непокорныхъ ему монаховъ подвергалъ наказаніямъ или высылалъ изъ монастыря, или же угрожалъ имъ отлученіемъ. Это грустное дѣло, въ которомъ замѣшаны были самыя дурныя страсти, продолжалось до самой смерти митрополита Жоховскаго. Онъ остался должнымъ Супрасльскому монастырю 8 тыс. злотыхъ, и эти деньги были ему выданы подъ залогъ 1,300 служебниковъ, отпечатанныхъ на счетъ монастыря; долгъ пополненъ 500 экзем. служебника, съ предоставленіемъ монастырю права продавать таковые по 20 тынфовъ за экземпляръ кому угодно и возможно, особенно же преподобнымъ пресвитерамъ.

Веденіе тяжебныхъ дѣлъ въ провинціальныхъ судахъ, съ переносомъ апеляціи въ папскую нунціатуру въ Варшавѣ и даже къ самому папѣ въ Римѣ, истощало монастырскую казну; приходилось платить уполномоченнымъ, адвокатамъ и всякаго рода ходатаямъ.

Много причиняло безпокойства и убытковъ Супрасльскому монастырю буйство польскихъ жолнеровъ (солдатъ). Въ архивѣ монастыря хранится универсалъ Петра Великаго отъ 1705 г., когда русская армія подъ начальствомъ Огильви находилась въ Гродно. Означеннымъ актомъ, даннымъ на имя всечестнаго архимандрита супрасльскаго и гродненскаго Флоріана Лапевскаго, русскій царь оказываетъ «протекцыю не токмо самымъ особамъ, начиная отъ греческаго архимандрита Лапневскаго даже до послѣдняго каплана подъ папежскимъ благословеніемъ пребывающимъ, тако-жъ и добрамъ, церквамъ, монастырямъ, маетно-

стямъ, подданнымъ и всѣмъ ихъ приходамъ всякую безопасность и спокойное пребываніе». Универсалъ русскаго царя освобождаетъ монастырь и уніатскія церкви этой области отъ поставки провіанта и тягостей солдатскихъ и охраняетъ свободное отправленіе службы Божіей. «Данъ въ Тикотинѣ, октября 26, 1705. Печать царскаго величества. Подпись: Гравъ канслеръ Головкинъ».

Супрасльскій монастырь тѣснила краковская академія, желавшая подчинить себѣ его типографію; запрещеніе, ею наложенное на печатаніе математическихъ книгъ и календарей, было снято, послѣ многихъ ходатайствъ, лишь въ 1721 году. Церковно-славянскія книги супрасльской типографіи расходились во многихъ экземплярахъ по уніатскимъ епархіямъ, не исключая Холмской и Перемышльской, а вырученныя отъ продажи этихъ книгъ деньги обращались на сооруженіе каменныхъ монастырскихъ зданій.

Однако, не смотря на многія невзгоды, эта русская твердыня пользовалась доброю славою между уніатами всей Руси; она въ злополучной окраинѣ, сосѣдней съ поляками, истреблявшими все русское, можно сказать, была оплотомъ бѣлаго духовенства, находившагося подъ ея юрисдикціею.

Между тѣмъ, Базиліанскій орденъ, со времени Замостьскаго или Замойскаго собора, получилъ чрезвычайно большое вліяніе на управленіе дѣлами греко-уніатской церкви въ Рѣчи Посполитой. Захвативъ подъ свою опеку всѣ древніе монастыри и создавъ новые изъ приходскихъ церквей или разрушенныхъ соборовъ, базиліанскіе протоархимандриты или генералы, съ половины XVIII вѣка, старались подчинить своей власти и независимый отъ нихъ Супрасльскій Благовѣщенскій монастырь; до тѣхъ поръ, опираясь на своихъ ктиторовъ, то на митрополитовъ, и даже на папскихъ нунціевъ, онъ сохранялъ свое «изъятіе» отъ орденскаго управленія. Это «изъятіе» составляло четвертый обѣтъ супрасльскихъ монаховъ. Теперь Базиліанскій орденъ, пренебрегая актами, подтвержденными привиллегіями польскихъ королей и папскою буллою Венедикта XIV, затѣялъ цѣлую интригу въ Варшавѣ, съ тою цѣлью, чтобы захватить въ свои руки и это достояніе русскихъ людей. По этому поводу супрасльскій уполномоченный Ясонъ Юноша-Смогоржевскій писалъ изъ Рима къ супрасльскимъ монахамъ 5-го августа

1758 г., убѣждая ихъ всѣми способами противодѣйствовать замысламъ базиліанскаго генерала, «поползновеніе котораго на св. обитель можетъ открыть учитель нравственной богословіи въ Даревѣ, Аоанасій Марцинкевичъ». «Желаю, писалъ Смогоржевскій, чтобы единство сердецъ въ монастырѣ преуспѣвало, и чтобъ подумали о заведеніи тамъ (въ Супрасли) училища, а съ тѣмъ вмѣстѣ о сохраненіи истинно греческаго обряда, и показали міру, что этотъ монастырь нуженъ для общества». «Пусть хотя одинъ монастырь на всей Руси будетъ свидѣтелемъ прежней русской славы и нашей старины, можетъ привлечь къ себѣ и православныхъ людей, разсѣянныхъ въ Польшѣ». И еще: «развѣ святымъ отцамъ не дорого сохраненіе св. обрядовъ церковныхъ и монастырскихъ, о которыхъ въ провинціи (т. е. въ монастыряхъ орденскаго управленія) и не спрашивайте». Въ другомъ письмѣ отъ 26-го августа, указавъ на необходимость значительныхъ расходовъ въ Римѣ, Смогоржевскій продолжаетъ «Взявъ на помощь Господа Бога, вглядѣвшись въ древніе обряды церковные и монастырскіе, а вмѣстѣ, предотвращая упадокъ столь прекрасной обители, Супрасльскій монастырь легко можетъ приняться за все это (т. е. за устройство училища и проч.), чѣмъ онъ отличался бы отъ завоеванныхъ монастырей и пріобрѣлъ любовь и почтеніе отъ всей страны». Легко понять, какого характера должно было быть училище, не похожее на латинизаторскія школы «завоеванныхъ» монастырей, т. е. монастырей, подчиненныхъ базиліанскому генералу и провинціаламъ, обращенныхъ изъ приходскихъ церквей. Въ свою очередь, кторъ Николай Ходкевичъ, приводя документы Сигизмунда I отъ 1507 г., грамоту Сигизмунда III отъ 1633 г., постановленіе Замостскаго собора 1721 г.—о неподвластности Супрасльскаго монастыря базиліанамъ, соглашеніе 1740 г., буллу папы Венедикта XIV 1748 г., возсталъ съ протестомъ, посланнымъ въ Варшаву къ нунцію, противъ незаконности притязаній базиліанскихъ протоархимандритовъ на Супрасльскій монастырь.

Дѣло, стоившее много денегъ, этимъ не кончилось: поползновенія базиліанскаго ордена на Супрасльскій монастырь возобновились. Въ началѣ 1773 г. папскому нунцію въ Варшавѣ представленъ былъ доносъ о крайнемъ упадкѣ въ немъ дисциплины, ученія, уставнаго богослуженія. Нравы монаховъ распущены.

Учителя въ новиціатѣ неучи: не знаютъ ни латинской, ни даже польской грамоты (но они знали славянскую грамоту). Въ церквахъ на службѣ—брань, богохульство, безобразія, въ трапезѣ крикъ, драки, недовольство пищею. Единственное средство спасти монастырь—подчинить базиліанскому ордену. Такимъ-то обычнымъ оружіемъ расправлялись орденскіе базиліане съ своими противниками, слѣдовательно и съ противниками латинизаціи богослуженія. Въ числѣ мѣръ, необходимыхъ для исправленія монастыря, предлагалось: переселить сюда монаховъ изъ ордена, испросить у папы отмѣну присяги, присвоенной супрасльскому монастырю объ «изъятіи», сопротивляющихся монаховъ перемѣстить въ другіе монастыри, а вмѣстѣ съ тѣмъ отдать базиліанскому ордену и варшавскую резиденцію Супрасльскаго монастыря. Сторону базиліанскаго ордена держалъ брестскій епископъ. Въ такомъ трудномъ положеніи защита монастырю явилась отъ свѣтскаго клира, который со времени папы Венедикта XIV сталъ подниматься въ этой окраинѣ изъ прежняго уничиженія и рабскаго подчиненія монахамъ. Брестскій архидіаконъ Левицкій, пользовавшійся особымъ довѣріемъ короля Станислава Августа, вступился за права монашествующей братіи по поводу выборовъ въ архимандриты монастыря о. Вислоцкаго и, не смотря на всѣ интриги, продолжавшіяся до послѣдняго раздѣла Польши, успѣлъ защитить знаменитую обитель отъ вмѣшательства въ ея дѣла посторонннхъ властей, между прочимъ и ктиторши Людвики Ходкевичъ, вздумавшей назначить нѣкоего монаха Маковецкаго намѣстникомъ архимандрита за то единственно, что во время возстанія въ Варшавѣ въ 1794 г. онъ былъ ей особенно полезенъ.

Итакъ, не взирая на измѣну своей религіи ктиторовъ, не смотря на противозаконныя дѣйствія нѣкоторыхъ архимандритовъ и на поползновеніе базиліанскаго ордена, тщательно искоренявшаго старо-славянскіе памятники въ русскихъ монастыряхъ своихъ провинцій, Супрасльскій монастырь до послѣднихъ дней существованія Польши не спустилъ русскаго стяга и сохранилъ въ своихъ актахъ и въ своей библіотекѣ свидѣтельство прежней русской славы. И тѣмъ не менѣе нѣкогда богатая русская святыня обречена была теперь на нищету.

Вотъ что узналъ молодой М. К. Бобровскій, 80 лѣтъ тому

назадъ, изъ хроники и документовъ, хранившихся въ богатой библіотекѣ и архивѣ Супрасльскаго монастыря. Въ этомъ русскомъ монастырѣ, гдѣ уцѣлѣли монастырскіе печатные и рукописные старославянскіе памятники, гдѣ еще такъ живы были слѣды тѣхъ глубокихъ ранъ, которыя нанесены были греко-славянской церкви во всей западной Руси, сложился у двадцатилѣтняго юноши тотъ твердый образъ мыслей, который руководилъ его дѣйствіями, и впослѣдствіи на всѣхъ ступеняхъ его дѣятельности. Здѣсь, въ нѣкогда православной русской святынѣ, онъ и нашелъ обильный матеріалъ для археологическихъ и библіографическихъ изслѣдованій и открытій, прославившихъ впослѣдствіи его имя между славистами. Разъ сложившіяся въ немъ убѣжденія о незаконности посягательства на русскую старину, на греко-славянскую церковь на его родинѣ, никогда затѣмъ не колебались: напротивъ, оживлялись, по мѣрѣ развитія ума, и еще болѣе укрѣплялись наступившими событіями въ греко-уніатской церкви. Славянская библіографія сдѣлалась его постояннымъ занятіемъ. Въ церкви и въ ризницѣ Супрасльскаго монастыря находились книги виленской, почаевской, львовской, кіево-печерской, московской и супрасльской печати, таковы евангелія: 1575 г.—виленской печати, 1644 г.—львовской печати, 1780 г.—почаевской печати; Октоихъ, Тріодь постная 1629 г. — кіевской печати. Многія другія священныя книги православныхъ и грекоуніатскихъ типографій: кіево-печерскій служебникъ 1620 г., полууставъ 1682 г., часословъ московской, Октоихъ 1644 г., Тріодь постная 1699 г. и Тріодь цвѣтная 1696 г. — всѣ три львовской печати, и подобныя же книги почаевской и супрасльской типографій конца XVII и XVIII ст. На этихъ разнообразныхъ редакціяхъ старославянской печати сталъ развиваться критически блестящій умъ Михаила Кирилловича и его познанія въ старославянской литературѣ, которыя впослѣдствіи обогатились путешествіемъ по Европѣ. Тогда же ему удалось въ Заблудовѣ напасть на слѣды существованія славянской типографіи, учрежденной на средства Григорія Ходкевича, и прослѣдить судьбу поселившихся здѣсь московскихъ типографщиковъ діакона Ивана Ѳедорова и Тимофея Мстиславца, удаленныхъ изъ Москвы суевѣріемъ народа въ 1564 году. Михаилъ Кирилловичъ открылъ, что означенные московскіе типографщики, про-

живъ нѣсколько лѣтъ въ Заблудовѣ [7]), между прочимъ, напечатали здѣсь двѣ весьма рѣдкія въ библіографическомъ отношеніи книги: Евангеліе учительное въ 1569 года и Псалтирь 1568 года. Молодой еще Бобровскій, прослѣдивъ всю судьбу этихъ замѣчательныхъ людей, описалъ всѣ ихъ изданія, какъ заблудовскія, такъ и позднѣйшія. Изъ Заблудова Иванъ Ѳедоровъ удалился сперва во Львовъ, гдѣ въ 1570 г. напечаталъ Апостолъ, а потомъ уже въ Острогъ; товарищъ его Мстиславецъ отправился въ Вильну и занимался у Мамоничей, издавшихъ въ 1575 г. Евангеліе.

Въ 1807 году, по Тильзитскому миру, Бѣлостоцкая область присоединена къ Россіи. Супрасльская епархія съ консисторіей вошла въ составъ Брестской, капитулъ ея также слитъ съ Брестскимъ капитуломъ. Не смотря на представленія и ходатайства архимандрита Льва Яворовскаго, который послѣ Духновскаго назначенъ епископомъ викаріемъ (суфраганомъ) брест-

---

[7]) Объ этихъ открытіяхъ М. Бобровскаго свидѣтельствуетъ Ярошевичъ въ своихъ замѣткахъ къ соч. „Obraz Litwy“ т. III, изд. 1843 г. М. Заблудовъ на р. Мѣлстыни принадлежало роду Ходкевичей съ 1525 года; оно расположено на южной окраинѣ того обширнаго Блудовскаго лѣса, въ которомъ отецъ Григорія Александровича основалъ Супрасльскій монастырь Судя по нѣкоторымъ памятникамъ народной рѣки, Заблудовъ и его окрестности, въ числѣ до 40 деревень, могли быть поселены русскими переселенцами или же русскими плѣнными, взятыми во время частыхъ войнъ великихъ князей литовскихъ съ царями московскими въ XV ст., а можетъ быть и ранѣе См ч. I. Стат. опис. Гродненской губерніи, стр. 640. Въ народномъ говорѣ жителей Заблудова и его окрестностей въ 60-хъ годахъ мы замѣчали особенности, отличавшія это нарѣчіе отъ языка окрестныхъ крестьянъ бѣлоруссовъ. Здѣсь не говорили —идуць, iдуць, знаюць,—какъ говорятъ обыкновенно бѣлоруссы, а идутъ, ѣдутъ, знаютъ, какъ говорятъ великоруссы. Тутъ нѣтъ постояннаго измѣненія о на а. Впрочемъ, многія производныя слова приняли свойства бѣлорусскаго языка, а нѣкоторыя слова построены по образцу польскихъ словъ. Вмѣсто „постой“ говорятъ „постоуй“, вм. небось—„нѣбоусь“, вм. „буду вѣять“, „буду вѣяци“. „Соунычко собѣ кажэ што мнiѣ, ко бъ iого не пiѣкло; а морозъ собiѣ кажэ, што мнiѣ, а не тобiѣ, бо вуонъ цѣбѣ не такъ боицэ якъ мене“. Впрочемъ, мнѣніе наше нельзя считать непреложнымъ въ такомъ серіозномъ вопросѣ, требующемъ основательныхъ лингвистическихъ познаній. При ближайшемъ сравненіи замѣчается сходство Заблудовскаго „королевскаго“ нарѣчія съ языкомъ черноруссовъ. Даже у славянъ верхней Лузаціи, по замѣчанію проф. М. К. Бобровскаго, не смотря на значительную порчу ихъ языка, вслѣдствіе господства литературнаго нѣмецкаго языка, встрѣчается много словъ похожихъ на языкъ русскихъ славянъ бывшей Бѣлостоцкой области. П. Б.

скаго епархіальнаго епископа, монастырь долженъ былъ довольствоваться тою незначительною штатною суммою, которая опредѣлена была на его содержаніе прусскимъ правительствомъ. Но по недостатку матеріальныхъ средствъ, при рабской, можно сказать, зависимости отъ базиліанъ викарнаго епископа Льва Яворовскаго, Супрасльскій монастырь быстро шелъ къ упадку, и въ 1820-хъ годахъ служилъ лишь приманкою для хищныхъ набѣговъ базиліанскаго ордена. Цѣною Супрасльскаго монастыря базиліане, какъ увидимъ, думали откупить Жировицкій монастырь, который бѣлое духовенство признавало единственно удобнымъ для учрежденія епархіальной семинаріи на прочныхъ основаніяхъ. Супрасльская семинарія была упразднена еще въ 1807 г., а капиталъ въ 40,000 злотыхъ, завѣщанный ей епископомъ Николаемъ Духновскимъ, обращенъ на усиленіе средствъ Брестской епархіальной семинаріи, помѣщенной въ 1799 г. въ Лаврышовскомъ монастырѣ, близь Новогрудка; но эта семинарія была въ рукахъ базиліанъ и находилась постоянно въ жалкомъ состояніи (Плак. Янковскій и дѣла синода). Брестскій капитулъ, соединившись съ членами супрасльскаго упраздненнаго капитула, неоднократно представлялъ своему епископу ходатайство о необходимости ея улучшенія, но замѣтивъ равнодушіе владыки къ этому вопросу, посылалъ жалобы на высочайшее имя главноуправляющему духовными дѣлами кн. А. Н. Голицыну черезъ 2-й департ. рим.-кат. дух. коллегіи. Заявленія о нуждахъ своей братіи — бѣлаго духовенства, капитулъ, какъ увидимъ, подкрѣплялъ доказательствами, основанными на историческихъ документахъ, добытыхъ въ архивахъ.

Со времени упраздненія Супрасльской епархіи судьба грекоуніатскаго духовенства Бѣлостоцкой области была тѣсно связана съ судьбою его въ Брестской епархіи; теперь и долгое еще время спустя ему пришлось испытывать на себѣ тягостную зависимость отъ базиліанъ, пользовавшихся особымъ покровительствомъ епархіальнаго епископа (съ 1817 г. митрополита) Іосафата Булгака, тайно приверженнаго къ католицизму. Освободившись отъ опасности быть опѣмеченнымъ, греко-уніатское бѣлое духовенство Бѣлостоцкой области встрѣтилось лицомъ къ лицу съ замыслами базиліанскаго ордена, силы котораго, именно въ Брестской епархіи, были отлично организованы и сосредо-

точены въ монастыряхъ—виленскомъ Св. Троицкомъ, Жировицкомъ, Бытенскомъ и Тороканскомъ, т. е. въ самомъ сердцѣ Литовской Руси. Разрушить эти гнѣзда латинской пропаганды въ Уніи отнынѣ стало господствующимъ стремленіемъ представителей бѣлаго духовенства Брестской и Виленской — митрополичьей епархіи (съ 1810 г.), или, правильнѣе, Брестскаго капитула, въ лицѣ котораго объединялись интересы бѣлаго духовенства всей Литовской Руси. Нужно еще замѣтить, что въ Бѣлостоцкой области на 75 церквей былъ всего только одинъ монастырь, принадлежавшій Базиліанскому ордену, да и тотъ находится въ полномъ разстройствѣ: это монастырь Дрогичинскій. Напротивъ, въ Гродненской, Виленской и частью въ Минской губерніяхъ на 700 церквей находилось болѣе 40 монастырей Литовской базиліанской провинціи.

Чтобы понять степень опасности для греко-славянской церкви, а слѣдовательно и для русской народности отъ базиліанскаго ордена на обширной территоріи, обнимающей: бывшую Бѣлостоцкую область, губерніи—Гродненскую, Минскую и Виленскую, мы въ особомъ спеціальномъ трудѣ представляемъ нѣсколько новыхъ документовъ, относящихся къ исторіи русской грекоуніатской церкви и общественнаго образованія во всей западной полосѣ Россійской имперіи, т. е. въ Бѣлоруссіи, Литовской Руси, на Волыни и Подоліи въ царствованіе Александра I.

III.

Богословское образованіе, ученое путешествіе по Европѣ и славянскимъ землямъ и занятія на каѳедрѣ св. писанія въ виленскомъ университетѣ (1808—1833 гг.).

Ученыя степени.—Рукоположеніе 1814 г.—Вступленіе на каѳедру священнаго писанія, 1814 г.—Назначеніе брестскимъ каноникомъ.—Ученое путешествіе по Европѣ и славянскимъ землямъ (1817—1822).—Предложенныя Бобровскимъ реформы въ главной духовной семинаріи, 1823.—Неудовольствіе базиліанскихъ монаховъ.—Отрѣшеніе отъ каѳедры и удаленіе въ Жировицы, 1824.—Переписка съ Кеппеномъ, 1825 и 1826 гг.—Возстановленіе на каѳедрѣ.—Школа славяновѣдѣнія въ Вильнѣ съ 1826 г.—Занятія профессора въ Вильнѣ до преобразованія главной семинаріи въ римско-католическую академію.—Главнѣйшіе труды М. К. Бобровскаго.—Избраніе въ члены ученыхъ обществъ.—Предложеніе графа Сперанскаго.—Бобровскій ищетъ спокойнаго угла.—Отставка.—Характеристика личности профессора [1]).

Не желая затруднять читателя подробностями, имѣющими спеціальный характеръ (хотя и не лишенными значенія для исторіи греко-уніатской церкви XIX ст.), мы ограничиваемся въ этой главѣ біографическаго очерка перечисленіемъ главнѣйшихъ фактовъ, собственно для связи предыдущаго нашего разсказа съ послѣдующими событіями, относящимися къ эпохѣ возсоединенія.

Послѣ заключенія Тильзитскаго мира супрасльская епархія вошла въ составъ брестской, изъ которой въ 1809 году образована виленская митрополичья. Супрасльскій Благовѣщенскій монастырь остался попрежнему независимымъ отъ Литовской базиліанской провинціи, управленіе которой находилось въ виленскомъ Св. Троицкомъ монастырѣ. Между тѣмъ, для высшаго богословскаго образованія духовенства римскаго и греческаго

[1]) Арх. св. син. по 2-му депар. 1809 г. № 4, 1815 г. № 6, 1817 г. № 34, 1819 г. № 40, 1822 г. № 61, 1826 г. № 11, 1827 г. № 47, 1828 г. № 73, 1829 г. № 123, 1833 г. № 133. Арх. мин. нар. просв. Карт. 1087 г. № 6559. Послужн. списки отъ университета виленскаго, составленные въ 1833 г. Пл. Яковскаго «Протоіерей Михаилъ Бобровскій», Холм. мѣсяц. на 1867 г. «Древняя харатейная псалтирь», Лит. епарх. вѣд. на 1866 г. № 20 и 21. Ягича «Письма Добровскаго и Копитара», изд. 1883 г. Сборникъ собственноручныхъ писемъ М. К. Бобровскаго.

обрядовъ, по мысли и настоянію попечителя виленскаго учебнаго округа, образована была, при виленскомъ университетѣ, главная духовная семинарія на 50 клириковъ, въ томъ числѣ 15 грекоуніатскихъ. Учрежденіе главной духовной семинаріи встрѣчено было враждебно всѣми монашескими орденами западной Россіи (а ихъ было до 30), потому, во 1-хъ, что расходы на ея содержаніе были отнесены на счетъ доходовъ монастырей, по раскладкѣ, сдѣланной въ 1805 г. архіепископомъ Лисовскимъ и митрополитомъ Сестренцевичемъ, и во 2-хъ, она не была подчинена не только епархіальному начальству, но и высшему духовному учрежденію. Такое изъятіе соотвѣтствовало тому направленію, которое господствовало въ дѣлахъ католической церкви въ эпоху Наполеоновскихъ войнъ въ Европѣ, когда свѣтская власть папы была подорвана. Русская грекоуніатская церковь въ эпоху Тильзитскаго міра была подавлена господствомъ базиліанскаго ордена, который, какъ и іезуитскій, пользовался покровительствомъ нашего правительства. Престарѣлый Лисовскій не могъ поэтому дождаться исполненія своего проекта. Между тѣмъ, по настоянію князя Чарторыйскаго, главная семинарія была открыта въ 1808 г. Бобровскій рѣшился вступить въ духовное званіе и, имѣя отличныя рекомендаціи отъ своего епархіальнаго начальства, поступилъ въ числѣ 17 греко-уніатскихъ клириковъ перваго пріема. Замкнутое заведеніе и строгій внутренній порядокъ охраняли семинарскую молодежь отъ крайняго увлеченія патріотическо-польскими чувствами, коими заражены были преимущественно студенты университета. Напротивъ, многія условія поддерживали въ этомъ богословскомъ институтѣ отличный нравственный духъ и согласіе во взаимныхъ отношеніяхъ учащихся (Антоній Зубко). Богословское преподаваніе велось въ духѣ реакціонномъ, противоположномъ фанатизму богословскихъ студій римско-католическихъ и базиліанскаго орденовъ; профессора каноническаго права Алоизій Канелли и пастырскаго богословія Иванъ Конти Ходани, оба италіанца, съ безпощадною критикою относились къ злоупотребленію римскихъ папъ и къ фанатической нетерпимости ультрамонтанъ. Въ томъ же направленіи преподавалъ догматическое богословіе каноникъ Клонгевичъ (зам. Іосифа Сѣмашки, Плакида Яковскаго). Професоръ св. писанія Голянскій способствовалъ развитію способностей къ изложенію проповѣдей.

Нельзя тутъ не замѣтить, что епархіальное начальство съ самаго начала отнеслось большею частію небрежно къ выбору клириковъ въ гл. семинарію, оттого въ первоначальный періодъ ея существованія было много неудачниковъ: изъ 17 человѣкъ перваго пріема окончили курсъ съ успѣхомъ только 7 человѣкъ (изъ нихъ 3 со степенью магистра).

Михаилъ Кирилловичъ прошелъ четырехлѣтній курсъ богословскихъ наукъ съ полнымъ успѣхомъ и при выпускѣ въ 1812 году удостоенъ ученыхъ степеней магистра богословія и философіи, кромѣ того онъ еще 23 апрѣля 1811 г. выдержалъ экзаменъ по словесному факультету наукъ изъ литературы, поэзіи, греческаго и латинскаго языковъ и признанъ совѣтомъ университета въ степени „магистра свободныхъ художествъ“ (Magister Artium Liberalium). Строго философскій умъ Бобровскаго отличался многосторонними познаніями. Немедленно по окончаніи отечественной войны, онъ снова явился въ Вильну, гдѣ посѣщалъ въ университетѣ курсы уголовнаго и гражданскаго права и продолжалъ заниматься еврейскимъ и италіанскимъ языками. Въ 1814 г. Бобровскій былъ приглашенъ къ занятію должности профессора св. писанія (на мѣсто Голянскаго), а въ слѣдующемъ году, послѣ защиты диссертаціи, утвержденъ въ должности профессора. Только въ 1815 году (на 31 году жизни) онъ принялъ священство (29 іюня), затѣмъ назначенъ членомъ виленской консисторіи, а въ 1817 году возведенъ въ санъ брестскаго каноника.

Надо замѣтить, что послѣ заключенія священнаго союза и возстановленія власти римскаго папы въ западныхъ губерніяхъ замѣтно усилилась латино-польская пропаганда, чему въ значительной степени способствовали библейскіе комитеты и школы, бывшія во власти монашескихъ орденовъ. Само правительство посредствомъ университета поощряло (до 1822 г.) польскую цивилизацію въ обширномъ виленскомъ округѣ.

Между тѣмъ, римско-католическое духовенство и базиліане, руководимые провинціалами и нѣкоторыми епископами, подъ предлогомъ раззоренія и упадка монастырей послѣ отечественной войны, противились возобновленію главной духовной семинаріи. 1-й департаментъ римско-католической коллегіи, основываясь на донесеніяхъ визитатора виленскаго греко-уніатскаго епископа

Адріана Головни, вошелъ съ представленіемъ о закрытіи навсегда главной семинаріи. Эту ревизію онъ производилъ, когда въ семинаріи не было учениковъ. Князь Голицынъ предложилъ попечителю дать свое заключеніе на представленіе 1-го депар. коллегіи. Не смотря на противодѣйствіе монаховъ, главная семинарія была возобновлена въ 1816 г. и совѣтъ университета, поддерживаемый княземъ Чарторыйскимъ въ своемъ мнѣніи, представляя объ упадкѣ богословскаго образованія въ епархіальныхъ семинаріяхъ, управляемыхъ епископами, находилъ необходимымъ сохранить этотъ полезный институтъ, между прочимъ и для того, чтобы поднять въ духовенствѣ сколько нибудь богословское образованіе. Въ первые четыре года своего существованія главная семинарія доставила епархіямъ 34 достойныхъ іереевъ, изъ коихъ „нѣкоторые употребляются къ учительскимъ должностямъ въ епархіальныхъ семинаріяхъ, другіе преподаютъ слово Божіе, значительно сіе званіе отличая, а младшіе, пріобрѣтя спасительное воспитаніе, занимаются своими приходами съ истинно христіанскою ревностью [2]).

Неудавшаяся интрига монаховъ и епископа Головни усилила только злобу монашескихъ орденовъ противъ семинаріи. Это обнаружилось, между прочимъ, изъ слѣдующаго случая: когда въ день св. Троицы для привѣтствія своего епископа въ монастырь явился профессоръ М. Бобровскій съ греко-уніатскими клириками, обучавшимися въ главной семинаріи, настоятель монастыря Цезарій Каминскій встрѣтилъ ихъ такими словами: „Зачѣмъ вы сюда пришли? Подите прочь, это нашъ епископъ, а не вашъ, вашъ архіепископъ схизматикъ въ Полоцкѣ“. Послѣ такого пріема Бобровскому оставалось одно—отвести воспитанниковъ въ главную семинарію [3])... Вообще неудовольствіе вилен-

[2]) Арх. мин. нар. просв. Карт. 1087, № 6559: «А что такое епархіальныя семинаріи за послѣднія 20 лѣтъ? въ нихъ упало благовоспитаніе, въ епархіяхъ не много способныхъ проповѣдниковъ и ученыхъ богослововъ. Совѣтъ семинаріи долженъ былъ вернуть по неспособности къ наукамъ и дурному поведенію 36 клириковъ» и т. д.

[3]) Разсказъ очевидца Василія Лужинскаго (въ его «Запискахъ»). Въ то время обучались въ главной семинаріи Игнатій Ильховскій, Августинъ Бѣлиновичъ, Иванъ Игнатовичъ, Василій Лужинскій и Іосифъ Сѣмашко. Послѣдніе двое, какъ извѣстно, были главными дѣятелями по воз-

скихъ базиліанъ и другихъ монаховъ противъ главной семинаріи обратилось, можно сказать, въ систематическое преслѣдованіе обучавшихся въ ней клириковъ. Оно выражалось особенно въ крайне неакуратномъ взносѣ денегъ на ея содержаніе и въ представленіяхъ объ ограниченіи правъ ея воспитанниковъ для занятія епископскихъ мѣстъ.

Желая поднять богословское образованіе главной семинаріи на ту высокую степень, на которомъ оно находилось въ современныхъ подобныхъ же учрежденіяхъ за границею, попечитель предложилъ совѣту университета командировать въ Европу одного изъ профессоровъ богословскаго отдѣленія. Выборъ совѣта палъ на профессора Бобровскаго, который выдѣлялся отъ другихъ своими способностями къ языкознанію (кромѣ древнихъ языковъ, онъ основательно былъ знакомъ съ языками нѣмецкимъ, французскимъ и италіанскимъ). Бобровскому поручено было ознакомиться съ состояніемъ богословскаго образованія за границею и усовершенствовать себя въ знаніи восточныхъ языковъ, какъ необходимаго пособія для преподаванія библейской археологіи, а въ виду основательнаго его знакомства съ церковнославянскимъ языкомъ совѣтъ призналъ полезнымъ поручить ему-же ознакомиться и съ славянскими нарѣчіями. Какъ видно изъ многихъ примѣровъ, командированіе преподавателей въ заграничные университеты для усовершенствованія въ наукахъ тогда входило въ систему подготовки профессоровъ для всѣхъ русскихъ университетовъ.

Михаилъ Кирилловичъ пробылъ за границею около пяти лѣтъ. Онъ выѣхалъ изъ Вильны 17-го сентября 1817 года и вернулся лишь въ августѣ 1822 г. Въ это время Вѣна славилась своими профессорами богословскаго факультета, академіей восточныхъ языковъ и обществомъ ученыхъ оріенталистовъ. Бобровскій засталъ еще въ живыхъ знаменитаго Яна (Jah, Gantz),

---

соединенію уніи съ православіемъ. Можно сказать, само Провидѣніе готовило ихъ неподоволь къ этому поприщу. Въ одинъ и тотъ же 1822 годъ оба попали въ столицу: Лужинскій личнымъ секретаремъ при архіепископѣ Красовскомъ, противъ котораго базиліане и митрополитъ Булгакъ воздвигли систематическое преслѣдованіе, Сѣмашко—членомъ коллегіи. Оба были ближайшими свидѣтелями перелома въ правительственномъ взглядѣ при Шишковѣ на греко-уніатскую церковь и т. д. Но Сѣмашко превосходилъ своего товарища-соперника практическимъ тактомъ, служебною выдержкою и настойчивостію въ работѣ.

прославленнаго своими изслѣдованіями по восточной литературѣ и искусствамъ и своимъ классическимъ трудомъ по библейской археологіи; онъ прослушалъ курсы Оберлейтнера (ученика знаменитаго Ариды), Руттенстоха, Ценгерле, Аккермана и другихъ, усовершенствовалъ свои познанія въ библейской археологіи, герменевтикѣ (правилахъ толкованія св. Писанія) и церковной исторіи, изучилъ языки еврейскій (и ранѣе ему знакомый), сирійскій, халдейскій и собралъ свѣдѣнія объ устройствѣ вѣнской главной семинаріи, куда поступали воспитанники, окончившіе курсъ лицеевъ и университетовъ. Изъ отчета Бобровскаго и изъ послѣдующихъ событій въ его жизни видно, что виленская семинарія во многихъ отношеніяхъ стояла ниже вѣнской, и при всемъ томъ главная семинарія въ Вильнѣ была лучшимъ духовнымъ институтомъ въ западно-русской окраинѣ. Въ Вѣнѣ же Бобровскій воспользовался богатствомъ древнихъ рукописей славянскихъ (12,000 рук.) въ императорской библіотекѣ и въ библіотекѣ графа Оссолинскаго и развилъ еще болѣе свои познанія въ славянской филологіи. Здѣсь же, пользуясь любезнымъ гостепріимствомъ извѣстнаго филолога Вареоломея Копитара, Михаилъ Кирилловичъ свелъ знакомство съ учеными славянами, посѣщавшими столицу австрійской монархіи

Съ начала 1819 года начинается путешествіе М. К. Бобровскаго по славянскимъ землямъ Чехіи, Моравіи, Краинѣ, Хорватіи и пр. и посѣщеніе извѣстнѣйшихъ библіотекъ—въ Прагѣ, Велеградѣ, Любляпѣ, Рагузѣ, Дубровникѣ, Задрѣ, Венеціи, Болоніи, Флоренціи, Римѣ. Въ Прагѣ онъ познакомился и сблизился съ „отцемъ славянства“ Іосифомъ Добровскимъ, съ молодымъ ученикомъ его Венцеславомъ Ганкою, съ Юнгманомъ, въ Венеціи съ Павломъ Соларичемъ „радостію и милотою сербскою“, въ Дубровникѣ съ хорватскими филологами и литераторами Маріемъ Франциномъ Аппендини, Павломъ Міосичемъ и проч. Въ октябрѣ 1820 г. Бобровскому привелось принять участіе на съѣздѣ свѣдущихъ славянъ, собранныхъ въ Задрѣ, съ разрѣшенія правительства, для составленія однообразнаго письменнаго языка въ руководство при печатаніи учебныхъ книгъ въ Далмаціи. Древнѣйшіе памятники—рукописи и старопечатныя книги—становились существеннымъ матеріаломъ для филологической критики языка, для обра-

ботки словарей и грамматикъ, провѣрки историческихъ фактовъ и оцѣнки этнографическихъ особенностей соплеменниковъ. И Михаилъ Кирилловичъ съ увлеченіемъ ученаго, проникнутаго величіемъ задачи славянъ, стремившихся къ объединенію въ области литературы, занялся изученіемъ и собираніемъ знаменитѣйшихъ памятниковъ Кирилловскаго и Глаголическаго письма, повсюду, особенно же въ Прагѣ, Вѣнѣ, Римѣ, а потомъ въ Парижѣ. Свои филологическія и библіографическія замѣтки, какъ видно изъ дневника, онъ въ каждомъ городѣ записывалъ аккуратно въ особыя тетради, прилагая къ нимъ снимки. Въ Римѣ, пользуясь вниманіемъ Ангела Майя (Angelo Mai), Бобровскій составилъ на латинскомъ языкѣ ученый каталогъ древнѣйшимъ славянскимъ рукописямъ и старопечатнымъ книгамъ Ватиканской библіотеки, подъ заглавіемъ „Codicis Slavici“. Кромѣ библіографическаго описанія, которое сопровождается справками, онъ имѣлъ у себя снимки (fac simile) съ каждой рукописи, заслуживающей его особаго вниманія. Весьма древнюю хорватскую рукопись, помѣщенную въ описаніи подъ № 1-мъ, онъ списалъ всю сначала до конца; онъ считалъ ее древнѣйшею послѣ Несторовой и полагалъ впослѣдствіи издать (Ягича „Письма Добровскаго и Копитара“). Описаніе ватиканскихъ рукописей, первый намъ извѣстный трудъ Бобровскаго, относящійся къ 1820 г., напечатанъ въ 1830 г. въ извѣстномъ сборникѣ Ангела Маія, подъ заглавіемъ: „Nova Collectio Veterum“. О своихъ открытіяхъ Бобровскій сообщалъ Копитару, Добровскому и Ганкѣ и посылалъ къ нимъ снимки изъ Рима и Парижа. Познакомившись гдѣ-то за границею съ канцлеромъ графомъ Румянцевымъ, Бобровскій сообщалъ ему о предметахъ болѣе всего интересовавшихъ знаменитаго покровителя славянской науки и служилъ посредникомъ для снятія копій и пересылки цѣлыхъ рукописей въ Россію, а также нѣкоторыхъ древнѣйшихъ книгъ.

Въ концѣ 1821 года мы застаемъ Бобровскаго изучающимъ въ Парижѣ, у знаменитаго ученаго де Сасси, арабскій языкъ. Въ маѣ 1822 года онъ двинулся въ обратный путь, черезъ Бауценъ (Будышинъ), гдѣ долженъ былъ встрѣтиться съ Іосифомъ Добровскимъ для совмѣстнаго путешествія по странѣ лужичанъ (вендовъ или сербо-лужичанъ); но обстоятельства задержали

Добровскаго въ Прагѣ и Бобровскій, пользуясь радушнымъ пріемомъ представителей угасавшей сербско-лужицкой литературы— Лоцке, Фульке и Лубенскаго, могъ дать впослѣдствіи отчетъ о состояніи этой горсти славянъ, такъ много пострадавшихъ подъ вліяніемъ своихъ побѣдителей германцевъ.

Послѣ восторженной встрѣчи на своей родинѣ, старѣйшими представителями Брестскаго капитула, Гавріиломъ Янковскимъ, Тупальскимъ, Сосновскимъ и окрестнымъ духовенствомъ, Михаилъ Кирилловичъ въ августѣ 1822 года явился въ Вильну и открылъ въ университетѣ рядъ публичныхъ чтеній о священномъ Писаніи и его источникахъ. Предложенія ученаго богослова выходили изъ разряда обыкновенныхъ: онъ предъявилъ совѣту университета совершенно повую программу для преподаванія богословскихъ наукъ въ тѣсной связи съ обученіемъ восточнымъ языкамъ, не исключая, разумѣется, славянскаго, указалъ новые методы толкованія св. Писанія, основаннаго на первыхъ источникахъ (а для этого требуется знаніе греческаго, еврейскаго халдейскаго, сирійскаго и даже арабскаго языковъ), и, наконецъ, устроить главную духовную семинарію на широкихъ основаніяхъ съ семилѣтнимъ курсомъ). Лекціи профессора греко-уніата и предположенныя имъ радикальныя реформы богословскаго курса, причемъ лекторъ являлся на каѳедру съ запасомъ громадной ученой эрудиціи, взволновали латинское духовенство, особенно виленскихъ монаховъ, большею частію послѣдователей моднаго, но поверхностнаго ученія библейскаго общества о „внутренней церкви“, которое было подъ особымъ покровительствомъ въ то время еще всесильнаго министра народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ князя А. Н. Голицына.

Въ теченіе пятилѣтняго пребыванія Бобровскаго за границею, въ западныхъ губерніяхъ Россіи произошли большія перемѣны: подъ покровительствомъ (библейскихъ) комитетовъ развилась между греко-уніатами латино-польская пропаганда; епископы и базиліане, поддерживаемые митрополитомъ Булгакомъ, вице-предсѣдателемъ россійскаго библейскаго общества, распространяли въ русскомъ народѣ польскіе азбуки, молитвенники, новый завѣтъ и, наконецъ, библію (московскаго изданія); епископы разрѣшали печатаніе книгъ несоотвѣтственныхъ духу греческаго обряда: въ Почаевской базиліанской типографіи напечатанъ былъ

славянскій служебникъ съ возмутительными нововведеніями [4]); въ греческихъ обрядахъ появились несвойственные Кирилло-Меѳодіевскимъ книгамъ латинскіе возгласы, пѣлись польскіе рожанцы, кантики и т. д.

Протесты Брестскаго капитула противъ злоупотребленій базиліанскихъ монаховъ (съ 1810 по 1820 г.) въ греко-уніатской церкви не встрѣчали въ столицѣ поддержки: князь Голицынъ, вопреки намѣреніямъ императора Александра I, не только не способствовалъ разрѣшенію вопросовъ, обусловленныхъ упраздненіемъ нѣкоторыхъ базиліанскихъ монастырей, но, напротивъ, обращалъ всѣ жалобы къ митрополиту Булгаку, который, будучи во власти базиліанскихъ коноводовъ-провинціаловъ, Каминскаго, Смыковича и своего секретаря іеромонаха Мудровича, всѣми способами противодѣйствовалъ реформамъ въ уніи, намѣченнымъ еще митрополитомъ Лисовскимъ. Однако, съ конца 1821 года въ правительственныхъ сферахъ столицы произошла крутая реакція. Предложеніе 28-го октября 1822 года, вызванное категорическимъ повелѣніемъ императора Александра о приведеніи въ исполненіе его прежнихъ указовъ объ уніатахъ, оживило надежды бѣлаго духовенства Брестской и Виленской епархій къ устройству епархіальныхъ семинарій и улучшенію быта бѣлаго духовенства. Въ этомъ отношеніи русскіе грекоуніаты находились несравненно въ худшемъ положеніи, чѣмъ австрійскіе и даже чѣмъ польскіе (Холмской епархіи).

Крайній упадокъ монашеской дисциплины (какъ можно видѣть во многихъ дѣлахъ архива бывшей римско-католической коллегіи), очевидно, былъ слѣдствіемъ роскоши и тунеядства. Въ 400 монастыряхъ (въ томъ числѣ до 90 базиліанскихъ) монахи большею частью вели жизнь праздную, занимались политическими интригами, тяжбами. Въ своихъ проповѣдяхъ брестскій каноникъ Бобровскій не могъ скрывать неодобренія фанатизму, которымъ

---

[4]) Въ славянской литургіи львовскаго изданія 1776 г. было такое моленіе въ ектеніи: «Подать намъ мирное церквей правленіе, разсореніе же злохульныя ереси, истребленіе раздоровъ и всякаго отступническаго, злобнаго, непріязненнаго католическому исповѣданію умышленія и ученія искорененіе, и вознести повсюду истинную вѣру». — Викарный епископъ Сѣрошинскій разрѣшилъ ее напечатать въ Почаевской типографіи, выбросивъ только три слова: «непріязненнаго каѳолическому исповѣданію».

превозносились тогда виленскіе монахи. Многіе изъ латинскихъ монаховъ (а изъ базиліанъ даже епископъ суффраганъ Головня) были членами масонскихъ ложъ, библейскихъ комитетовъ и разныхъ благотворительныхъ кружковъ, преслѣдовавшихъ политическія цѣли. Все это возмущало духъ строго-религіознаго уніата. До сихъ поръ вовсе еще не изслѣдованы подстрекательства виленской учащейся молодежи духовными властями, враждебно относившимися къ виленскому университету вообще и въ частности къ главной семинаріи. Поэтому въ нашей литературѣ сужденія о виленскихъ событіяхъ въ 1823, 1824 и 1825 годахъ лишены полноты и критики.

Какъ бы то ни было, въ Вильнѣ образовалась сильная партія, враждебная ученію профессора Бобровскаго, который, будучи горячимъ приверженцемъ греко-восточнаго обряда, не могъ одобрять ни латинской вульгаты (Ил. Янковскій), ни особенно перевода ея на польскій языкъ, ни распространенія польскихъ богослужебныхъ книгъ въ греко-уніатскомъ духовенствѣ, обязанномъ совершать богослуженіе по греческому обряду на славянскомъ языкѣ, ни латинизаціи греческихъ обрядовъ въ уніи....

М. К. Бобровскій былъ удаленъ изъ Вильны подъ предлогомъ оскорбительнымъ для его внутренней совѣсти, какъ преступникъ, безъ слѣдствія и суда [5]), и поселенъ въ Жировицахъ, въ маленькой кельѣ базиліанскаго монастыря, подъ надзоромъ духовнаго начальства.

Пишущіе о событіяхъ въ Вильнѣ по поводу университетскихъ безпорядковъ, по нашему мнѣнію, не обращаютъ вовсе

---

[5]) «Для пресѣченія вреднаго вліянія, которое возъимѣла противудѣйствующая университетскому начальству партія». Указъ 14 августа 1824 г. См. разъясненіе событій въ виленскомъ университетѣ въ учебномъ 1823—24 году, въ брошюрѣ Онацевича «Nowosilzow w Wilnie 1823—24», изд. 1831 г. Въ этомъ дѣлѣ Новосильцовъ слѣдовалъ по стопамъ Магницкаго въ Казани и Рунича въ Петербургѣ, Сухомлиновъ «Матеріалъ для ист. просв. въ Россіи»; Пыпинъ, Россійское библейское общество, «Вѣст. Европы»; Стоюнинъ, Адмиралъ Шишковъ, и др. Непосредственнымъ поводомъ къ удаленію профессора Бобровскаго изъ Вильны была проповѣдь, сказанная въ день св. Іосифа Обручника, кромѣ того онъ защищалъ пользу преподаванія философіи. Самое преподаваніе герменевтики (т. е. толкованія св. писанія) по первымъ источникамъ вмѣнялось въ вину ученому богослову-слависту. См. у Шмида, «Исторія средн. учебн. заведеній», какъ смотрѣли на преподаваніе «герменевтики» нѣкоторые изъ членовъ правленія училищъ и ученаго комитета, напримѣръ—Стурдза.

вниманія на партіи, бывшія въ виленскомъ обществѣ, особенно-же на ту партію клерикаловъ, которая опасалась упраздненія монастырей. Самъ Новосильцовъ, какъ кажется, былъ орудіемъ этой партіи и польскихъ магнатовъ: въ то время крѣпостное право управляло всѣми дѣйствіями нашей администраціи въ западной Россіи; поэтому и во многихъ распоряженіяхъ Новосильцова видна непослѣдовательность и явное потворство шляхетскимъ интересамъ; отсюда, вѣроятно, и враждебное отношеніе попечителя къ бѣлому греко-уніатскому духовенству, между тѣмъ какъ это духовенство стремилось къ возстановленію чистоты греческаго обряда, защищало свои права по управленію дѣлами церкви, возставало противъ распространенія богослужебныхъ книгъ на польскомъ языкѣ, вмѣсто славянскихъ! Новосильцевъ отрицалъ пользу богословскаго образованія священниковъ, пользу особыхъ семинарій, а тѣмъ менѣе училищъ. А если нужно подготовлять священниковъ, то это дѣло слѣдуетъ предоставить базиліанамъ! ..

Въ жировицкомъ изгнанникѣ приняли горячее участіе: графъ Румянцевъ, графъ Остерманъ-Толстой, ученый Кеппенъ, профессоръ россійской литературы въ университетѣ Лобойко и даже самъ адмиралъ Шишковъ. Въ началѣ февраля 1826 года, по высочайшему повелѣнію императора Николая Павловича, Бобровскій былъ возстановленъ на каѳедрѣ св. писанія, съ воспрещеніемъ, однако, говорить проповѣди. Но спустя годъ, въ апрѣлѣ 1827 года, отмѣнено было и это ограниченіе. Напротивъ, ректоръ университета Пеликанъ—„авторъ прегрѣшенія“ Бобровскаго, въ своемъ ходатайствѣ призналъ за проповѣдями ученаго профессора полезное для юношества воспитательное значеніе!...

Уединеніемъ въ Жировицахъ (съ сентября 1824 г. по апрѣль 1826 г.) Бобровскій воспользовался для занятія славистикой, для приведенія въ порядокъ своихъ путевыхъ записокъ и продолженія своихъ филологическихъ изслѣдованій открытыхъ имъ древнѣйшихъ славянскихъ рукописей. Издатель библіографическихъ листовъ Кеппенъ, черезъ посредство профессора Лобойки, вошелъ въ переписку съ Бобровскимъ; послѣдній думалъ даже выйти изъ духовнаго званія и переселиться въ столицу, чтобы сблизиться съ источниками славянской старины

въ публичной библіотекѣ; онъ доставилъ Кеппену, кромѣ разныхъ библіографическихъ замѣтокъ и справокъ, свѣдѣнія объ открытой имъ знаменитой Супрасльской рукописи. Эта любопытная переписка хранится въ императорской академіи наукъ. Къ сожалѣнію, значительная часть жировицкаго труда Михаила Кирилловича (по его словамъ годичный запасъ), отъ неосторожно оставленной свѣчи, сдѣлалась жертвою пламени, при чемъ едва не погибла подлинная Супрасльская рукопись. Но составленный имъ и уже переписанный набѣло отчетъ о путешествіи по Европѣ, къ величайшему сожалѣнію, погибъ и уже не могъ быть возстановленъ. Остались черновыя записки, весьма краткія, но кто ихъ сохраняетъ—неизвѣстно. Нервная болѣзнь довершила рядъ несчастій, постигшихъ нашего ученаго, который, по словамъ его ученика Янковскаго, послѣ такой болѣзни, не обладалъ уже тою колоссальною памятью, какою надѣленъ былъ отъ природы.

Вмѣстѣ съ возстановленіемъ Михаила Кирилловича на каѳедрѣ богословскихъ наукъ, министръ Шишковъ возложилъ на него преподаваніе славянскаго языка греко-уніатскимъ клирикамъ; открытая имъ въ Вильнѣ школа славяновѣдѣнія въ маѣ 1826 г. была первою въ Россіи. Въ его вступительной лекціи выражена надежда на возстановленіе языка церковнославянскаго, пришедшаго въ забвеніе въ школахъ. Къ сожалѣнію, обстоятельства не благопріятствовали укорененію занятій славянской филологіей подъ руководствомъ даровитаго ученаго въ западно-русской окраинѣ; занятія славяновѣдѣніемъ прекратились съ послѣднимъ выпускомъ греко-уніатовъ, окончившихъ курсъ главной семинаріи; послѣ того Бобровскій писалъ къ Востокову въ 1831 году: „нѣтъ никого въ Вильнѣ—да простятъ мнѣ сказанное—кто могъ бы эту древнюю рукопись (супрасльскую) правильно прочитать и переписать“... Клирикамъ профессоръ акуратно, съ археологическою точностію, показывалъ въ Николаевской церкви каждому особо, какъ должно совершать богослуженіе по греческому обряду. И эти пріемы не остались безплодными, ибо чинъ богослуженія въ уніатской церкви былъ искаженъ множествомъ заимствованій у латинянъ.

Слушавшіе профессора Бобровскаго за послѣдній періодъ профессорской дѣятельности сохранили воспоминаніе о плодотворныхъ занятіяхъ его герменевтикою и библейской археологіей.

„Рѣдкій изъ наставниковъ пользовался наравнѣ съ нимъ такимъ общимъ уваженіемъ и любовію учениковъ". „Съ особенною попечительностію онъ заботился о соблюденіи греческихъ обрядовъ и самъ руководилъ ими въ церкви, работая съ каждымъ клирикомъ по заведенной очереди". „Онъ насъ научилъ цѣнить великое значеніе славянской науки, призывалъ насъ къ участію по разработкѣ источниковъ и памятниковъ". (Зам. протоіерея Пл. Яковскаго, архіепископовъ Филарета (Малишевскаго) и Михаила (Голубовича). Сердечное отношеніе профессора къ церковно-славянскому богослужебному языку тѣмъ болѣе было благотворно для греко-уніатскихъ воспитанниковъ, что на преподаваніе его въ базиліанскихъ школахъ не обращалось никакого вниманія, многіе монахи просто его не знали.

Послѣ возстанія въ Варшавѣ, которое нашъ профессоръ въ своихъ письмахъ къ Тупальскому называетъ „беззаконнымъ и безумнымъ конституціоннымъ неистовствомъ, измѣною" (nikczemna zdrada), становилось неизбѣжнымъ паденіе русской уніи. Поэтому Бобровскій не видѣлъ никакой необходимости въ образованіи особой комиссіи для исправленія богослужебныхъ книгъ и греческихъ обрядовъ, какъ предлагали нѣкоторые представители въ уніатской іерархіи.

Кромѣ ряда статей, помѣщенныхъ въ виленскихъ періодическихъ изданіяхъ того времени [6]), изъ коихъ большая часть помѣщена была вслѣдъ за симъ Каченовскимъ въ „Вѣстникѣ Европы", Бобровскій составилъ: „Записки славянской библіографіи" (предполагалъ ихъ издать), „Записки герменевтики (не изданныя); въ 1829 г. онъ напечаталъ переведенную имъ же съ нѣмецкаго на латинскій языкъ Библейскую археологію по Яну („Archaeoligia Biblica." T. Wilna, 1829), съ значительными дополненіями (вторая часть издана въ 1836 г., при его-же участіи); затѣмъ Бобровскій составилъ, по высочайшему по-

[6]) Dzieje Dobroczynnosci (Дѣяніе благотворительности), Dziennik wilenski (Дневникъ Виленскій) издавались при главной семинаріи и университетѣ. Въ нихъ Бобровскій помѣстилъ нѣсколько статей, относящихся къ его путешествію по славянскимъ землямъ: въ Далмацію, въ Лузацію и проч. Тутъ-же и его публичныя лекціи о св. писаніи, о значеніи арабскаго языка и литературы, о существѣ Бога по пятикнижію Моисея, переводъ съ италіанскаго языка книги Совича, «О незнаніи славянскаго литературнаго языка въ Далмаціи» и проч.

велѣнію, „краткій катехизисъ“ для римско-католическаго юношества въ Россіи и большую часть пространнаго катехизиса, для того же юношества. Наконецъ, онъ готовилъ къ изданію и знаменитую супральскую рукопись [7]).

Кромѣ трудовъ на своей каѳедрѣ, Бобровскій принималъ дѣятельное участіе въ разныхъ ученыхъ работахъ, какъ членъ совѣта главной духовной семинаріи и цензурнаго комитета. Съ 1828 г. онъ былъ настоятелемъ русской Св. Николаевской церкви и виленскимъ благочиннымъ, въ 1829 г. назначенъ соборнымъ протоіереемъ Жировицкаго каѳедральнаго собора, въ 1830 г. въ качествѣ члена Жировицкой комиссіи завѣдующимъ митрополичьими имѣніями, Ваккою и Шеполями. Нельзя не упомянуть о поддержкѣ Бобровскимъ оффиціала Антонія Сосновскаго въ его полемикѣ съ базиліанскими властями, при чемъ оба брестскіе каноники содѣйствовали рѣшимости министра Шишкова къ обнародованію извѣстнаго указа 9 октября 1827 г. относительно воспрещенія принимать въ монахи лицъ, не знакомыхъ съ церковно-славянскимъ языкомъ и греческими обрядами. Этотъ указъ легъ въ основаніе доклада 22 апрѣля 1828 года, коимъ намѣчены реформы въ греко-уніатской церкви, при чемъ Бобровскому полагалось поручить устройство полоцкой греко-уніатской академіи. Его же совѣтами пользовались Антоній Зубко и Тупальскій, для выбора преподавателей въ жировицкую семинарію (открытую въ 1828 г.) и при разрѣшеніи разныхъ вопросовъ, относившихся къ реформамъ. Іосифъ Сѣмашко велъ дѣятельную переписку съ Бобровскимъ.

Для исправленія обрядовъ греко-уніатской церкви предсѣдатель консисторіи Тупальскій предлагалъ созвать въ Петербургѣ особый комитетъ въ составѣ митрополита Булгака, епископовъ

---

[7]) Въ 1833 году графъ Сперанскій предполагалъ привлечь Бобровскаго къ составленію сравнительнаго словаря славянскаго языка. Въ своемъ отвѣтѣ Даниловичу по этому поводу Михаилъ Кирилловичъ, разобравъ состояніе словарей и грамматикъ у всѣхъ славянъ, приходитъ къ выводу, что такая работа преждевременная. Удивляется, почему для этой цѣли избрана Прага, а не Москва или Петербургъ? Сборн. писемъ М. К. Бобровскаго. Письмо отъ 16 февраля 1833 г. Это и нѣкоторыя другія письма Бобровскаго по славистикѣ мы печатаемъ въ «Славянскихъ Извѣстіяхъ» изд. В. В. Комарова, № 12 и слѣд.

Мартусевича, Сѣроцинскаго и Сѣмашки, предсѣдателя литовской консисторіи Тупальскаго, профессора Бобровскаго и двухъ провинціаловъ (литовскаго и польскаго). Планъ этотъ остался безъ послѣдствій. Неудачу его Тупальскій приписывалъ профессору Бобровскому. По этому поводу Тупальскій писалъ ему, 8 января 1830 г., слѣдующее: вы, illustvssimus, послали епископу Сѣмашкѣ свое мнѣніе, поэтому я и вижу, что мой проектъ долженъ остаться безъ послѣдствій, и такимъ образомъ долго еще останется хаосъ въ нашемъ служебникѣ, отъ чего могутъ быть дурныя послѣдствія."—На это Бобровскій, между прочимъ, отвѣчалъ Тупальскому (18 января 1830 г.), что его проектъ о комитетѣ не удался, потому вѣроятно, что не согласуется съ цѣлью реформъ, что въ своихъ двухъ послѣднихъ письмахъ къ Сѣмашкѣ онъ даже не касался служебниковъ и что готовъ прислать Тупальскому свои замѣчанія на уніатскій служебникъ. „Но ради чего намъ давать себѣ лишнюю работу и хлопотать надъ исправленіемъ богослужебныхъ книгъ, когда таковыя имѣются и давно уже исправлены великимъ критикомъ патріархомъ Никономъ и многими другими православными, и изданы тщательно въ Москвѣ и Кіевѣ". (Сборн. собственноручныхъ писемъ М. К. Бобровскаго).

Еще ранѣе закрытія виленскаго университета и образованія изъ богословскаго факультета и главной семинаріи римско-католической академіи, Бобровскій получилъ, взамѣнъ Николаевскаго прихода въ Вильнѣ, Шерешевскій приходъ, близь Пружанъ (Гродненской губ.), съ деревнею Обрубъ въ пожизненное пользованіе. Наканунѣ своего отъѣзда изъ Вильны, 3 ноября 1833 года, Бобровскій писалъ епископу Іосифу Сѣмашкѣ, по поводу поданнаго имъ прошенія министру Блудову о пенсіи: „Удаленіе меня изъ университета почти на два года покрыто великодушнымъ помилованіемъ Государя Императора, который всемилостивѣйше возстановилъ меня въ прежнихъ правахъ и преимуществахъ профессора." „Не имѣя въ Вильнѣ никакого дѣла, забравъ свою библіотечку, завтра выѣзжаю въ Шерешево, на службу своему приходу, гдѣ, при настоятельскихъ занятіяхъ, надѣюсь имѣть спокойный кусокъ хлѣба, и буду имъ довольствоваться, хотя бы и не удалось получить эмеритуры, безъ

нея же не для чего мнѣ и заниматься исполненіемъ дальнѣйшихъ обязанностей“ [8]).

Извѣстнѣйшія иностранныя ученыя общества приняли нашего филолога и богослова въ число своихъ сочленовъ: въ 1822 г. ему присланъ дипломъ на званіе члена Римской академіи древностей и свидѣтельство на званіе члена Парижскаго азіатскаго общества, въ 1827 г. на званіе члена Лондонскаго азіатскаго общества, въ 1828 г. Бобровскій избранъ членомъ Московскаго общества исторіи и древностей россійскихъ. Труды профессора Бобровскаго на богословскомъ факультетѣ и въ области славянской филологіи, а равно его заслуги для греко-уніатской церкви еще ждутъ историка. Несомнѣнно, что это былъ одинъ изъ наиболѣе серіозныхъ ученыхъ людей своего вѣка и справедливо считался украшеніемъ университета и свѣточемъ іерархіи греко-уніатской церкви своего времени.

При отъѣздѣ Бобровскаго изъ Вильны академики поднесли любимому ученѣйшему и достойнѣйшему профессору портретъ, гравированный на камнѣ съ латинскою надписью, приведенною нами въ самомъ началѣ настоящаго біографическаго очерка. (Введеніе, примѣч.: Hanc viri doctissimi, praeceptoris suis carissimi). Бобровскому тогда было 49 лѣтъ. (Снимокъ съ портрета приложенъ къ этой книгѣ „Русск. Стар.“) Онъ еще сохранилъ свѣжія силы и многіе годы могъ бы служить наукѣ. Но провидѣніе устроило иначе.

Къ этому изображенію виленскаго ученаго богослова и славянскаго филолога считаемъ умѣстнымъ присоединить характеристику личности профессора, данную бывшимъ ученикомъ его, протоіереемъ Яковскимъ, въ слѣдующихъ выраженіяхъ, полныхъ глубокаго чувства и совершенно правдивыхъ:

„Ей (т. е. природѣ) угодно было, чтобы покойный только исподволь и, такъ сказать, шагъ за шагомъ завоевывалъ себѣ друзей. Въ самомъ дѣлѣ, отъявленный врагъ тщеславія, гордости и вообще двоедушія, Бобровскій легко могъ казаться слишкомъ требовательнымъ и тяжелымъ человѣкомъ. А какія-то антично-суровыя черты лица и какъ-бы къ нимъ подобранная ни-

[8]) Сборникъ писемъ М. К. Бобровскаго, л. 28 на оборотѣ. Не можемъ догадаться о какихъ здѣсь «обязанностяхъ» говоритъ профессоръ.

тонація голоса, въ свою очередь, не предупреждали вовсе въ пользу обходительности. Между тѣмъ подъ этою причудливою оболочкою скрывалось—и то не въ глубинѣ, а тутъ же на поверхности—столько теплаго чувства, доброты и теплоты сердечной, что, при одномъ видѣ подобной находки, обезоружилась бы самая непримиримая обида, не только что предубѣжденіе. Но могъ ли кому либо нанести личную обиду тотъ, кто такъ глубоко почиталъ таинственную святыню человѣческой совѣсти, что никогда, во всю свою жизнь, не коснулся, не только укоромъ, но даже подозрѣніемъ, этого единственнаго изъ правъ ближняго, поставленнаго внѣ нашего взаимнаго суда и контроля? Настаиваемъ съ намѣреніемъ на этой благородной особенности характера профессора Бобровскаго. Она довольно рѣдка, и, что прискорбнѣе сказать, почти никогда не оцѣнивается по достоинству, при жизни человѣка, не смотря на то, что она то именно составляетъ одинъ изъ вѣрнѣйшихъ залоговъ мира на землѣ, заповѣданнаго намъ нѣкогда самими небожителями. Вотъ отъ чего, между прочимъ, общество Бобровскаго имѣло для всѣхъ рѣшительно какую-то безсознательно притягательную силу, а для него самого было такъ легко и естественно примѣняться ко всѣмъ отношеніямъ жизни, и на всѣхъ ея ступеняхъ сохранять достоинство правдиваго человѣка». „Письма покойнаго профессора Бобровскаго, говоритъ въ другомъ мѣстѣ Янковскій, мы храпимъ какъ святыню. Въ нихъ онъ весь, какъ человѣкъ. Благородная душа, безцѣнное сердце, неподдѣльная веселость и слогъ, какъ во всемъ, что выходило изъ его пера, золотой [9])."

---

[9]) Біографіи замѣчательнѣйшихъ дѣятелей по сохраненію русской народности между уніатами: I. Протоіерей Михаилъ Бобровскій. Холм. мѣсяц. на 1867 г., стр. 115. Мы обращались къ дочери протоіерея Янковскаго съ просьбою доставить намъ копіи съ имѣющихся у нея писемъ, но, къ сожалѣнію, она ихъ еще не розыскала, и гдѣ теперь эти письма—ей неизвѣстно.

IV.

Возсоединеніе съ православіемъ.

Спокойный уголъ въ Шерешевѣ.—Михаилъ Кирилловичъ слѣдитъ за реформами обрядовъ въ уніи.—Продолженіе переписки съ епископомъ Сѣмашкою и протопресвитеромъ Тупальскимъ.—Цѣль поѣздки Іосифа Сѣмашки по епархіи въ 1834 г.—Первыя подписки.—Объясненіе хода уніатскаго вопроса виленскому базиліанину Босяцкому 1835 г.—Критическое время въ уніи.—Графъ Остерманъ Толстой въ Шерешевѣ, поѣздка съ нимъ Бобровскаго въ Варшаву къ Паскевичу.—Поѣздки по епархіи съ епископомъ Антоніемъ.—Ревизія Бобровскимъ Любешовскаго благочинія 1837 г. и его отзывъ.—Поѣздки въ Жировицы.—Успѣшный ходъ подписки духовенства на возсоединеніе въ Литовской епархіи.—Отклоненіе вызова въ коллегію осенью 1837 г.—Письмо Сѣмашки.—Представленіе Бобровскаго въ званіе старшаго соборнаго протоіерея и отзывъ о немъ Сѣмашки 1838 г.—Послѣдній часъ пробилъ для уніи.—Сужденія Бобровскаго по поводу Полоцкаго акта возсоединенія 12 февраля 1839 г.—Участіе протоіерея Бобровскаго въ торжественномъ богослуженіи въ Вильнѣ 3 сентября 1839 г.

Жизнь въ деревнѣ и занятія приходскаго священника въ соединеніи съ заботами по хозяйству служили наградою трудолюбивому заслуженному профессору и доставили ему спокойный кусокъ хлѣба и нравственное удовлетвореніе. Ничего болѣе онъ не желалъ и ни къ чему болѣе не стремился. Въ обстановкѣ сельскаго уединенія онъ находилъ себѣ успокоеніе. Какимъ онъ представляется въ письмахъ къ своему другу И. Н. Даниловичу и епископу Сѣмашкѣ, такимъ и остался онъ во всѣхъ послѣдующихъ событіяхъ жизни, не соглашаясь на заманчивыя предложенія и оставаясь довольнымъ своей скромной участію сельскаго пастыря. Съ переселеніемъ въ м. Шерешево „заслуженный профессоръ университета и членъ корреспондентъ разныхъ заграничныхъ и отечественныхъ ученыхъ обществъ принимается за отписку номерной корреспонденціи; а знаменитый философъ оріенталистъ, знавшій, при томъ, въ совершенствѣ всѣ новѣйшіе языки Европы, начинаетъ аккуратно, по воскресеніямъ и праздникамъ, произносить поученія на народномъ (червонорусскомъ, или галицкомъ) нарѣчіи, именуемомъ съ нѣкотораго времени вовсе неправильно бѣлорусскимъ“. (Янковскій).

Въ сельской обстановкѣ и хозяйственныхъ хлопотахъ, въ за-

ботахъ о своей паствѣ, объ украшеніи церкви, о семьѣ своего больнаго брата, поселившагося въ деревнѣ Обрубѣ (предоставленной Михаилу Кирилловичу въ пожизненное пользованіе), незамѣтно для ученаго міра прошли послѣднія пятнадцать лѣтъ этого перваго труженика русской науки въ западной Россіи. Великимъ людямъ дана способность находить въ самомъ себѣ источникъ для счастія своего и своихъ окружающихъ. Бобровскій счастливъ былъ тѣмъ, что могъ и въ своемъ скромномъ положеніи благодѣтельствовать другимъ, а какъ ученый богословъ оріенталистъ быть полезнымъ духовному начальству и своимъ ученикамъ въ жгучемъ вопросѣ возсоединенія. Какъ пастырь, онъ оказывалъ духовной власти полное повиновеніе и для исполненія ея велѣній, случалось весьма щекотливыхъ и серіозныхъ, не отказывался отъ помощи, когда къ нему обращались за нею. Въ письмахъ къ духовнымъ особамъ, не одобрявшимъ реформы обрядовъ въ уніи, а тѣмъ болѣе стремленій къ возсоединенію, протоіерей Бобровскій старался внушать необходимость покоряться волѣ Божіей и дѣлать то, что велитъ совѣсть и долгъ вѣрноподданнаго. Общее благо онъ ставилъ выше всякихъ личныхъ интересовъ. Реформы обрядовъ въ странахъ католическихъ, напримѣръ въ Австріи, не могли поколебать унію, но у насъ, напротивъ, возстановленіе греческаго обряда, рано или поздно, должно было привести къ возсоединенію съ православіемъ.

Вчитываясь въ письма Михаила Кирилловича къ людямъ различныхъ партій и положеній, мы можемъ только до нѣкоторой степени открыть внутреннее міровоззрѣніе этого замѣчательнаго человѣка, одно слово котораго, казалось, могло бы создать въ это тревожное время большія затрудненія для достиженія цѣли, скрытой въ апрѣльскихъ указахъ 1828 года; но эта цѣль, какъ мы знаемъ, была ясна для Бобровскаго, и онъ съ покорностію волѣ Божіей шелъ на встрѣчу событій.

„Существованіе уніи въ Литвѣ или ея паденіе въ рукахъ Божіихъ. Нужно покоряться Божественному промыслу. Его пути не досягаемы. Бытъ и существованіе уніи зависитъ не отъ преобразованія обрядовъ, но отъ той цѣли, къ которой стремятся правительственныя реформы. Подписка на возсоединеніе, данная епископами, возвѣщаетъ, что уже пробилъ послѣдній часъ уніи. Дѣло священниковъ повиноваться своимъ пастырямъ, которымъ

верховная власть ввѣрила свое стадо. Если нужно, я готовъ служить своему архипастырю до послѣднихъ дней своей жизни, но при этомъ не желаю занимать въ іерархіи выдающагося положенія: для этой роли берите достойнѣйшихъ и способнѣйшихъ, я же ничего не желаю, кромѣ того, что мнѣ дано Высочайшею волею Государя. Нашъ мудрый Государь одинаково покровительствуетъ всѣмъ вѣроисповѣданіямъ и никого не принуждаетъ къ измѣненію своей вѣры, добровольный переходъ въ православіе вовсе не означаетъ нарушенія вѣротерпимости. Отвѣтъ Богу дадутъ только тѣ, которые принуждаютъ къ перемѣнѣ религій простыхъ людей или корыстными видами, или обѣщаніями, или подстрекательствами".

„Паденіе базиліанскаго ордена и угасаніе уніи не подлежатъ сомнѣнію. Кто причиною тому—узнаютъ наши потомки." „Убѣждены ли вы, что можете воскресить прежнюю славу вашего Св. Троицкаго виленскаго монастыря, который держался уніи и поддерживалъ унію. Если имѣете охоту заглядывать въ архивные свитки, покрытые плѣсенью, то раскопайте вашъ монастырскій архивъ и тамъ найдете матеріалы для рѣшенія занимающаго васъ вопроса." (Письмо къ базиліанину).

Въ другомъ письмѣ, по поводу закрытія базиліанскихъ монастырей, ученый уніатъ замѣчаетъ, что упраздненію вообще монастырей у насъ удивляться нечего: „во время путешествія за границею, въ самыхъ могущественныхъ государствахъ, я встрѣчалъ монастыри въ развалинахъ, которыя теперь служатъ только убѣжищемъ для совъ („Słyszałem jak sowy huczą").

„Что касается до меня, то я желалъ бы остаться до могилы въ той вѣрѣ, въ которой родился, но вмѣстѣ съ тѣмъ я желаю быть вѣрнымъ слугою своего монарха, котораго считаю самымъ лучшимъ отцемъ своихъ подданныхъ, насъ всѣхъ".

Таковъ общій смыслъ всей хранящейся у насъ и еще не опубликованной переписки М. К. Бобровскаго.

Протопресвитеръ Тунальскій, согласно желанію Сѣмашки и самого Бобровскаго, аккуратно доводилъ до свѣдѣнія Михаила Кирилловича о всѣхъ новостяхъ изъ столицы и всѣхъ предпріятіяхъ правительства. Сообщая съ своей стороны о болѣе важныхъ событіяхъ протоіерею Сосновскому, который перешелъ впослѣдствіи въ оппозицію, Бобровскій видимо желаетъ успокоить

своего стараго пріятеля тономъ убѣжденнаго, что „унія приходитъ къ концу“, что „послѣдній часъ уніи уже пробилъ“, что „уже все кончено“. Къ сожалѣнію, отношеніе къ событіямъ дня у Антонія Сосновскаго не имѣло того равновѣсія и той широты взгляда, той многосторонней критики, какія мы видимъ въ свѣтломъ умѣ отца Михаила Бобровскаго; поэтому о. Сосновскій, съ такою ревностію заботившійся о реформѣ обрядовъ церкви, остановился на полудорогѣ и запутался въ интригахъ противниковъ возсоединенія.

Покорность волѣ Божіей, промыслу Божію, провидѣнію—господствующій мотивъ въ отвѣтахъ Бобровскаго ученому базиліанину, вызывающему его на откровенность по вопросу о возсоединеніи уніатовъ съ православіемъ и дѣлающаго ему упреки. „Я сколько могъ отстаивалъ монашество, когда Брестскій капитулъ требовалъ упраздненія лучшихъ монастырей, но вы-то сами—въ состояніи ли вы удержать свой орденъ отъ паденія, а безъ монашества духовенство подобно трости, колеблемой вѣтромъ, склонится на одну или на другую сторону“.

Впечатлѣніе на читателя могло бы быть болѣе полнымъ, если бы мы имѣли всѣ тѣ письма къ профессору Бобровскому, на которыя написаны его отвѣты.

Передача полнаго содержанія чрезвычайно интересныхъ писемъ Бобровскаго къ епископу Сѣмашкѣ, протопресвитеру Тупальскому, игумену Св. Троицкаго монастыря Босяцкому, протоіерею Сосновскому въ настоящемъ краткомъ біографическомъ очеркѣ расширила бы до значительныхъ размѣровъ объемъ нашего труда. Но, не желая лишить читателя возможности ознакомиться съ отношеніями ученаго, весьма вліятельнаго въ клирѣ уніата, къ нѣкоторымъ явленіямъ—въ послѣдній періодъ существованія греко-уніатской церкви, мы въ подтвержденіе сказаннаго выше дѣлаемъ изъ недавно доставленнаго намъ сборника писемъ Михаила Кирилловича самыя существенныя извлеченія.

Спустя два мѣсяца по прибытіи въ м. Шерешево, 6-го января 1834 года, протоіерей Бобровскій написалъ два письма: одно протопресвитеру Тупальскому, другое епископу Сѣмашкѣ.—„Я получилъ письмо отъ епископа (Сѣмашки) съ увѣдомленіемъ о назначеніи мнѣ эмеритуры въ 750 руб. Въ письмѣ дѣлается намекъ, что епископъ будетъ радъ служить со мною для блага

клира. Эта добавка для меня какая-то министерская загадка. О происходящихъ перемѣнахъ епископъ предлагаетъ ожидать увѣдомленія изъ Жировицъ. За доставленіе же таковыхъ я вамъ буду благодаренъ. Надѣюсь самъ скоро быть въ Жировицахъ“ [1]).

Въ письмѣ къ епископу Сѣмашкѣ, выразивъ радость по случаю назначенія новыхъ епископовъ (Василія Лужинскаго, Антонія Зубки и Іосафата Жарскаго), чѣмъ умножается наша небольшая іерархія, Бобровскій благодаритъ за его содѣйствіе о назначеніи ему эмеритуры. „Мнѣ извѣстны были препятствія, которыя нужно было преодолѣть въ двухъ министерствахъ; въ министерствѣ народнаго просвѣщенія моимъ ходатаемъ былъ князь Долгоруковъ (виленскій военный губернаторъ), но въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, отъ котораго больше зависѣлъ исходъ моего дѣла, я никого не имѣлъ, кто могъ бы оправдать прежнія мои прегрѣшенія—прости Господи автору ихъ Пеликану,—кромѣ вашего преосвященства, за что готовъ платить вамъ вѣчною благодарностью и готовъ служить клиру при своемъ владыкѣ, заботящемся о его благѣ“ [2]).

Въ февралѣ мѣсяцѣ 1834 года собравшіеся въ столицѣ греко-уніатскіе епископы составили постановленіе о введеніи въ богослуженіи уніатовъ церковно-славянскихъ книгъ московской печати и выработали извѣстнаго рода программу, относительно очищенія обрядовъ и обычаевъ, измѣненныхъ въ русской церкви, вслѣдствіе вліянія латинизаторовъ, преимущественно базиліанъ. Наблюденіе за приведеніемъ въ исполненіе предположеній, клонившихся къ возсоединенію уніи съ православіемъ, возлагалось въ литовской епархіи на епископа Іосифа Сѣмашку, а въ Бѣлоруссіи на викарнаго епископа (Оршанскаго) Василія Лужинскаго [3]).

---

[1]) Сборникъ писемъ Михаила Кирилловича Бобровскаго съ 1830 по 1847 годъ. Л. 29.

[2]) «I zato wdzięcznością się wypłacać będę do ostatniego tchu życia mojego, a mając za czem będzie mi z zaszczytem służyć klerowi przy boku starającego się o dobro swoich Pasterza». Тамъ же, л. 29 об.

[3]) Зап[illegible] митрополита Іосифа, т. I, стр. 79, прил. № 55, стр. 663, 664. — «По уніатскимъ церквамъ употребляются богослужебныя книги множества изданій, тѣмъ болѣе между собою разнствующихъ, чѣмъ они позднѣе. Важнѣйшій недостатокъ этихъ книгъ—небрежность въ отношеніи обрядовъ

У М. К. Бобровскаго, на поляхъ письма къ Іосифу Сѣмашкѣ (отъ 16-го октября 1834 года), записано слѣдующее: „Епископу Іосифу Сѣмашкѣ назначено 1000 руб. сер. изъ суммы, опредѣленной на будущую полоцкую академію, для обозрѣнія своей епархіи съ цѣлью введенія обрядовъ восточной церкви. Обозрѣніе свое онъ началъ въ іюлѣ. 2-го іюля былъ въ Пружанѣ (14 в. отъ Шерешева), 3-го въ Кобрынѣ, далѣе на Волыни. 3-го августа въ Высоко-Литовскѣ, 4-го въ Клещеляхъ, 5-го въ Бѣльскѣ, 6-го въ Супрасли, потомъ въ Гроднѣ, въ первыхъ числахъ сентября навѣстилъ благочинія Лидскаго и Новогрудскаго уѣздовъ. Вездѣ присутствовалъ при отправленіи литургіи, исправлялъ сдѣланныя въ ней измѣненія, поручалъ священникамъ держаться уставовъ восточной церкви, чтобы бросили обряды латинниковъ, органы, колокольчики, присѣданіе на колѣнахъ (przyklękanie), чтобы для ознакомленія съ церковными уставами обращались въ Жировицы, чтобы согласно восточной церкви устроили иконостасы, ризы и церковные сосуды, чтобы посылали своихъ сыновей въ духовныя училища: Жировицкое, Кобрынское и Супрасльское. Благочиннымъ поручалъ наблюдать за приведеніемъ въ исполненіе этихъ и имъ подобныхъ распоряженій или изъ коллегіи присланныхъ, или имъ данныхъ“ [4]).

Въ началѣ сентября Іосифъ Сѣмашко возвратился со своей поѣздки въ Жировицы и пожелалъ видѣться съ протоіереемъ М. Бобровскимъ. Но болѣзнь глазъ воспрепятствовала послѣднему удовлетворить желанію епископа. Отвѣчая съ соболѣзнованіемъ Сѣмашкѣ, Михаилъ Кирилловичъ не теряетъ надежды видѣть своего пастыря будущею весною. „Я буду счастливъ, если мнѣ Богъ позволитъ видѣться съ своимъ пастыремъ, вмѣстѣ съ другими, стремящимися привести къ единству вѣры нашихъ предковъ и къ миру во Христѣ [5])“.

богослуженія. Величественные и прекрасные обряды греко-восточнаго богослуженія по большей части оставлены, внутреннее устройство церкви и самыхъ священныхъ облаченій и церковной утвари измѣнено, выведены изъ употребленія нѣкоторыя церковныя моленія». Сличи это мѣсто съ письмомъ Бобровскаго къ Тупальскому въ январѣ 1830 г. по поводу богослужебныхъ книгъ.

[4]) Сборникъ писемъ М. К. Бобровскаго, л. 30. Сравни въ «Запискахъ митрополита Іосифа», т. I, стр. 664.

[5]) Сборн. писем., л. 30. — Письмо къ епископу І. Сѣмашкѣ 16-го сентября 1834 г. изъ Шерешева. Въ концѣ приписка: «Посылаю вашему преосвященству

Но Сѣмашко не пріѣхалъ въ Жировицы ни въ 1835, ни 1836 годахъ. Многія обстоятельства были тому причиною.

Съ прошедшаго 1833 года начались подписки на возсоединеніе: первыми подписались епископы: Сѣмашко, Лужинскій, Зубко и Жарскій (послѣдній, не смотря на то, что принадлежалъ базиліанскому ордену). Затѣмъ, во время лѣтней поѣздки 1834 г. для ревизіи полоцкой семинаріи и выше памѣченнаго объѣзда литовской епархіи, Сѣмашкѣ удалось получить еще подписки, но не болѣе какъ отъ десяти лицъ: отъ засѣдателя коллегіи В. Маркевича, предсѣдателя Литовской консисторіи А. Тупальскаго, вице-предсѣдателей обѣихъ консисторій, М. Голубовича и Конюшевскаго, ректоровъ жировицкой и полоцкой семинаріи, И. Гомолицкаго и М. Шеленина, и еще отъ четырехъ. Подписавшіеся на возсоединеніе занимали извѣстные посты и были большею частію воспитанниками главной духовной семинаріи; согласіе свое на подписку шесть духовныхъ особъ, изъ 10, обусловливали общимъ возсоединеніемъ всѣхъ уніатовъ, по примѣру своего епархіальнаго начальства, „которому, по словамъ св. Писанія, должно повиноваться“, и дозволеніемъ оставаться безъ бороды и въ нынѣшнемъ платьѣ. Въ числѣ подписавшихся былъ только одинъ благочинный (Дорогичинскій) Горбацевичъ, занимавшій тогда мѣсто засѣдателя консисторіи.

Такой результатъ нельзя было назвать успѣшнымъ и это обстоятельство, какъ увидимъ, имѣло не совсѣмъ хорошія послѣдствія, особенно въ бѣлорусской епархіи.

Слухи о подпискѣ, данной епископами и только нѣкоторыми изъ духовныхъ должностныхъ лицъ въ 1834 г., не могли оставаться тайною въ епархіяхъ. Настоятель виленскаго Св.-Троицкаго базиліанскаго монастыря Викторъ Босяцкій въ письмѣ къ Михаилу Кирилловичу отвѣтственность за паденіе русской уніатской церкви приписывалъ бѣлому духовенству и призывалъ оное къ покаянію. Такое обвиненіе не понравилось шерешевскому отшельнику. Бобровскій послалъ къ Босяцкому отъ 21 января 1835 г. (№ 3) длинное посланіе. Въ виду большой важности этого документа мы должны познакомить читателя съ содержа-

---

послѣднюю мою виленскую работу, изд. въ 1834 г. подъ заглавіемъ: «Katechizm większy» (Катехизисъ бо́льшій) въ такомъ переплетѣ, какой можно было сдѣлать въ Шерешевѣ».

ніемъ отвѣта Бобровскаго нѣсколько подробнѣе. Кромѣ историческаго интереса, его посланіе къ монаху базиліанину объясняетъ взглядъ перваго на близившійся къ разрѣшенію вопросъ о возсоединеніи и его личное отношеніе къ этому вопросу.

Свое посланіе протоіерей Бобровскій начинаетъ обращеніемъ къ настоятелю въ такихъ выраженіяхъ, какія употребляли „наши предки“ во всѣхъ важныхъ дѣлахъ:

„Преподобному отцу Босяцкому отецъ Михаилъ Кирилловичъ желаетъ здравія“.

„Наклоненіе къ упадку базиліанскаго ордена и самой уніи, преподобный отецъ, кажется, приписываешь дѣйствіямъ свѣтскаго клира греко-уніатской церкви, между которыми и меня считаешь, такъ какъ въ своемъ письмѣ ко мнѣ, упомянувъ о нынѣшней реформѣ обрядовъ нашей церкви. восклицаешь тономъ, взывающимъ къ покаянію: „Uderzcie się w piersi za wasze robotki“ (что значитъ: „ударьте себя по груди за ваши дѣлишки“).

„Это несправедливо. Когда дѣло шло о секуляризаціи самыхъ значительныхъ монастырей, виленскаго и жировицкаго, и объ обращеніи въ приходскія церкви мелкихъ монастырей, я совѣтовалъ, насколько могъ, оффиціалу Тупальскому щадить орденъ базиліанскій, какъ единственную опору уніи, съ паденіемъ или ослабленіемъ котораго клиръ не въ состояніи будетъ остаться при уніи: „разсыпанный мелкими семьями и приниженный нищетою, онъ, подобно трости, колеблемой вѣтромъ, склонится на ту или другую сторону“. Мнѣ извѣстны, однако, настоятельныя дѣйствія, особенно предсѣдателя капитула Яновскаго и бывшаго оффиціала Сосновскаго, подавшихъ представленія въ столицу о возвращеніи захваченныхъ базиліанами фундушей, съ цѣлію устройства брестской каѳедры, епархіальной семинаріи, брестскаго капитула и проч. Я даже читалъ нѣкоторые изъ этихъ отзывовъ, но эти отзывы, по своему положенію, я не подписывалъ.

„Въ Жировицахъ, въ качествѣ вице-предсѣдателя консисторіи, я былъ приглашенъ (январь 1826 г.) для рѣшенія спора между клиромъ и орденомъ, относительно фундушей семинаріи: покойный Каминскій упорно отстаивалъ неприкосновенность фундушей своего ордена. Тѣмъ дѣло и кончилось. Были отзывы въ столицу отъ Сосновскаго о неудобствахъ соединенія уніатовъ съ латынянами въ главной семинаріи, отъ чего семинаристы-уніаты

пріобрѣтаютъ наклонность къ латинскимъ обрядамъ и такимъ способомъ латинизируютъ и отмѣняютъ греческіе обряды, которые уже давно искажены латинниками и которые поэтому должно исправить, возвратясь къ обрядамъ, сохраняемымъ въ греко-восточной церкви".

„Вопросы эти разрѣшились: сначала отдѣленіемъ греко-уніатскихъ клириковъ отъ латинскихъ, потомъ прекращеніемъ пріема ихъ въ главную семинарію, проектомъ устройства полоцкой академіи, а для образованія дѣтей священниковъ для духовнаго или свѣтскаго состоянія устроены семинаріи жировицкая и полоцкая и духовныя училища въ Кобрынѣ, Супрасли, Борунѣ и т. п. Къ чему стремится жировицкая семинарія—можно видѣть изъ рѣчи ея инспектора Фердинанда Гомолицкаго, напечатанной въ Гроднѣ въ 1834 г. Хотя къ секуляризаціи базиліанскихъ монастырей и къ реформѣ обрядовъ церкви привели недоразумѣнія и споры между орденомъ и свѣтскимъ клиромъ, но эти обстоятельства могутъ служить только предлогомъ къ кореннымъ перемѣнамъ, истинныхъ же причинъ мы не знаемъ и знать намъ объ этомъ не годится. Пусть же сами латинники скажутъ, почему закрываютъ ихъ монастыри? уменьшаютъ ихъ приходы? Почему намъ, греко-уніатамъ, воспрещается совмѣстная служба съ католиками? Все это дѣло промысла Божія. Его пути не досягаемы. Только наши потомки объ этомъ узнаютъ. Существованіе уніи и ея паденіе въ рукахъ Божіихъ. Быть и существованіе ея зависитъ не отъ реформы обрядовъ, но отъ тѣхъ цѣлей, къ которымъ стремится реформа"....

Разсказавъ исторію упадка уніи со временъ Лисовскаго и до настоящаго времени (1835 г.), когда теперь дѣло сближенія ея съ греко-россійской церковью подвигается гигантскими шагами, и упомянувъ объ отзывѣ холмскаго епископа, который не соглашается на предложеніе — о совмѣстномъ дѣйствіи съ русскими уніатами въ Литвѣ, Бобровскій заключаетъ: „если справедливо, что наши епископы, не исключая Жарскаго, дали подписки на присоединеніе къ православію — то уже настaлъ конецъ уніи въ Литвѣ—„to juz po unji w Litwie".

Въ заключеніе, упомянувъ о вѣротерпимости государя, не принуждающаго мѣнять свою религію, и осудивъ принужденіе народа къ перемѣнѣ религіи разными льстивыми обѣщаніями—

чѣмъ нарушается общественное спокойствіе—Михаилъ Кирилловичъ такъ заканчиваетъ свое посланіе: „Тебѣ ввѣренъ Свято-Троицкій монастырь, который постоянно держался уніи и удерживалъ унію, и тебѣ, какъ настоятелю, слѣдуетъ поступать по своему убѣжденію: защищай—если можешь спасти славу своего ордена. Однако, ты сдѣлалъ бы большую услугу, если бы собралъ матеріалы, относящіеся къ дѣламъ падающаго своего ордена и угасающей церкви уніатской. Имѣешь подъ рукою архивъ и можешь обо всемъ знать лучше всякаго другаго; при хозяйскихъ хлопотахъ это будетъ служить развлеченіемъ для любящаго заглядывать въ архивные свитки, покрытые плѣсенію. Пишу тебѣ откровенно, сохрани все для себя, потому что можетъ быть нѣкоторыя вещи преждевременно вырвались изъ-подъ моего пера“ [6]).

Опасенія Михаила Кирилловича о распространеніи волненія въ народѣ и духовенствѣ, по поводу распространенныхъ слуховъ и частныхъ обращеній уніатовъ въ православіе (при чемъ не обходилось безъ насилій), особенно въ мѣстахъ, прилегавшихъ къ православнымъ епархіямъ, къ сожалѣнію, оказались справедливыми. Помѣщики и латинскіе священники, особенно монахи, раздражали народное спокойствіе. Въ народѣ они распускали смутные толки. Въ эту интригу вовлекались нѣкоторые уніатскіе священники; къ числу ихъ принадлежали даже протоіереи, какъ, напримѣръ, А. Сосновскій. Онъ полагалъ, конечно, ошибочно, что съ паденіемъ базиліанскаго ордена унія все-таки можетъ существовать, и сталъ возбуждать духовенство бѣлостоцкой области къ противодѣйствію.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ прихожане уніаты крестили новорожденныхъ въ римскую вѣру, чтобы таковые не были православными. Толки о насильномъ обращеніи уніатовъ доходили до столицы и возбуждали колебанія въ дѣйствіяхъ и распоряженіяхъ высшихъ правительственныхъ органовъ. Самъ Іосифъ Сѣмашко, чувствуя неустойчивость положенія уніатскаго вопроса, готовился принять православіе и, лѣтомъ 1836 года, уполномочилъ

---

[6]) Сборникъ писемъ Бобровскаго, л. 31, 32. Письмо 21 января 1835 года изъ Шерешева: Превелебному отцу Виктору Босяцкому, настоятелю Св.-Троицкаго базиліанскаго монастыря.

своего викарнаго епископа Антонія Зубку дѣйствовать въ литовской епархіи по своему усмотрѣнію.

Время съ 1835 года было крайне тягостнымъ для протоіерея Бобровскаго, который лично желалъ оставаться греко-уніатомъ, хотя паденіе уніи считалъ неизбѣжнымъ; рѣшеніе, принятое въ Жировицахъ нѣкоторыми его друзьями, его учениками, казалось ему преждевременнымъ и, главное, неосторожно оглашеннымъ. По своему авторитету профессора и по тому глубокому уваженію, которымъ онъ повсемѣстно пользовался, Бобровскій, однако, не могъ не сознавать, что ему нельзя долѣе остаться совершенно въ сторонѣ отъ дѣла, такъ близко касавшагося интересовъ всего духовенства и спокойствія сотней тысячъ народа. Обстоятельства оказались сильнѣе его доброй воли. Жировицкій кружокъ, имъ навѣщаемый и такъ имъ любимый, и посѣщавшіе шерешевское его уединеніе ученики его должны были вызвать въ почтенномъ профессорѣ рѣшимость обнаружить болѣе твердо свой образъ мыслей. Его согласіе на подписку несомнѣнно должно было привлечь сотни колебавшихся священниковъ. Дѣло становилось весьма серіознымъ.

Въ дальнѣйшемъ разсказѣ мы будемъ слѣдовать письмамъ и фактамъ, не подлежащимъ сомнѣнію, чтобы объяснить поводы къ принятому протоіереемъ Бобровскимъ рѣшенію въ зиму съ 1836 по 1837 годъ.

Въ ноябрѣ 1835 г. Михаилъ Кирилловичъ, совершенно неожиданно, получилъ письмо отъ графа Остермана-Толстаго, который жилъ въ своемъ имѣніи Остермановкѣ, Рогачевскаго уѣзда, Могилевской губ. Графъ Остерманъ приглашалъ Бобровскаго проѣхаться вмѣстѣ съ нимъ въ Варшаву, чтобы навѣстить намѣстника Царства Польскаго графа Паскевича. Бобровскій отвѣчалъ: „Въ своей жизни я ничего не имѣлъ болѣе желаннаго, какъ получить отъ васъ письмо съ выраженіемъ теплаго участія“.

Далѣе Михаилъ Кирилловичъ поздравляетъ графа Остермана съ высочайше пожалованнымъ орденомъ св. Андрея Первозваннаго, говоритъ, что самъ собирался писать къ нему ранѣе и изъявляетъ готовность исполнить что ему будетъ угодно и сопровождать его въ Варшаву.

„Не богатъ мой домикъ, но какъ я счастливъ тѣмъ, что вы желаете навѣстить въ немъ слугу своего. Съ живѣшимъ нетер-

нѣніемъ буду ожидать этой минуты, драгоцѣнной для моего благодарнаго сердца“:

Въ тотъ же день Бобровскій написалъ письмо къ Іосифу Сѣмашкѣ, о разрѣшеніи ему отпуска, съ передачею, на время отсутствія, управленія приходомъ викарному свящ. М. Савинскому, человѣку испытанному.

„Извѣстный своимъ самоотверженіемъ подъ Кульмомъ генералъ Остерманъ Толстой приглашаетъ меня сопутствовать ему въ декабрѣ мѣсяцѣ въ Варшаву, для засвидѣтельствованія своего почтенія князю Варшавскому, и выражаетъ намѣреніе проѣздомъ остановиться на ночлегъ въ моемъ шерешевскомъ домикѣ. Отсюда онъ меня возьметъ съ собою. Помня исключительное вниманіе этого героя, когда я сопутствовалъ ему изъ Рима въ Неаполь, и его высокое покровительство, благодаря которому я возвращенъ былъ къ обязанностямъ профессорскимъ (1825—1826 гг.), я не могъ не согласиться на его предложеніе, съ тѣмъ, однако, условіемъ, если получу на то разрѣшеніе моего духовнаго начальства“ и проч. [7]).

Имѣло ли путешествіе Бобровскаго съ Остерманомъ-Толстымъ къ графу Паскевичу какое-либо отношеніе къ движенію части уніатскаго духовенства въ холмской епархіи—сказать не можемъ, но должны замѣтить, что въ польскомъ греко-уніатскомъ духовенствѣ вовсе не было той подготовки къ реформамъ въ церкви съ цѣлью возстановленія чистоты греческихъ обрядовъ, какую получила исподволь извѣстная часть духовенства въ русской уніи вслѣдствіе борьбы съ базиліанами. Благодаря такой подготовкѣ, особенно благодаря условіямъ образованія въ главной духовной семинаріи, въ литовской Руси могло совершиться спокойно преобразованіе въ обрядахъ, подготовившее пути къ воссоединенію. Въ необходимости реформъ съ цѣлію возстановленія чистоты греческаго обряда были убѣждены наиболѣе просвѣщенные изъ уніатовъ, особенно же бывшіе воспитанники главной семинаріи; массу необразованнаго духовенства необходимо было, однако, убѣдить, что реформы обрядовъ не одно и то-же, что воссоединеніе съ православіемъ и что, напротивъ, сохраненіе ла-

[7]) Сборникъ писемъ, л. 33, 34. Письма изъ Шерешева 15 ноября 1835 года графу Остерману-Толстому и епископу Сѣмашкѣ.

тинскихъ обрядовъ въ уніи только искажаетъ смыслъ греко-уніатской церкви, какъ церкви греко-славянской, устроенной въ IX ст. Епископъ Антоній Зубко, жившій въ Жировицахъ, въ этомъ центрѣ интеллигенціи греко-уніатской церкви того времени, съ ревностію глубоко убѣжденнаго о преимуществахъ греческихъ обрядовъ передъ латинскими, совершалъ многократныя поѣздки по литовской епархіи, съ цѣлію объясненія таковыхъ и для указанія, что они происходятъ преемственно отъ древней апостольской церкви. Но случалось, что и ему не подъ силу было бороться съ предубѣжденіемъ упорствовавшихъ скептиковъ. Въ такихъ случаяхъ епископу приходилось обращаться за содѣйствіемъ къ ученому слависту. „При объѣздѣ моемъ нѣкоторыхъ уѣздовъ, говоритъ Антоній Зубко, я бралъ съ собою знаменитаго въ то время протоіерея Михаила Бобровскаго, бывшаго профессора виленскаго университета. Изъ Рима рапортовалъ онъ объ упадкѣ просвѣщенія въ папской области и о господствующемъ тамъ фанатизмѣ. Мнѣ разсказывали ученики Бобровскаго, что онъ публично въ аудиторіи, когда одинъ изъ учениковъ назвалъ грекороссійскую церковь схизматическою, отозвался: „они ли, или мы схизматики, объ этомъ Богу, а не намъ, судить“. Впрочемъ, по многостороннему образованію и добродушію, онъ былъ уважаемъ и просвѣщенною польскою публикою. Уважало его и гордилось имъ, какъ своимъ, и бѣлое греко-уніатское духовенство. Бобровскій, при разъѣздахъ со мною, подтверждалъ своимъ авторитетомъ мое ученіе и руководилъ священниковъ въ практическомъ исполненіи греческихъ обрядовъ“ [8]).

Но къ содѣйствію протоіерея Бобровскаго приходилось прибѣгать и въ болѣе важныхъ случаяхъ. Въ концѣ 1836 года ему поручено было произвести ревизію Любешовскаго благочинія (Пинскаго уѣзда) для его усмиренія и введенія порядка въ отправленіи богослуженія по греческому обряду, а также для устраненія какихъ-то злоупотребленій. Въ концѣ февраля мѣсяца 1837 года протопресвитеръ Тупальскій писалъ Бобровскому слѣдующее: „Вѣроятно, ваша ревизія церквей приходитъ къ окончанію, необходимо вмѣстѣ съ Любешовскимъ благочиннымъ

[8]) Антоній Зубко. О греко-уніатской церкви въ западномъ краѣ, «Русск. Вѣстн.» 1861 г., стр. 330, 331.

составить списокъ церквей всего благочинія и раздѣлить оное на три или четыре округа, назначивъ въ каждомъ вице-благочиннаго, изъ числа достойнѣйшихъ священниковъ. Мнѣ кажется, что должно было обнаружиться много безпорядковъ, какъ то: не употребляется 5 просфоръ въ проскомидіи; богослуженіе отправляется по старымъ служебникамъ въ прежнихъ короткихъ ризахъ; послѣ возгласа „вонмемъ! святая святыхъ“ не вливаютъ въ вино теплоты; не закрываютъ царскихъ вратъ, согласно описанію въ служебникѣ; служатъ литургію читанную и не соблюдаютъ на выходахъ кажденія; причастіе даютъ по прежнему, а не въ царскихъ вратахъ; послѣ „со страхомъ Божіимъ“ вытираютъ чашу въ алтарѣ, а не у жертвенника и т. д. Но, какъ слышно, за эти отступленія хорошо платятъ благочинному; церкви большею частію запущены; благочинный, будучи самъ вотчиннымъ владѣльцемъ, допускаетъ всѣ эти послабленія, за что и пользуется благодѣяніями помѣщиковъ“. Въ заключеніе Тупальскій извѣщаетъ Бобровскаго, что именнымъ указомъ уніаты подчинены оберъ-прокурору св. Синода, которымъ назначенъ графъ Протасовъ, знакомый ему по Жировицамъ, и проситъ Михаила Кирилловича прибыть въ Жировицы для различныхъ объясненій послѣ такой важной ревизіи, иначе придется его безпокоить перепискою.

Письмо предсѣдателя консисторіи Тупальскаго (отъ 27-го февраля) не захватило Бобровскаго въ Гнѣвчицахъ и доставлено благочиннымъ Олешкевичемъ въ Шерешево. Въ своемъ отвѣтѣ (18-го марта) Михаилъ Кирилловичъ сожалѣетъ, что несвоевременное полученіе имъ письма лишило его возможности заѣхать въ Жировицы, чтобы удовлетворить любопытству господъ (panow). „Кто это такія удивительныя вещи разбарабанилъ о Любешевскомъ благочиніи? я же въ немъ нашелъ соблюденіе всѣхъ консисторскихъ указовъ, относящихся къ реформѣ нашихъ обрядовъ; напротивъ, священники тамъ болѣе склонны къ нимъ, чѣмъ гдѣ бы то ни было, чѣмъ даже въ нашемъ Пружанскомъ благочиніи. Правда, они не дѣлаютъ только одного: не вливаютъ теплой воды (теплоты) въ чашу передъ употребленіемъ евхаристіи, но и въ каоедрѣ Жировицкой этого не дѣлали, когда я былъ у васъ осенью; вливаніе теплоты въ чашу съ виномъ введено еще не давно, о чемъ не только не

было указа, но такой обычай не существуетъ въ древнихъ греческихъ служебникахъ, а введенъ на литургіи въ холодномъ климатѣ, чтобы распустить замерзшее вино въ чашѣ. При введеніи реформъ нашихъ обрядовъ начали требовать такихъ мелочей, какихъ нѣтъ у самихъ православныхъ. Мнѣ разсказывали въ Пинскѣ, что епископъ Антоній Зубко, будучи тамъ проѣздомъ изъ Тороканъ на ревизію церквей Слуцкаго благочинія (въ январѣ сего года), замѣтилъ на престолѣ въ церкви Пинскаго православнаго монастыря чашу (puszka), а не кивотъ. На его указаніе архимандриту объ отступленіи, не согласномъ съ обрядами восточной церкви, получилъ отвѣтъ, что это вполнѣ прилично. Точно также архимандритъ нашелъ, что старый нашъ (греко-уніатскій) служебникъ вполнѣ согласенъ съ порядкомъ службы (здѣсь все на ряду). „Надлежало бы желать, чтобы и у насъ (православныхъ) издавались подобные служебники, тогда не падобно было бы во время литургіи переворачивать нѣсколько книгъ» Tibi solo.

Въ заключеніе своего посланія Бобровскій энергично защищаетъ благочиннаго Олешкевича. «Распорядительностію и осторожностію въ своихъ требованіяхъ онъ достигъ того, что всѣ священники его благочинія приняли рѣшительно все то, чего желало начальство, и онъ ни одного не скомпрометировалъ, подобно другимъ благочиннымъ, поступавшимъ неосторожно, съ горячностію и поспѣшностію. Ни одинъ священникъ не заявилъ мнѣ жалобы на него о взяточничествѣ. Въ прежнія времена, пожалуй, водилось, что священники давали подарочки даже и ревизующимъ. Теперь же бѣдные священники сами должны пахать и косить сѣно.... Ктиторы, лишившись своего права, не даютъ имъ теперь даже работниковъ» [9]).

Ученый богословъ-оріенталистъ не рѣдко навѣщалъ своихъ друзей учениковъ въ Жировицахъ [10]). Здѣсь онъ былъ всегда желаннымъ гостемъ и всѣ, начиная отъ епископовъ, постоянно или временно здѣсь жившихъ, и до послѣдняго учителя семинаріи, оказывали протоіерею Бобровскому знаки особеннаго

---

[9]) Сборникъ писемъ М. К. Бобровскаго, л. 36, 37.—Письмо Тупальскаго (подлинное) 27-го февраля 1837 г. Письмо Бобровскаго, 18-го марта 1837 г.

[10]) Отъ Шерешева въ 80 верстахъ.

вниманія и почтенія. Епископъ Зубко и протопресвитеръ Тупальскій, „патріархъ жировицкой семьи“, дорожили его независимымъ, спокойнымъ, возвышеннымъ взглядомъ на вещи. Его прямой и устойчивый характеръ, при благородствѣ его души и чувствительномъ сердцѣ, ставилъ его внѣ сферы интригъ. „Какъ человѣкъ, Бобровскій стоитъ выше всякихъ похвалъ. Прекрасная, благородная душа, преданное, чувствительное сердце, прямой и устойчивый характеръ [11])“.

Не было ни одного важнаго событія въ Жировицахъ, о которомъ не посылалась бы вѣсточка къ Шерешевскому отшельнику. Онъ присутствовалъ на экзаменахъ въ семинаріи, на совѣщаніяхъ, имѣвшихъ какое-либо отношеніе къ уніатскому вопросу, какъ равно на разнаго рода семейныхъ торжествахъ. Особенною благосклонностью заслуженый профессоръ пользовался въ семействѣ Тупальскаго [12]).

Извѣстный между уніатами литераторъ Плакидъ Янковскій, въ одномъ изъ своихъ сочиненій подъ заглавіемъ: „Krynicy“ (Жировицы), описывая бытъ и занятія „жировицкой семьи“, посвятилъ нѣсколько страницъ М. Бобровскому, представляя его душою жировицкаго общества. Люди, имѣвшіе близкое отношеніе къ реформамъ обрядовъ греко-уніатской церкви въ обширной литовской епархіи, предшествовавшихъ возсоединенію, дорожили спокойнымъ, но никогда не лишеннымъ критики, взглядомъ на дѣло греко-уніатской церкви. Поэтому и мнѣнія Бобровскаго во многихъ отношеніяхъ становились руководящими, а его дѣйствія всегда согласовались съ требованіями общаго блага.

Дочь Янковскаго, Ѳеофила Васильева, передаетъ, между прочимъ, слѣдующую интересную характеристику профессора, относящуюся къ посѣщенію имъ Жировицъ.

„Имя вашего достойнаго дяди и онъ самъ хорошо мнѣ знакомы; въ послѣдній разъ я его видѣла въ 1844 г. Наружность

[11]) Изъ «воспоминаній», писанныхъ въ 1836 году. Отрывокъ изъ рукописи сообщенъ дочерью Янковскаго Ѳеофилой Васильевой, живущею въ городѣ Варшавѣ. П. Б.

[12]) Къ намъ дошла слѣдующая собственноручная записка Михаила Кирилловича, въ видѣ билетика (переводъ): «Профессоръ эмеритъ Бобровскій имѣетъ честь просить профессора Янковскаго на обѣдъ, въ домъ супруги оффиціала въ 12 часовъ дня, 25 января 1834 г.». П. Б.

его отчетливо запечатлѣлась въ моей памяти: маленькаго роста, полненькій, со свѣжимъ цвѣтомъ лица, съ привѣтливой улыбкой на устахъ, подвижный и веселый. Мы, дѣти, гурьбою бѣгали за нимъ, это былъ нашъ общій любимецъ; мы, бывало, тянули жребій, которому изъ насъ достанется честь отгонять мухъ вѣточкой во время его послѣобѣденнаго сна; на мою долю чаще другихъ приходилось просиживать съ вѣточкой надъ обожаемымъ нашимъ другомъ, такъ какъ онъ, изучивъ насъ, находилъ меня менѣе другихъ шаловливою. Конечно, мы успѣвали и надоѣдать ему порядкомъ, такъ что не разъ приходилось ему спасаться отъ насъ разными хитростями. Не помню гдѣ отецъ мой упоминаетъ о слѣдующемъ случаѣ: проходили мы съ нашимъ дорогимъ другомъ около церкви, вдругъ онъ становится плечами къ церковнымъ дверямъ, простираетъ руки и кричитъ: „убѣгайте, дѣти, домой, церковь рушится“! Мы стремглавъ разбѣжались, онъ же въ это время скрылся отъ насъ, послѣ же со смѣхомъ упрекалъ насъ, говоря: „то-то, друзья! оставили меня одного подъ развалинами церкви и даже не оглянулись“.

Съ 1837 года дѣло возсоединенія приближалось къ развязкѣ. Необходимо было для общаго блага и спокойствія побудить высказаться заслужепаго профессора, мнѣніе котораго имѣло такой вѣсъ для духовенства. Вотъ что пишетъ по этому поводу Янковскій:

„Съ понятною деликатностью къ исключительному положенію и характеру профессора Бобровскаго, поручено было протопресвитеру Тупальскому, пользовавшемуся давнею дружбою и уваженіемъ Бобровскаго, сообщить ему о вполнѣ уже тогда созрѣвшей мысли возсоединенія“.

„Опытный протопресвитеръ повелъ было рѣчь издалека“.

— „Вы столько разъ бывали въ Римѣ и даже тамъ долго проживали, скажите же намъ, профессоръ, правда ли: что въ Римѣ есть и монополія спасенія“?

— „Не могу вамъ доложить—отвѣчалъ Бобровскій—такъ какъ на этой сдѣлкѣ, если она и существуетъ, нѣтъ моего рукоприкладства (ja się do tego nie pisałem“).

„Далѣе того разговоръ уже не заходилъ“ [13]).

---

[13]) Холм. мѣс. на 1867 г., стр. 116.

Въ спискѣ 114 духовныхъ лицъ литовской греко-уніатской епархіи, которыя по своимъ способностямъ и нравственному достоинству составляли „самое чело греко-уніатскаго духовенства“, и обязались подписками споспѣшествовать благому дѣлу соединенія уніатовъ съ православною церковью“, подъ № 10 значится: „профессоръ эмеритъ бывшаго виленскаго университета, младшій соборный протоіерей Михаилъ Бобровскій“ [14]).

Еще ранѣе представленія списка подписавшихся на содѣйствіе къ возсоединенію, епископъ Сѣмашко предложилъ протоіерею Бобровскому занять мѣсто въ коллегіи. „На пастырское предложеніе (отвѣчалъ онъ въ сентябрѣ 1837 г.), осмѣливаюсь доложить, что я не чувствую склонности измѣнить мою спокойную жизнь на хлопотливую, не только ради исполненія іерархическихъ обязанностей, къ которымъ не имѣю ни склонности, ни способности, но и ради письменныхъ занятій, которыя, въ столицѣ могущественнаго государства, требуютъ навыка и ловкости. Если же по вашему представленію меня вызовутъ въ греко-уніатскую коллегію, то я просилъ бы вмѣстѣ съ вызовомъ меня сохранить мое право на полученіе пенсіи независимо отъ жалованья засѣдателя, а также чтобы я могъ бы выѣхать въ Петербургъ около новаго года, когда установится путь и устроятся мои семейныя дѣла. Дѣлаю эту жертву на опредѣленный лишь срокъ, Богъ дастъ короткій, не ради блеска достоинствъ, потому что ничего такъ не желаю, какъ жить въ спокойномъ уголку, но для удовлетворенія желанія вашего преосвященства“.

По этому поводу вотъ что писалъ Бобровскому Іосифъ Сѣмашко (буквально въ переводѣ): „Итакъ, самое горячее мое желаніе, чтобы мы могли вмѣстѣ пожить и послужить, хотя нѣкоторое время (niejaki czasik), теперь исполниться не можетъ. Два раза я говорилъ уже оберъ-прокурору относительно вашей эмеритуры—онъ признаетъ совершенно справедливымъ оставленіе вамъ пенсіи и соглашается доложить объ этомъ Государю, но не ручается вполнѣ за послѣдствія. Подобныя дѣла для министровъ чрезвычайно щекотливы, имъ крайне непріятно получить отказъ на свое представленіе. Намъ было бы еще болѣе

[14]) Записки митрополита Іосифа, т. II, стр. 30. Списокъ должностнымъ лицамъ и проч. приложенъ къ отчету Іосифа Сѣмашки, отъ 3 октября 1837 года, о состояніи обѣихъ уніатскихъ епархій во всѣхъ отношеніяхъ.

П. Б.

непріятно, если бъ получена была на докладѣ неблагопріятная для дѣла Высочайшая резолюція—а слово Государя не легко измѣнить. Итакъ, лучше оставить пока въ сторонѣ это дѣло, чѣмъ подвергать его случайности, тѣмъ болѣе, что переселеніе въ Петербургъ, не знаю, будетъ ли вамъ болѣе пріятно или непріятно. Вотъ я и обманулся въ надеждѣ имѣть при себѣ достойнаго товарища—для васъ, можетъ быть, только хорошо было бы увидѣть Петербургъ и я не отчаиваюсь видѣть васъ здѣсь, хотя бы на нѣсколько мѣсяцевъ. Поручая себя вашей памяти, прошу относиться, въ случаѣ какихъ либо личныхъ дѣлъ, прямо ко мнѣ, какъ къ пріятелю, который остается къ вамъ, м. г., съ истиннымъ уваженіемъ и привязанностью, вашъ нижайшій слуга Іосифъ Сѣмашко, епископъ [15])".

23 февраля 1838 года умеръ митрополитъ Іосафатъ Булгакъ. Епископъ Сѣмашко назначенъ предсѣдателемъ коллегіи, а Василій Лужинскій ея членомъ и управляющимъ полоцкой епархіей. „Въ скоромъ времени надобно ожидать высочайшаго манифеста о возсоединеніи уніатовъ съ господствующимъ въ Россіи вѣроисповѣданіемъ". (Письмо къ А. Сосновскому).

Послѣ назначенія своего предсѣдателемъ коллегіи епископъ Іосифъ Сѣмашко счелъ своимъ долгомъ представить протоіерея М. К. Бобровскаго къ производству въ старшіе соборные протоіереи. Представленіе мотивируется такимъ образомъ: „Сей ученый профессоръ былъ наставникомъ всѣхъ нынѣшнихъ уніатскихъ епископовъ и большей части духовныхъ сего обряда, занимающихъ важнѣйшія мѣста по управленію епархіей и училищному вѣдомству и пользуется общимъ уваженіемъ. Не занимая никакого мѣста, онъ не могъ дѣятельно участвовать въ преобразованіи греко-уніатской церкви, но всегда оказывалъ полное повиновеніе и усердіе къ опому. Онъ подвергался лично оскорбленію нѣкоторыхъ изъ своихъ прихожанъ за возстановленіе обрядовъ восточной церкви; а благочиніе, въ коемъ онъ проживалъ, оказалось самымъ спокойнымъ и послушнымъ. Сверхъ того, онъ ревизовалъ по распоряженію начальства Мѣлецкое уѣздное учи-

[15]) Переводъ съ польскаго подлиннаго письма отъ 9 октября 1837 года, приклееннаго къ л. 39. Сборникъ писемъ. Въ своемъ отвѣтѣ, 27 января 1838 г. Михаилъ Кириллович благодаритъ епископа за новый знакъ къ нему вниманія.

П. Б.

лище и оказавшееся сомнительнымъ Лѣбешовское благочиніе, которое и успокоилъ [16])".

Подчиненіе греко-уніатской церкви Святѣйшему Синоду, повидимому, способствовало усиленію въ духовенствѣ литовской епархіи готовности къ возсоединенію. Между тѣмъ волненіе уніатскаго духовенства въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Бѣлорусской епархіи, обнаружившееся осенью 1838 г. (послѣ поѣздки Скрипицына), и въ Бѣлостоцкой области побудили предсѣдателя коллегіи Іосифа Сѣмашку подать графу Протасову записку объ окончательномъ шагѣ къ возсоединенію уніатовъ съ православною церковью. Значительное большинство греко-уніатскаго духовенства литовской епархіи уже дало подписки о готовности духовнаго единенія съ православными, дальнѣйшее промедленіе могло бы обострить противодѣйствіе упорствовавшихъ. Оставалось утвердить все это дѣло юридическимъ актомъ, что и исполнено 12-го февраля 1839 года, въ недѣлю православія, въ Полоцкѣ. Для этого туда созваны были главнѣйшіе оффиціальные представители обѣихъ епархій. Актъ возсоединенія утвержденъ Государемъ 25 марта въ праздникъ Благовѣщенія, словами: „Благодарю Бога и принимаю".

Протоіерей Бобровскій, какъ не занимавшій оффиціальнаго мѣста, не присутствовалъ на актѣ возсоединенія въ Полоцкѣ, въ числѣ 24 представителей. Получивъ отъ Тупальскаго извѣстіе о предстоящемъ въ Полоцкѣ торжествѣ, онъ писалъ къ нему изъ Шерешева, 18 февраля 1839 года, что „было бы весьма полезно, если бы вы какъ управлявшій епархіей около полустолѣтія и потому хорошо знакомый со всѣми обстоятельствами, передали потомству исторію начала уніи, ея распространеніе, наклоненіе къ упадку и самое паденіе. Слѣдовало бы подробнѣе остановиться на современныхъ фактахъ, передать послѣдовательное преемство митрополитовъ, начиная отъ Лисовскаго, а равно епископовъ; написать о каждомъ краткую біографію; указать, что̀ каждый изъ нихъ сдѣлалъ для блага уніатской церкви или же способствовалъ къ ея упадку. Много, а можетъ быть всего болѣе, виновенъ въ этомъ базиліанскій орденъ. Дѣятелей этого ордена надлежало бы указать. А чтобы работа эта, назидатель-

[16]) Зап. Іосифа митрополита, т. II, стр. 73.

ная для потомства, никого не скомпрометировала бы, разсудительность требуетъ отъ автора употребить перо Тацита“ [17]).

Въ началѣ сентября 1839 года Михаилъ Кирилловичъ приглашенъ былъ епископомъ Іосифомъ Сѣмашкою въ Вильну, для участія въ торжествахъ по случаю возсоединенія. Изъ письма Сѣмашки (конфиденціальнаго) къ графу Протасову отъ 4 сентября 1839 года видно, что 1-го сентября прибыли въ Вильну для совершенія торжественнаго богослуженія преосвященный Исидоръ (нынѣшній митрополитъ С.-Петербургскій), Іосифъ Сѣмашко, архіепископъ литовскій, и Антоній Зубко, епископъ минскій, вмѣстѣ съ главнѣйшими представителями отъ духовенства обѣихъ епархій, въ числѣ которыхъ названъ и старшій соборный протоіерей Михаилъ Бобровскій. Въ воскресенье, 3 сентября, въ Свято-Троицкомъ, бывшемъ базиліанскомъ, монастырѣ совершилось торжественное богослуженіе трехъ архіереевъ при необыкновенно большомъ стеченіи народа: „священниковъ къ богослуженію употреблено было съ обѣихъ сторонъ 12: со стороны моей — Тупальскій, ректоръ Гомолицкій и Бобровскій, очень кстати здѣсь бывшій по извѣстности его въ Вильнѣ, и четыре іеромонаха; со стороны Исидора два архимандрита, одинъ протоіерей, одинъ священникъ и одинъ іеромонахъ“ [18]).

Итакъ, въ дѣлѣ возсоединенія уніатовъ съ православіемъ, роль протоіерея М. Бобровскаго вовсе не была пассивною, какъ полагаютъ нѣкоторые, въ виду того, что его имени нѣтъ въ числѣ 24 представителей греко-уніатской церкви, подписавшихъ полоцкій актъ въ февралѣ 1839 года. Мы знаемъ, что онъ самъ не желалъ занимать въ іерархіи положенія достойнаго его дарованій и заслугъ [19]), но знаемъ также и то, что онъ всегда охотно шелъ на помощь своимъ ученикамъ, то сдерживая порывы слишкомъ ретивыхъ въ своихъ дѣйствіяхъ, то устраняя препятствія

---

[17]) Сборн. пис. М. К. Бобровскаго, л. 43. Письмо къ офиціалу протопресвитеру Тупальскому, 18 февраля 1839 г.

[18]) Записки митрополита Іосифа, т. II, № 37. Здѣсь кстати припомнить о событіи 1817 года, въ день св. Троицы. Невольно скажешь при этомъ, вмѣстѣ съ Янковскимъ: «Судьбы Господни не исповѣдимы».

[19]) Михаилъ Кирилловичъ, какъ передавалъ мнѣ нынѣ почти столѣтній старецъ свящ. Левицкій, «много работалъ надъ присоединеніемъ ун и къ православію п, кажется, что его руководствомъ и планами пользовался Іосифъ Сѣмашко. (Сообщено). П. Б.

тамъ, гдѣ являлось опасное сопротивленіе. Самый важный актъ, которымъ собственно и начинается дѣло возсоединенія—введеніе богослужебныхъ книгъ московской печати—вполнѣ былъ согласенъ съ его воззрѣніемъ на этотъ вопросъ, высказаннымъ еще въ 1830 году. Но еще болѣе важную заслугу Бобровскій оказалъ въ вопросѣ по возстановленію въ уніи обрядовъ греко-восточной церкви, со всѣми второстепенными дѣйствіями. Эта мысль укрѣплялась и росла по мѣрѣ развитія его ума и дарованій; она впервые выразилась рельефно въ его вступительныхъ лекціяхъ о св. писаніи въ его проповѣдяхъ, направленныхъ противъ разстлѣвающаго ученія библейцевъ въ Вильнѣ; затѣмъ она осуществилась на дѣлѣ его практическими указаніями воспитанникамъ главной духовной семинаріи при совершеніи богослуженія въ св. николаевской виленской церкви съ 1827 г. Дѣло это, при его дѣйствительномъ, активномъ участіи, продолжало развиваться во всѣхъ благочиніяхъ послѣ начертанія епископами, въ 1834 году, извѣстной программы, но не ранѣе конца 1836 г. Возстановленіемъ греко-восточнаго обряда во всей его чистотѣ и введеніемъ книгъ московской печати сдѣлано было все то, что собственно и было необходимо сдѣлать прежде совершенія акта возсоединенія. Какъ „наставникъ архипастырей и большей части духовныхъ, занявшихъ высшее положеніе въ обѣихъ епархіяхъ“, онъ сдѣлалъ все, что могъ и считалъ обязаннымъ сдѣлать по совѣсти, не выходя изъ очерченнаго себѣ круга, но предоставляя завершать дѣло „достойнѣйшимъ и способнѣйшимъ“ ученикамъ своимъ.

V.

Занятіе славистикой и послѣдніе годы жизни въ Шерешевѣ.

Филологическіе и библіографическіе труды.—Ошибочное сужденіе профессоровъ Кояловича и Кочубинскаго.—Значеніе Бобровскаго въ русской наукѣ.—Образъ жизни заслуженнаго профессора.—Поѣздка его въ Полоцкъ (1844 г.).—Посѣщеніе шерешевскаго отшельника архіепископомъ Іосифомъ Сѣмашкою (1846 г.).—Послѣднія минуты жизни и кончина 21 сентября 1848 г.—Памятникъ надъ могилою.—Крестъ во имя Кирилла и Меѳодія, принесенный въ даръ шерешевской церкви.—Судьба библіотеки, рукописей и переписки.

Михаилъ Кирилловичъ, поселившись въ м. Шерешевѣ, не прекращалъ своихъ любимыхъ занятій славистикой, филологіей и археологіей. Въ библіотекѣ, перевезенной изъ Вильны въ 1834 году, находились весьма цѣнныя славянскія книги, кирилловскаго и глаголическаго шрифта, пріобрѣтенныя Бобровскимъ на собственныя средства за границею, большею частію въ Венеціи. По составу своему и мысли ея обладателя библіотека шерешевская занимала тогда первое мѣсто въ западной Россіи и была единственною въ своемъ родѣ. Кромѣ книгъ, Бобровскій привезъ съ собою въ Шерешево: снимки съ древнѣйшихъ рукописей славянскихъ, тетради съ своими библіографическими записками, свои черновыя путевыя замѣтки или дневникъ и нѣсколько весьма цѣнныхъ рукописей; въ числѣ послѣднихъ отмѣтимъ: знаменитую Супрасльскую и древнюю харатейную псалтирь; первая взята была изъ Супрасли, въ 1824 г., подъ росписку (№ 1), послѣдняя—изъ Николаевской виленской церкви. Были у него и другія цѣнныя вещи—памятники благочестія древнихъ славянъ. На свободѣ Михаилъ Кирилловичъ продолжалъ свои филологическія изслѣдованія и подготовлялъ матеріалы для нѣкоторыхъ изданій, о чемъ онъ писалъ къ епископу Яворовскому, сообщалъ своему другу П. Даниловичу и епископу Сѣмашкѣ.

Существуетъ мнѣніе, что заслуженный профессоръ, живя въ деревенской глуши, совершенно бросилъ литературныя занятія и поэтому не оставилъ никакихъ работъ, достойныхъ его богатыхъ дарованій и обширныхъ свѣдѣній.

Но съ этимъ мнѣніемъ не согласуются факты, нами приведенные въ извѣстность. Въ спокойномъ уголку шерешевскомъ, Михаилъ Кирилловичъ исподволь, но постоянно накоплялъ филологическіе матеріалы въ особыхъ тетрадяхъ въ формѣ библіографическихъ замѣтокъ и записокъ; кромѣ трудовъ надъ старопечатными книгами и рукописями старославянскими онъ приготовилъ къ печати: „Исторію славянскихъ книгопечатень въ Литвѣ (литовской Руси)“; наконецъ, у него же были собраны матеріалы для исторіи церкви у славянъ. О первомъ трудѣ упоминаетъ въ своемъ словарѣ Эстрейхеръ, говоря, что „эта рукопись была у Бобровскаго въ 1846 г.“.

Но главныя занятія М. Бобровскаго состояли въ работахъ по славянской филологіи и онъ долго лелѣялъ мысль объ изданіи имъ Супрасльской рукописи и лѣтописца Подола (извѣстнаго теперь подъ именемъ лѣтописца литовскаго). Объ эти рукописи, какъ видно изъ переписки, открыты были М. К. Бобровскимъ лѣтомъ 1823 г.

Характеристика профес. М. О. Кояловича, основанная на событіяхъ 1823 и 1824 гг. и на секретныхъ аттестаціяхъ В. Пеликана, человѣка партіи, ультрамонтана, враждебнаго къ бѣлому греко-уніатскому духовенству, ошибочна. Сужденія г. Кочубинскаго въ недавно изданной имъ книгѣ: „Начальные годы русскаго славяновѣдѣнія—Адмиралъ Шишковъ и канцлеръ графъ Румянцевъ“ (Одесса, 1888 г.) даютъ превратную оцѣнку дѣятельности профессора Бобровскаго въ области славяновѣдѣнія и не согласны даже съ фактами его послужнаго списка. Все это опровергается письмами М. К. Бобровскаго къ Тунальскому и Сѣмашкѣ. Друзей интимныхъ—ad intimis Бобровскій не имѣлъ въ лагерѣ, противномъ свѣтскому клиру въ русской уніи. Имѣющаяся же въ нашемъ распоряженіи переписка М. К. Бобровскаго объясняетъ переходъ Супрасльской рукописи изъ его рукъ, помимо его желанія. Объ открытыя имъ рукописи онъ думалъ самъ издать русскимъ шрифтомъ и съ этою цѣлью заказалъ одной виленской типографіи славянскій шрифтъ для Супрасльской рукописи и выписалъ Софійскій Временникъ (для справки съ своимъ лѣтописцемъ). Въ 1838 году проф. Эйхвальдъ и друзья (между ними Востоковъ?) уговорили Бобровскаго послать Супрасльскую рукопись для переписки къ Копитару, а

въ слѣдующемъ 1839 году у него потребовали отсылку въ литовскую консисторію лѣтописца Подола. И вотъ что Бобровскій, между прочимъ, писалъ по этому поводу Пинскому епископу Михаилу Голубовичу: „Сохранивъ у себя Лѣтописца Подола, въ изданіи котораго я самъ отчасти принималъ участіе, съ особенною радостью отсылаю теперь этотъ рѣдкій историческій памятникъ въ правительственное учрежденіе въ той надеждѣ, что онъ дойдетъ до археографической коммиссіи и, наконецъ, исполнится желаніе приснопамятнаго государственнаго канцлера Румянцева и рукопись издана будетъ такимъ же способомъ, какимъ былъ изданъ Несторъ, отецъ русскихъ историковъ [1])".

Слѣдовательно, Михаилъ Кирилловичъ: 1) открылъ южно-русскаго лѣтописца, извѣстнаго по польскому изданію Даниловича подъ именемъ: „Литовскаго лѣтописца и русской хроники", 2) намѣренъ былъ самъ издать его русскимъ шрифтомъ, такимъ же, какимъ изданы были другія русскія рукописи на иждивеніе графа Румянцова. Но намѣренія Бобровскаго издать самому: 1) хорватскую хронику, списанную имъ въ ватиканской библіотекѣ въ 1820 г., 2) житія святыхъ и проповѣди Іоанна Златоуста, и 3) лѣтописца Подола, содержащаго литовско-русскую хронику, не были приведены въ исполненіе, по обстоятельствамъ, отъ него не зависѣвшимъ; для этого нужны были: во 1-хъ—средства, во 2-хъ мѣстныя удобства, а въ Шерешевѣ нельзя было имѣть даже и хорошаго переплетчика. Первая (хорватская) рукопись издана Куколевичемъ (за границею) спустя три года послѣ кончины Бобровскаго, вторая—Супрасльская—еще до сихъ поръ не издана; въ 1851 году въ Вѣнѣ издалъ часть ея послѣдователь Копитара—Миклосичъ, но только не съ подлинника, а по списку Копитара. Накопленныя же Бобровскимъ многолѣтнія филологическія изслѣдованія вмѣстѣ съ другими матеріалами и снимками исчезли послѣ его смерти, а куда—увидимъ ниже. Что Бобровскій былъ страстнымъ любителемъ и глубокимъ знатокомъ древностей славянскихъ и русскихъ, что онъ зналъ цѣну сдѣланнымъ имъ открытіямъ и потому тщательно сохранялъ

[1]) Сборникъ писемъ М. К. Бобровскаго, л. 43 обор., 44, 45. Рапортъ въ литовскую консисторію 5 декабря 1839 г., № 17, рапортъ епископу Пинскому, архимандриту Бытенскому Михаилу Голубовичу, 10 декабря 1839 г., № 18.

П. Б.

цѣнныя рукописи (не довѣряя даже монастырю) и что на эти предметы смотрѣлъ, какъ на вещи не подлежащія отчужденію, а тѣмъ менѣе какъ на средство для обогащенія; все это достаточно выяснено въ нашихъ изслѣдованіяхъ; напротивъ, какъ свидѣтельствуютъ люди, къ нему близкіе, онъ и при небольшихъ своихъ средствахъ, со времени пятилѣтняго путешествія по Европѣ (особенно со времени пребыванія въ Венеціи въ 1820 году), на пріобрѣтеніе и собираніе книгъ и рукописей, въ теченіе почти четверти столѣтія, затратилъ свои собственныя и не малыя деньги. Кромѣ того, онъ сдѣлалъ множество снимковъ (facsimile) и далъ каждой разсмотрѣнной имъ рукописи, гдѣ либо въ Европѣ и въ западной Россіи, библіографическую оцѣнку.

Собирая книги и рукописи, имѣвшія прямое отношеніе или къ греко-славянскому богослуженію, или къ русской народности, онъ, однако, не покидалъ надежды важнѣйшія изъ нихъ издать самому славянскимъ или русскимъ шрифтомъ. Въ наукѣ славянской филологіи онъ былъ піонеромъ въ Россіи и, по всей справедливости, долженъ быть названъ самымъ виднымъ дѣятелемъ по сохраненію русской народности между уніатами западной Россіи.

Мы, наконецъ, приближаемся къ концу жизни этого достойнѣйшаго литовско-русскаго ученаго слависта-богослова, котораго жизнь и дѣла, во многихъ отношеніяхъ поучительныя, не могутъ быть исчерпаны въ настоящемъ очеркѣ.

Наружность Михаила Кирилловича послѣ возсоединенія съ православіемъ измѣнилась въ томъ отношеніи, что онъ сталъ носить усы и бороду. Одѣяніе въ рясѣ и мѣховой бобровой шапкѣ его особенно тѣшило: онъ доволенъ былъ возстановленіемъ обычаевъ старины, по археологическому рисунку, только не совсѣмъ доволенъ былъ своею ужъ слишкомъ невзрачною бородкою; случалось подсмѣивался надъ безбородымъ своимъ викарнымъ отцемъ Савинскимъ и не безъ гордости смотрѣлъ на благообразіе своихъ двухъ дьячковъ: Ивана Шумовскаго и Іосифа Сѣмашку (однофамильца и одноимянника архипастыря).

Житейская обстановка протоіерея всегда была весьма скромною. Его шерешевскій домикъ—состоялъ изъ четырехъ ком-

натъ, сѣней и кухни. Налѣво отъ сѣней гостинная, украшенная изображеніями четырехъ евангелистовъ, вывезенныхъ изъ Италіи, чрезвычайно изящной живописи. Надъ диваномъ былъ портретъ государя Николая Павловича, котораго протоіерей считалъ самымъ лучшимъ монархомъ своего вѣка, „самымъ лучшимъ отцомъ насъ всѣхъ“ (письма къ Тупальскому и Сосновскому). Прямо противъ входа находился письменный столъ, всегда заваленный кипою бумагъ и текущею корреспонденціей. На каминѣ была старинная мраморная фигура, для помѣщенія цвѣтовъ, до которыхъ Михаилъ Кирилловичъ съ дѣтства былъ страстнымъ охотникомъ. На право—входъ въ спальню и библіотеку: книгами, исключительно старинными, между которыми красовались бѣлые вороны (albi corvi), установленъ былъ шкафъ во всю стѣну отъ пола до потолка. Заслуженный профессоръ, достигнувъ 64-хъ лѣтняго возраста, читалъ безъ очковъ и сохранилъ привычку передъ сномъ читать, лежа въ постелѣ, всегда съ карандашемъ въ рукѣ. На право отъ сѣней—столовая, весьма скромная, съ нѣсколькими большими клѣтками, наполненными множествомъ канареекъ и другихъ пѣвчихъ птицъ, и еще смежная со столовой комната для гостей или ночлежниковъ.

Передъ окнами гостинной лѣтомъ красовался роскошный цвѣтникъ, съ самыми затѣйливыми цвѣтами. Получить цвѣтокъ изъ рукъ профессора или прелата (какъ его называли сосѣди) считалось величайшимъ вниманіемъ; за домомъ фруктовый садъ съ отборными сортами яблонь, грушъ, черешень и вишень. На противоположной сторонѣ двора помѣщались парники. Уходъ за цвѣтниками, парниками и садомъ былъ обычнымъ привиллегированнымъ утреннимъ занятіемъ отца Михаила.

Обязанности приходскаго священника протоіерей Михаилъ выполнялъ съ самою строгою акуратностію и въ этомъ отношеніи вполнѣ усвоилъ себѣ привычки своего престарѣлаго отца Кирилла: то же участіе къ ближнему, таже строгость къ самому себѣ, снисходительность къ ошибкамъ другихъ и самая горячая готовность оказать помощь нуждающимся. Навѣстить больнаго и укрѣпить причастіемъ умирающаго, во всякое время дня и ночи, въ ненастье и стужу, были естественнымъ влеченіемъ сердца любящаго и чувствительнаго къ страданію ближняго

Въ воскресные и праздничные дни въ церкви, всегда пере-

полненной прихожанами, между которыми было не мало католиковъ, протоіерей говорилъ поученіе на червоно-русскомъ или галицкомъ языкѣ. Проповѣдникъ, прочитавъ съ разстановкою дневное евангеліе, объяснялъ евангельскій разсказъ въ выраженіяхъ самыхъ простыхъ, неизысканныхъ, а въ заключеніе, закрывая книгу, произносилъ слово, относившееся къ обыденной жизни своихъ прихожанъ. Рѣчей своихъ Михаилъ Кирилловичъ не записывалъ. «При погребеніи хозяина или хозяйки всегда говорилъ слово, изображая похвальныя дѣла умершаго съ присовокупленіемъ назиданія, сообразуясь съ жизнію покойнаго, или видя нужду истреблять пороки при мысли о смерти. Его обличенія большею частію направлены были къ истребленію въ народѣ пороковъ, особенно пьянства и разврата». (Протоіер. Мих. Токаревскій). Рѣчи Бобровскаго, по словамъ архіепископа Филарета, служили образцомъ краснорѣчія для духовныхъ пастырей, какъ по мысли, такъ и по стилю; его бесѣды съ амвона, по своей искренности, полныя любви къ ближнему и заботы о его благосостояніи, о мирѣ и спокойствіи, имѣли воспитательное значеніе для народа; въ рѣчахъ отца Михаила простолюдины всегда находили, по своему, глубокіе намеки; плодовитая мысль проповѣдника облекалась въ естественныя и простыя формы.

Въ другомъ домѣ, бывшемъ при церкви Рождества Богородицы (Пречистенской), помѣщался причтъ и богадѣльня для престарѣлыхъ и увѣчныхъ (на нѣсколько кроватей). Для разныхъ церковныхъ хозяйственныхъ распоряженій существовало братство.

Обычными собесѣдниками заслуженнаго профессора, по вечерамъ, кромѣ ксендза Пануфника и викарнаго священника Савинскаго, были офицеры, квартировавшей въ м. Шерешевѣ артиллерійской бригады. Отъ времени до времени навѣщали своего профессора бывшіе его ученики, члены «Жировицкой семьи», особенно Янковскій и Голубовичъ. Изъ сосѣдей бывалъ чаще всѣхъ страстный библіофилъ Владиславъ Тренбицкій, который пользовался расположеніемъ слависта-оріенталиста. У него Тренбицкій, кажется, учился еврейскому языку. Нерѣдко протоіерей велъ состязанія съ еврейскими раввинами въ мѣстной синагогѣ, лучшемъ каменномъ зданіи въ мѣстечкѣ. Въ шерешевской синагогѣ можно было встрѣчать ученыхъ раввиновъ изъ Бердичева, Варшавы и т. д.

Въ 3-хъ верстахъ отъ м. Шерешева, въ имѣніи Обрубѣ, жило семейство его единственнаго брата Іосифа, доктора философіи, также ученаго и, притомъ, хорошо знавшаго агрономію. Братья жили между собою съ дѣтства почти неразлучно въ самой тѣсной дружбѣ. Хозяйство въ Обрубѣ процвѣтало. Тѣнистый садъ съ роскошными цвѣтниками и пчелами служилъ приманкою для Михаила Кирилловича, когда въ досужее время онъ навѣщалъ пѣшкомъ семейство своего брата. Заботливость о воспитаніи и судьбѣ своихъ малолѣтнихъ племянниковъ, послѣ того, когда они, въ 1843 году, лишились своего отца, была безпримѣрная. Случалось, онъ съ ними игралъ и забавлялся. На образованіе и устройство ихъ въ учебныя заведенія Михаилъ Кирилловичъ прилагалъ особенное попеченіе и давалъ всѣ способы. Только впослѣдствіи мы поняли, чѣмъ обязаны своему дядѣ—наставнику и опекуну. Каждаго изъ насъ онъ изучилъ и каждаго старался направить, согласно со способностями и наклонностями.

Михаилъ Кирилловичъ поддерживалъ свои добрыя отношенія къ бывшимъ ученикамъ своимъ, занимавшимъ важнѣйшіе посты въ возсоединенной духовной іерархіи. Въ ноябрѣ 1844 года, пользуясь своею поѣздкою въ Полоцкъ, для доставленія меня въ корпусъ, Михаилъ Кирилловичъ навѣстилъ, между прочими: епископа Михаила (въ Жировицахъ), архіепископа Антонія (въ Минскѣ), архимандрита Филарета (бывшаго ректоромъ Полоцкой семинаріи) и архіепископа Василія—въ Витебскѣ. Встрѣтивъ въ Витебскѣ (куда онъ нарочно ѣздилъ изъ Полоцка) знакомаго ему гравера Кисличнаго (окончившаго курсъ С.-Петербургской академіи художествъ), Бобровскій пожелалъ передать ему бывшій у него крестъ св. Параскевы, „драгоцѣнный памятникъ славянскаго благочестія“, съ тѣмъ, чтобы Кисличный вырѣзалъ рисунокъ его на мѣди и прислалъ къ нему одинъ литографированный оттискъ. По этому поводу онъ писалъ къ Филарету въ Полоцкъ: „По присылкѣ мнѣ одного экземпляра съ мѣстными вѣдомостями, я могъ бы запяться историко-критическимъ его описаніемъ. Это служило бы дополненіемъ къ описанію креста св. Евфросиніи (Полоцкой)“.

„Благодарность учениковъ своимъ наставникамъ есть самый драгоцѣнный небесный даръ. Кажется, еще первый разъ въ своей жизни я испыталъ это на р. Двинѣ. Радушный сердечный пріемъ

отшельника изъ подъ Бѣловѣжской пущи напомнилъ мнѣ о благихъ временахъ патріарховъ и о моемъ путешествіи между славянами въ Далмаціи и въ Чешской Прагѣ [2])".

Въ слѣдующемъ 1846 году шерешевскаго отшельника осчастливилъ своимъ посѣщеніемъ Іосифъ Сѣмашко, архіепископъ Литовскій и Виленскій. Это посѣщеніе, какъ дань благодарности великаго западно-русскаго архипастыря своему наставнику, на склонѣ его жизни, послужило доказательствомъ, что и на берегахъ р. Виліи не оскудѣвалъ тотъ даръ небесный, о которомъ Михаилъ Кирилловичъ говоритъ въ письмѣ къ любимѣйшему ученику своему, жившему на р. Двинѣ.

Около половины мая 1846 г. профессоръ получилъ слѣдующую записку отъ епископа Михаила Голубовича, изъ Жировицъ. „Къ тебѣ, дорогой профессоръ, явятся два гриба: одинъ громадный, съ присовокупленіемъ многихъ волнушекъ, другой такъ себѣ—малозначущій, который, однако, присоединится къ истребленію вашихъ запасовъ. Объ угрожающемъ вамъ опустошеніи (desolatii i devastacii), архіепископъ вотъ что пишетъ (буквально): „Я думалъ было миновать Шерешево, разъ что въ сторонѣ, другой разъ, что, кажется, у нашего батьки Бобровскаго прошлымъ лѣтомъ градъ побилъ воловъ, которые онъ кормилъ къ моему пріѣзду. Но послѣ подумалъ: не заѣхать, будетъ сердиться—а воловъ не пожалѣемъ (не пожелаемъ?), вѣдь тогда будетъ Петровъ постъ. За то пусть таки похлопочетъ прокормить меня три дня со свитою, да еще въ день рожденія Государя Императора, попотчивать насъ чѣмъ либо, хотя бы съ шерешевской приправой".

„Къ этому времени, продолжаетъ преосвященный Михаилъ, и я явлюсь въ Шерешево, вѣроятно, со стороны Янова, къ 25 іюня. Пріѣду налегкѣ безъ свиты, такъ какъ и четверку лошадей не легко добыть. Искренне говорю, не хотѣлось бы быть кому либо въ тягость и былъ бы очень радъ, если бы можно было для посѣщенія церквей, лежащихъ въ сторонѣ, нанимать четверку лошадей. Буду ждать оффиціальнаго отзыва и вашего совѣта [3])".

---

[2]) Изъ письма къ архимандриту Филарету Малишевскому отъ 22 января 1845 г. Сборн., л. 47, 48.

[3]) Подлинное письмо Михаила епископа отъ 9 мая 1846 года приклеено

Посѣщеніе архипастыремъ скромнаго жилища въ Шерешевѣ и деревенскаго домика въ Обрубѣ до глубины души тронуло профессора, какъ это видно изъ нижеслѣдующихъ его строкъ въ письмѣ къ архіепископу. „Свободныя какъ бы родственныя отношенія въ домашнемъ кругу семейства (моего покойнаго брата) навсегда оставили благія чувства благодарности въ сердцахъ тѣхъ, которые были осчастливлены вниманіемъ столь высокихъ гостей. Столѣтняя липа, нѣсколько лѣтъ тому назадъ разбитая молніей, садовыя деревья, склонившія свои вѣтви подъ тяжестью плодовъ, рощицы, охраняющія отъ солнечнаго припека, цвѣтистые луга, увѣнчивающіе плодоносныя нивы—всегда напоминать будутъ жителю обрубской избушки, что тамъ было мѣсто отдохновенія, а здѣсь стопы на орлахъ уносящіяся. Присланныя вещи на память, принятыя съ величайшею благодарностію, служатъ новымъ доказательствомъ удовольствія, доставленнаго нашимъ хозяйствомъ. Ихъ раздѣлъ согласенъ съ архипастырскими намѣреніями—для сестры китайскіе плоды, а для деревенщины профессора—американскіе“ [4]).

Посѣщеніе Іосифомъ Сѣмашкою и Михаиломъ Голубовичемъ съ большою свитою и пѣвчими Шерешева было послѣднимъ лучемъ свѣта въ скромной деревенской жизни ученаго мужа...

Устроивъ въ слѣдующемъ 1847 году своихъ племянниковъ въ учебныхъ заведеніяхъ и обезпечивъ при вторичномъ замужествѣ свою сестру—вдову покойнаго брата, Михаилъ Кирилловичъ остался въ полномъ смыслѣ слова—сиротою, скучалъ, даже впадалъ въ уныніе и 21 сентября 1848 года сталъ жертвою жестокой холеры. Никого изъ близкихъ родныхъ не было при его внезапной кончинѣ. Библіотека, рукописи, филологическіе матеріалы, записки, письма и разные документы—всѣ эти сокровища науки—исчезли. И все вдругъ опустѣло...

между двумя отпусками писемъ М. К. къ архіепископу Сѣмашкѣ отъ 25 іюля и 29 августа 1846 года. Кстати приведемъ здѣсь замѣчаніе Плакида Яковскаго въ его характеристикѣ. «Отрадно было видѣть, какимъ вниманіемъ и сочувствіемъ окружали заслуженнаго мужа наши возсоединенные архипастыри, всѣ до одного почитавшіе въ немъ и своего наставника». Холм. мѣсяц. на 1867 г. стр. 117.

[4]) Изъ письма М. К. къ архіепископу Іосифу Сѣмашкѣ, отъ 25 іюля 1846 Сборн. л. 49, на об. П. Б

Очевидецъ священникъ Іоаннъ Кургановичъ (впослѣдствіи архимандритъ Антоній) оставилъ слѣдующее описаніе о послѣднихъ минутахъ жизни глубоко чтимаго духовенствомъ и прихожанами благочиннаго.

„Покойный профессоръ, въ началѣ второй половины сентября мѣсяца, присутствовалъ на совѣщаніи священниковъ Пружанскаго благочинія, бывшемъ въ домѣ настоятеля Сухопольской церкви священника Сильвестра Пероцкаго. Жара въ то время была необычайная и въ м. Шерешевѣ свирѣпствовала холера. Протоіерей привезъ съ собою какія-то капли, которыя употреблялъ каждый разъ передъ принятіемъ пищи. Онъ ихъ принялъ до обѣда, а послѣ обѣда заснулъ, по обыкновенію, сидя въ креслѣ. Чтобы не помѣшать отдыху отца благочиннаго, присутствовавшіе на совѣщаніи священники въ это время вышли въ садъ. Проснувшись, Бобровскій къ вечеру уѣхалъ домой, повидимому, совершенно здоровый. На слѣдующій день, утромъ, священникъ Іоаннъ, оставшійся на ночлегъ въ домѣ Сухопольскаго священника, получилъ письмо изъ Шерешева. Его просили поспѣшить какъ можно скорѣе пріѣздомъ, чтобы напутствовать св. дарами умирающаго благочиннаго. Отецъ Іоаннъ засталъ Михаила Кирилловича въ страшныхъ мученіяхъ... Врачи употребляли усилія, чтобы спасти страдальца (между прочимъ—сажали его въ холодную ванну), все было тщетно: холера развилась въ сильной степени и черезъ нѣсколько часовъ протоіерей скончался“.

„Во время болѣзни и смерти благочиннаго въ домѣ былъ страшный безпорядокъ. Некому было присматривать за цѣлостію его имущества. Пользуясь этимъ обстоятельствомъ, секретарь протоіерея (надо полагать, такъ названъ дьячекъ Иванъ Шумовскій) сталъ прибирать разныя вещи покойнаго въ свои руки. Замѣтивши расхищеніе имущества, о. Іоаннъ пригласилъ становаго пристава (Лозинскаго), для опечатанія имущества. Викарный священникъ (о. Михаилъ Савинскій), весьма преданный своему настоятелю, былъ до крайности пораженъ его смертью, плакалъ навзрыдъ, но имѣлъ слабость къ спиртнымъ напиткамъ: съ горя, тотчасъ послѣ кончины своего благодѣтеля, сталъ прикладываться къ бутылочкѣ: „Niema mego Pralata!“ (нѣтъ моего прелата), приговаривалъ онъ съ плачемъ: „Trzeba wypic'!“ (Сообщено изъ зап. Курановича).

Михаилъ Кирилловичъ скончался на 64 году своей жизни, похороненъ у алтаря кладбищенской церкви и надъ его могилою, иждивеніемъ духовенства Пружанскаго благочинія, тогда же сооруженъ памятникъ въ видѣ пирамиды изъ громаднаго дерева Бѣловѣжской пущи.

Въ Вильнѣ, Полоцкѣ, Витебскѣ, Минскѣ, Гроднѣ и другихъ главнѣйшихъ пунктахъ обѣихъ епархій, вездѣ, гдѣ были ученики и почитатели Бобровскаго, отслужены торжественныя панихиды съ колокольнымъ перезвономъ во всѣхъ православныхъ храмахъ...

Безъ сомнѣнія не одна могила съ скромною деревянною пирамидою въ видѣ обелиска напоминаетъ окрестнымъ жителямъ о почившемъ въ м. Шерешевѣ ученомъ славистѣ. Скажемъ словами его ученика Янковскаго: „Судьбы Божіи неисповѣдимы. Кто знаетъ, можетъ быть, этому человѣку, не успѣвшему по волѣ обстоятельствъ, упрочить свою память на томъ высшемъ литературномъ поприщѣ, къ которому онъ такъ отлично былъ приготовленъ, именно суждено было обезсмертить эту память въ единственно интимномъ значеніи слова, среди скромной сельской паствы, унося съ собою не гласную, но и неувядаемую заслугу, и тихія слезы убогихъ людей“. Другой ученикъ его Филаретъ (впослѣдствіи архіепископъ Нижегородскій) говоритъ яснѣе: „Профессоръ Михаилъ Бобровскій не былъ, да и не могъ быть, оцѣненъ современниками, но его не забудетъ исторія“. Вся жизнь этого человѣка была проникнута стремленіемъ къ высшему идеалу и всѣ его труды запечатлѣны беззавѣтнымъ служеніемъ наукѣ: этимъ идеаломъ было объединенное славянство съ его самобытной культурой. И мы знаемъ, какъ велики были его стремленія, какъ ласковы были его отношенія къ ученикамъ, и какъ онъ неумолимо строгъ былъ къ самому себѣ.

Въ Бозѣ почившій протоіерей Михаилъ Бобровскій принесъ въ даръ шерешевской Пречистенской церкви большой напрестольный серебряный крестъ, заказанный имъ въ память первоучителей славянъ Кирилла и Меѳодія въ Моравскомъ Веллеградѣ въ 1819 году, во время путешествія его по славянскимъ землямъ Европы съ учеными цѣлями. Крестъ шестиконечный, вышиною въ 7 вершковъ, вѣсомъ 48 лотовъ серебра; на верхней серебряной вызолоченной дощечкѣ, въ видѣ свитка пер-

,гамента, находится славянская надпись: I. H. Ц. I. Распятіе рельефное вызолоченное греко-восточнаго изображенія. (Прибавка эта сдѣлана въ 1850-хъ годахъ гродненскимъ епископомъ Игнатіемъ Желѣзовскимъ). По раменамъ вырѣзаны: Божія матерь и Іоаннъ Богословъ. Подъ распятіемъ голова Адама и его остова; въ нижней части вырѣзаны орудія страстей Господнихъ. Внутри хранится нѣсколько частей святыхъ мощей, наглухо задѣланныхъ. На другой сторонѣ, гдѣ находятся мощи, рельефно отчеканено: I. Σ. X. [5]).

Въ своемъ трудѣ, послѣ 35 лѣтнихъ усилій для розысканія матеріаловъ, мы желали воздать теперь только частицу благодарности своему первому воспитателю, наставнику и опекуну; со временемъ, если позволятъ обстоятельства, мы не теряемъ надежды на пользу славянской науки представить въ нашу Академію наукъ подробное изложеніе жизни замѣчательнаго ученаго. Письма, важнѣйшіе труды Бобровскаго и доставленные намъ документы, снимки и собственноручные списки частей Супрасльской рукописи мы считаемъ своимъ долгомъ передать на храненіе въ Виленскую Публичную библіотеку. Въ Вильнѣ профессоръ Бобровскій получилъ богословское образованіе (1808—1812 г.), здѣсь развилась, окрѣпла и дала роскошные плоды его профессорская дѣятельность, созрѣлъ талантъ проповѣдника слова Божія; здѣсь брошены имъ первыя сѣмена славянской культуры между русскими уніатами и здѣсь, въ аудиторіяхъ бывшаго университета и главной духовной семинаріи, въ теченіи 18 лѣтъ (съ 1814 по 1833 годъ), раздавалось мощное слово профессора священнаго писанія и библейской археологіи, призывавшее духовное юношество къ просвѣщенію свѣтомъ истины.

Остается разсказать вкратцѣ обстоятельства, объясняющія исчезновеніе нѣкоторыхъ весьма цѣнныхъ рукописей, писемъ къ моему дядѣ славянскихъ филологовъ и ученыхъ греко-уніатовъ,

---

[5]) Сообщеніе шерешевскаго благочиннаго протоіерея Михаила Токаревскаго 7 мая 1886 года. Кромѣ драгоцѣннаго креста, покойный протоіерей оставилъ на ризы кусокъ шелковой фіолетоваго цвѣта матеріи, шитой золотыми цвѣтами, прекраснаго рисунка. П. Б.

его учениковъ, составленной имъ славянской библіографіи и его весьма цѣнной библіотеки. Обо всей этой весьма печальной исторіи можно было бы и промолчать, если бы не встрѣчалось иногда нареканій отъ людей, незнакомыхъ съ прискорбными фактами.

Разсказъ отца Іоанна Курганович (впослѣдствіи архимандрита Антонія) обрывается вызовомъ пристава для опечатанія имущества. Мой отчетъ дорисуетъ картину крайне безпорядочныхъ дѣйствій и безцеремонныхъ отношеній мѣстной свѣтской и духовной власти къ имуществу почившаго ученаго и оставленнаго имъ ученаго скарба.

Въ февралѣ мѣсяцѣ 1847 года, для устройства предстоящаго брака своей сестры—моей матери—Михаилъ Кирилловичъ рѣшился продать свою драгоцѣнную библіотеку помѣщику Владиславу Тренбицкому, съ правомъ пожизненнаго пользованія ею. Сдѣлка эта состоялась въ Бѣлостокскомъ судѣ, 5 августа 1847 года, и на основаніи ея Тренбицкій обязался уплатить Бобровскому, при совершеніи акта, 2000 злотыхъ (300 руб. сер.), что онъ и сдѣлалъ, а остальныя деньги, въ количествѣ 18,000 злотыхъ (2,700 руб. сер.), обязался уплатить, въ теченіе девяти лѣтъ, вдовѣ покойнаго его брата, по второму браку (1847 г.) Васьневской, а въ случаѣ ея смерти, племянникамъ профессора Бобровскаго (а ея сыновьямъ). На другой день послѣ кончины Михаила Кирилловича вице-благочинный Викторъ Курганович (впослѣдствіи архимандритъ Викентій, настоятель Супрасльскаго монастыря), родственникъ о. Іоанна, распорядился передачею библіотеки Тренбицкому, отсылкою какихъ-то бумагъ въ грузномъ тюкѣ, въ Вильну, къ архіепископу Іосифу, и составленіемъ, вмѣстѣ съ ассесоромъ Лозинскимъ, описи имущества. Эти дѣйствія вице-благочиннаго (безъ всякаго участія дворянской опеки) были незаконны, ибо имуществомъ наслѣдниковъ покойнаго, который былъ потомственнымъ дворяниномъ, никто не могъ распоряжаться безъ вѣдѣнія дворянской опеки. Мало того—послѣдняя вступила въ права свои не ранѣе, какъ по истеченіи трехъ недѣль послѣ кончины Михаила Бобровскаго. Она приняла имущество 16 октября 1848 года по описи, составленной протоіереемъ Кургановичемъ и приставомъ Лозинскимъ. Сама же опека не сдѣлала ни одного шага для удостовѣренія въ точности составленной описи и ея оцѣнки. Въ чемъ состояли охранитель-

ныя мѣры надъ имуществомъ, какъ со стороны Кургановича (онъ же потомъ былъ и депутатомъ отъ духовенства при дворянской опекѣ), такъ и со стороны членовъ дворянской опеки (помѣщиковъ Сеньковскаго, Вредта, Протасевича)—наслѣдникамъ неизвѣстно. Возбужденная переписка по этому дѣлу открыла безпорядки и злоупотребленія со стороны членовъ Пружанской дворянской опеки и мѣстной духовной власти. Въ первоначальную опись, составленную представителемъ духовной власти, не вошло даже ни одного клочка бумаги: драгоцѣнныя рукописи, масса тетрадей съ библіографическими записками, письма отъ разныхъ лицъ, какъ будто даже и не существовали! Протестъ и жалобы наслѣдниковъ остались безъ удовлетворенія, виновники растраты остались безъ должнаго законнаго возмездія! Теперь оказывается, что одна болѣе значительная часть этого въ высшей степени важнаго для науки матеріала попала въ руки обладателя библіотеки Владислава Тренбицкаго, другая же часть разобрана по рукамъ добрыми сосѣдями, пожелавшими что либо имѣть у себя для памяти о великомъ ученомъ славистѣ. Остались не при чемъ только племянники, дѣйствительные наслѣдники личныхъ трудовъ и писемъ Михаила Кирилловича.

Тренбицкій, уплативъ только десятую долю слѣдуемой суммы денегъ за библіотеку, но не давъ никакого обезпеченія въ томъ, что договоръ 5 августа имъ будетъ исполненъ, не поцеремонился перевезти ее въ свое имѣніе Липово, захвативъ кстати чужія книги и рукописи, бывшія во временномъ пользованіи Бобровскаго (между ними—и древнюю харатейную псалтирь св. Николаевской церкви). Мало того, Тренбицкій, какъ слышно отъ лицъ, заслуживающихъ довѣрія, присвоилъ себѣ даже частную переписку (что также подтверждено и показаніями очевидцевъ): три или четыре мѣшка съ бумагами (кромѣ библіотеки) поступили въ обладаніе Тренбицкаго. Впослѣдствіи оказалось, что часть бумагъ и переписки попала въ другія руки, чѣмъ и объясняется, по моему мнѣнію, обнаруженіе, между прочимъ, второй половины Супрасльской рукописи у какого-то г. Стрельбицкаго, отъ котораго четыре тетради попали въ Петербургъ, а прочія достались графу Замойскому [6]). Какъ видно изъ хода

[6]) Дѣло по архиву литовской духовной консисторіи за № 928: «О смерти пружанскаго благочиннаго профессора Михаила Бобровскаго». Пере-

многолѣтней переписки съ опекою, образъ дѣйствія мѣстныхъ властей, депутата отъ духовенства, дворянской опеки и пристава или ассесора,—во всемъ этомъ дѣлѣ набрасываетъ на нихъ весьма некрасивую тѣнь и даетъ понятіе объ отношеніяхъ этихъ людей къ памяти ученаго и къ собственности оставленныхъ имъ малолѣтнихъ сиротъ, ближайшихъ наслѣдниковъ его имени и имущества.

Итакъ, библіотека и многія бумаги съ письмами Бобровскаго перешли къ Тренбицкому въ 1848 году. Уплативъ до 1050 руб. матери наслѣдниковъ, умершей въ 1854 году, онъ откладывалъ уплату остальныхъ денегъ (1,650 руб. кромѣ %), потомъ объявилъ себя несостоятельнымъ должникомъ, а послѣ его смерти, въ началѣ 1860-хъ годовъ, библіотека перешла къ наслѣдникамъ Тренбицкаго, которые также неудовлетворили законныхъ претензій наслѣдниковъ Бобровскаго.

Бывшій попечитель Виленскаго учебнаго округа И. П. Корниловъ говорилъ мнѣ, что онъ желалъ пріобрѣсти библіотеку профессора Бобровскаго для виленскаго музея; наслѣдники Тренбицкаго за нее спрашивали 10,000 руб. сер.; цѣна эта генералъ-губернатору Кауфману показалась слишкомъ большою и библіотека продана въ Варшаву ординату графу Замойскому. Не у графа ли Замойскаго въ Варшавѣ хранится та часть трудовъ и писемъ Бобровскаго, которые попали къ помѣщику Тренбицкому при перевозкѣ въ Линово купленной имъ библіотеки?

Въ числѣ книгъ, попавшихъ въ руки Тренбицкаго и перешедшихъ отъ него или къ его наслѣдникамъ, или къ графу Замойскому, находилось не мало рѣдкостей; упомяну только о

писка наслѣдниковъ Бобровскаго съ дворянскою опекою, по поводу злоупотребленія опекуна Сеньковскаго и проч.—Библіографія (польская) Эстрейхера, т. I, стр. 101, гдѣ сказано о сочиненіи Бобровскаго подъ заглавіемъ: «Матеріалы для исторіи славянскихъ книгопечатень въ Литвѣ», съ оговоркою: «эту рукопись Бобровскій имѣлъ въ 1846 г.» Тамъ же, подъ фамиліей Владиславъ Тренбицкій (Trębicki) сказано, что онъ оставилъ нѣсколько десятковъ томовъ библіографическихъ записокъ.—Лит. епарх. вѣд. 1866 г. № 20, 21. «Древняя харатейная псалтирь виленской св. Николаевской церкви»—ст. П. Яковскаго. Авторъ былъ въ близкихъ отношеніяхъ съ Тренбицкимъ, какъ литераторъ, и съ мѣстнымъ духовенствомъ; въ его разсказѣ по поводу перехода рукописей отъ Бобровскаго къ Тренбицкому неточности очевидны; сличи мою статью «Судьба супрасльской рукописи», изд. въ 1887 г. П. Б.

двухъ мнѣ извѣстныхъ: 1) золотая медаль въ память Воздвиженія честнаго и животворящаго креста съ греческой надписью и осьмиконечнымъ крестомъ, и 2) псалтирь на пергаментѣ in folio, написанная съ титлами замѣчательно отчетливымъ и красивымъ почеркомъ. Заглавныя буквы отдѣланы золотомъ и киноварью. На поляхъ съ большимъ искусствомъ представлено въ символическихъ изображеніяхъ, отдѣланныхъ золотомъ и красками, содержаніе каждаго псалма.

Древняя харатейная псалтирь, какъ мнѣ извѣстно, продана однимъ изъ наслѣдниковъ Владислава Трембицкаго, кажется за 10,000 руб., графу Шереметеву, и находится теперь въ музеѣ Императорскаго россійскаго общества древней письменности. Только благодаря заботливости и розыскамъ протоіереевъ Михаила Токаревскаго и Николая Жуковича, мнѣ удалось, въ февралѣ 1888 г., получить нѣсколько цѣнныхъ матеріаловъ, въ числѣ которыхъ особенное значеніе для біографіи имѣетъ сборникъ писемъ М. К. Бобровскаго (съ 1830 по 1847 г.); онъ хранился у отца Владиміра, сына священника Андрея Кургановича, глубокаго почитателя профессора.

Передъ окончаніемъ печатанія настоящаго очерка мы получили отъ протоіерея Андрея Демяновича, настоятеля Замковой церкви въ Варшавѣ, коллекцію снимковъ съ древнѣйшихъ славянскихъ рукописей, писанныхъ кириллицей и глаголицей, Ватиканской и Парижской библіотекъ, полный списокъ Хорватской лѣтописи, съ замѣтками, и нѣсколько другихъ цѣнныхъ для филологіи матеріаловъ, всего до 40 предметовъ. Эти снимки пріобрѣтены о. Демяновичемъ отъ какого-то помѣщика и сберегались имъ въ церковной ризницѣ. За сохраненіе и доставленіе намъ этихъ документовъ приносимъ усердную благодарность о. Андрею.

П. О. Бобровскій.

15 апрѣля 1889 г.

135006

FEB 21 1990

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY

PG
34
B64B64
1889A
c.1
ROBA